«...БЫЛ ОДНИМ ИЗ САМЫХ ДЕЯТЕЛЬНЫХ, РАСТОРОПНЫХ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОФИЦЕРОВ»

К 220-летию со дня рождения В.А. Корнилова

Владимир Алексеевич Корнилов — российский военно-морской деятель, вице-адмирал (1852), генерал-адъютант (1852), начальник штаба Черноморского флота (1850—1854 гг.), герой покорения Кавказа и командующий обороной Севастополя во время Крымской войны 1853—1856 гг. родился 13 февраля (1 по ст. ст.) 1806 года в родовом имении Ивановское Старицкого уезда Тверской губернии в семье иркутского и тобольского губернатора Алексея Корнилова и Александры Фан-дер-Флит.

Портрет В.А. Корнилова на борту брига «Фемистокл»
Художник К. Брюллов

В 1821 году Владимир был определён в Морской кадетский корпус, окончил его в 1823 году, получил чин мичмана и был направлен служить на Балтийский флот. В 1824 году ходил на фрегате «Малый» и шлюпе «Смирный». В 1825 году был прикомандирован к Гвардейскому экипажу.

Весной 1827 года капитан 1 ранга М.П. Лазарев включил Корнилова в команду 74-пушечного линейного корабля «Азов», направлявшегося в Средиземное море. В Наваринском морском сражении мичман Корнилов командовал тремя орудиями нижнего дека и, по словам Лазарева, «был одним из самых деятельных, расторопных и исполнительных офицеров».

В 1828 году Корнилов был произведён в лейтенанты. До 1830 года служил на «Азове» в Средиземном море. В том же году последовало его назначение на строившийся тендер «Лебедь», на котором Корнилов провёл две кампании на Балтике. В январе 1833 года он был переведён на Черноморский флот, служил на линейном корабле «Память Евстафия» офицером для особых поручений при командующем эскадрой контр-адмирале Лазареве, принял участие в Босфорской экспедиции 1833 года.

В 1834 году Корнилов стал командиром брига «Фемистокл», который был направлен в Константинополь в распоряжение русской миссии в Турции. Весной 1835 года произведён в чин капитан-лейтенанта. В 1836 году он принял командование корветом «Орест». 1 января 1838 года назначен командиром строившегося линейного корабля «Двенадцать Апостолов».

Корнилов разработал и издал ряд приказов, распоряжений и инструкций, касавшихся всех сторон организации службы на корабле. Предложенный им распорядок службы был признан образцовым и введён Лазаревым на всех кораблях Черноморского флота.

В декабре 1840 года за большие заслуги в подготовке и высадке десантов на побережье Кавказа был произведён в капитаны 1 ранга.

В 1843 году Корнилов издал свою книгу «Штаты вооружения и запасного снабжения военных судов Черноморского флота всех рангов».

В 1842—1845 гг. Корнилов находился в практических плаваниях на линейном корабле «Двенадцать Апостолов».

В 1846 году был командирован в Англию для заказа и наблюдения за постройкой пароходофрегата «Владимир» и исполнения других поручений. На этом корабле 17 октября 1848 года Корнилов прибыл в Одессу, а 6 декабря был произведён в контр-адмиралы.

В 1850 году В.А. Корнилов стал начальником штаба Черноморского флота. На этом посту он проводил учения, инспекторские смотры кораблей и портов, создал школу юнг Черноморского флота.

В 1851 году после смерти адмирала М.П. Лазарева Корнилов стал фактическим командующим Черноморским флотом. Высочайшим указом он был включён в Свиту Его Императорского Величества. Вместе с императором Николаем I участвовал в смотрах флотов. 2 октября 1852 года он был произведён в вице-адмиралы с назначением генерал-адъютантом.

В начале Крымской войны Корнилов командовал отрядом паровых кораблей. 5 ноября 1853 года пароходофрегат «Владимир» под флагом Корнилова атаковал 10-пушечный турецкий пароход «Перваз-Бахри». После трёхчасового боя «Перваз-Бахри» вынужден был спустить флаг.

После высадки англо-французских войск в Евпатории и поражения русских войск на Альме в сентябре 1854 года Корнилов получил приказ от главнокомандующего в Крыму князя А.С. Меншикова затопить корабли флота на севастопольском рейде, чтобы использовать матросов для обороны города с суши. Корнилов отказался повиноваться приказу, предложив атаковать противника на море, невзирая на огромный численный и технический перевес врага. Тогда Меншиков приказал непокорному адмиралу передать командование вице-адмиралу М.Н. Станюковичу.

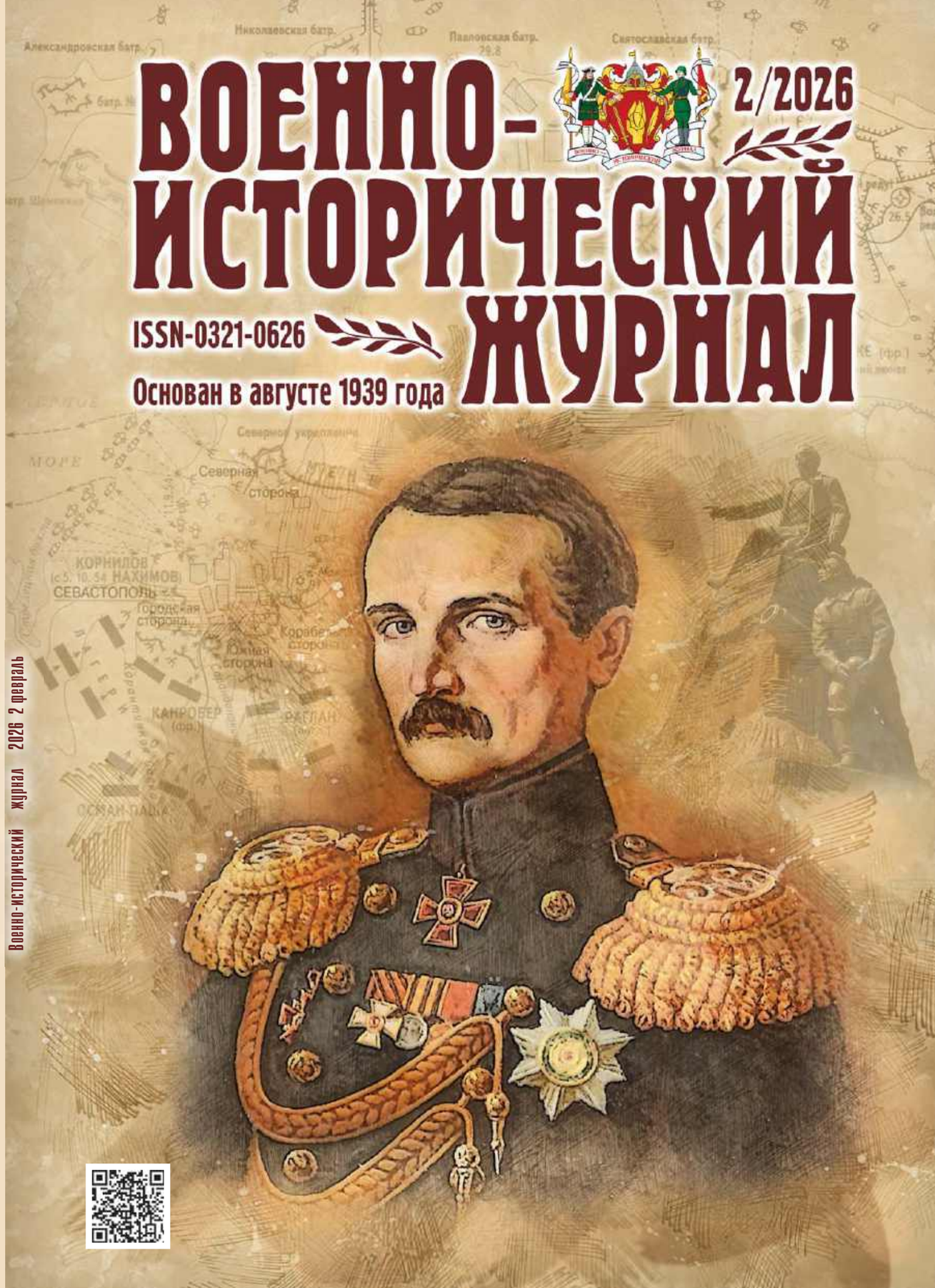
В.А. Корнилов занялся организацией обороны Севастополя, где особо ярко проявился его талант как военного руководителя. Командуя гарнизоном в 7000 человек, он показал пример умелой организации активной обороны. Корнилов по праву считается основоположником позиционных методов ведения войны (непрерывные вылазки обороняющихся, ночные поиски, минная война, тесное огневое взаимодействие кораблей и крепостной артиллерии).

Владимир Алексеевич Корнилов погиб на Малаховом кургане 17 октября (5 по ст. ст.) 1854 года во время первой бомбардировки города англо-французскими войсками. Он был погребён в севастопольском соборе Св. Владимира, в одном склепе с адмиралом М.П. Лазаревым. Позже в этом склепе были похоронены также адмиралы П.С. Нахимов и В.И. Истомин.

Потомки бережно хранят память о героическом русском адмирале. В 1895 году на Малаховом кургане, на месте смертельного ранения адмирала, ему был установлен памятник. Его именем названы улица и станция метрополитена в Москве, бухта у полуострова Корея в Японском море, мыс на Крымском полуострове, центральная набережная Севастополя, русский бронепалубный крейсер. В 1979 году в СССР была выпущена почтовая марка из серии «Адмиралы России», посвящённая В.А. Корнилову. В Тверской области в 2023 году установлен памятник и ежегодно проходят Корниловские чтения.

Публикация Н.Л. Крыловой

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2/2026
ISSN-0321-0626
Основан в августе 1939 года

Военно-исторический журнал 2026 2 февраль

«В ОБОРОНУ И НА ОТПОР ПРОТИВ НЕПРИЯТЕЛЬСКИХ СВЕЙСКИХ ВОЙСК НА ЛАДОЖСКОМ ОЗЕРЕ СДЕЛАТЬ ВОЕННЫХ 6 КОРАБЛЕЙ ПО 18 ПУШЕК»

К 325-летию подписания Петром I указа о создании кораблей для Балтийского флота

2 февраля (22 января по ст. ст.) 1701 года Петром I был издан указ, в котором царь повелевал начать строительство судов на Ладожском озере: «В оборону и на отпор против неприятельских свейских войск на Ладожском озере сделать военных 6 кораблей по 18 пушек».

Северная война 1700—1721 гг. между Шведским королевством и коалицией государств Северной Европы (Саксония, Русское царство, Датско-норвежское королевство, Речь Посполитая и др.) за обладание прибалтийскими землями и господство на Балтийском море и его побережье стала временем, когда кораблестроение в России вышло на европейский уровень. Первоначально основным театром военных действий в борьбе со Шведской империей стал бассейн реки Невы. Несмотря на тяжёлую войну на суше, Пётр I не забывал уделять время и строительству кораблей. Он понимал, что полную победу над Швецией можно было одержать, только имея сильный флот на Балтике.

Пётр I использовал опыт Азовских походов и строительства флотилии в Воронеже. На верфях северо-западных районов страны стали закладываться сначала транспортные, а затем и боевые корабли.

В начале 1701 года был издан указ о строительстве 600 стругов на реках Волхов и Луга. Кроме постройки судов царём было предписано переписать и приобрести все транспортные речные средства у частных владельцев на Свири, Тихвине, Волхове и других реках, а также на Ладожском и Онежском озёрах. Шёл сбор сведений от «бывалых людей» о путях подхода от устья Волхова к Неве.

Понятно, что одних транспортных судов было недостаточно для войны с сильным противником. Примерно в то же время заложили верфь на реке Сясь (впадает в Ладожское озеро), где в 1702 году начали строить первые боевые корабли. В 1703 году приступили к закладке судов на реках Волхов и Свирь. Были созданы Олонецкие (Свирские) верфи.

На Свирских верфях в 1703—1706 гг. были спущены на воду первые ранговые корабли Балтийского флота: 11 фрегатов и 12 шняв. В 1708—1710 гг. построили два 50-пушечных линейных корабля, ещё один достроили. Кроме того, здесь до 1724 года ввели в строй более 800 различных малых кораблей и судов. Олонецкие верфи стали одним из главных кораблестроительных центров зарождавшегося Балтийского флота.

Первый корабль российского Балтийского флота — фрегат «Штандарт»
Современная реплика

Первоначально Россия вела боевые действия на Ладожском и Чудском озёрах, где противник имел флотилии 10—20-орудийных боевых кораблей, с помощью отрядов небольших речных судов (карбасов, стругов, ладей и пр.). Их использовали для перевозки грузов и солдат. Шведское командование, имея боевые корабли с экипажами кадровых моряков, не предполагало встретить на водных просторах серьёзного сопротивления. Однако вскоре шведы убедились, что они недооценили храбрость и находчивость русских.

В мае 1702 года отряд наших судов вступил в бой со шведской эскадрой командора Лешерна в узком проливе, соединяющем Чудское озеро с Псковским. Русские захватили три шведские яхты в абордажном бою и прорвались в Чудское озеро. В середине июня наши суда атаковали шведскую эскадру вице-адмирала Нумерса на Ладожском озере, у устья реки Ворона. Затем русские напали на шведские корабли у Кексгольма. Шведская эскадра потеряла несколько кораблей и оставила Ладожское озеро. Шведы ушли в Финский залив, и наша армия получила возможность осаждать крепость Нотебург (Орешек).

В ночь на 7(18 по ст. ст.) мая 1703 года шлюпочный десант из солдат гвардейских Преображенского и Семёновского полков под командованием самого царя Петра I напал в устье Невы на 10-пушечный галиот «Гедан» и 8-пушечную шняву «Астрильд». На 30 русских гребных лодках не было ни одного орудия. После ожесточённого абордажного боя оба шведских корабля были взяты в плен. Эта победа послужила дальнейшим стимулом для развития флота. Все участники боя получили медали с надписью: «Небываемое бывает». Приказом главнокомандующего ВМФ РФ от 15 июля 1996 года дата 18 мая стала считаться днём рождения Балтийского флота.

Захватив всё течение реки Невы и получив выход в Финский залив, Пётр Алексеевич решил закрепиться на этой земле. 16 мая 1703 года на берегу Невы была заложена Петропавловская крепость. Так было положено начало основанию новой русской столицы — Санкт-Петербурга.

Чтобы защитить город со стороны моря, зимой 1703/04 года на острове Котлин основали крепость Кронштадт, ставшую главной базой Балтийского флота. 5 ноября 1704 года были начаты работы по строительству на левом берегу Невы Адмиралтейской верфи, где уже через год заложили первые корабли. Осенью 1704 года по Неве в Петербург стали прибывать первые корабли Балтийского флота. На Сяси, Ладоге и Свири кипели работы по строительству новых судов. К маю 1705 года боевое ядро Балтийского флота уже состояло из примерно 20 кораблей с 270 орудиями и 2200 человек экипажей.

Созданный Петром I Балтийский флот славен не только одержанными им победами во время военных действий. Он внёс огромный вклад в мировую географическую науку своими экспедициями, изобретениями, открытиями. Балтийский флот периода Российской империи прославили выдающиеся личности — И.Ф. Крузенштерн, Ф.П. Литке, Ю.Ф. Лисянский, Ф.Ф. Беллинсгаузен, А.С. Попов, С.О. Макаров и многие другие.

Публикация Н.Л. Крыловой

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), оценку степени их научной разработанности (историографический обзор), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.
2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных и сетевых научных (научно-популярных) изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.
3. Рекомендованный объём статьи — 20–30 тыс. знаков с пробелами.
4. Список литературы, оформляемый концевыми ссылками, должен составлять не менее 20 источников, не менее 30% которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации, в том числе в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10% от списка использованных источников.
5. Материал должен обязательно содержать иллюстрации (цветные и чёрно-белые) с указанием источников заимствования и авторских прав.
6. Все поступившие в редакцию работы проходят внутреннее и внешнее рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат» (рекомендуемая оригинальность — 80%), по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Информацию о результатах предварительной экспертизы рукописи авторы могут получить не ранее чем через 15 дней с момента её поступления в редакцию. Редакция имеет право не вступать с авторами в переписку.
7. Статьи направляются в редакцию журнала по e-mail: *mil_hist_magazin@mail.ru* или *ric_vig_1@mil.ru*.
8. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов.
9. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);

2) аннотацию на русском и английском языках (100—150 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую: вступительное слово о теме исследования; цель научного исследования; основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должны повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также её название;

3) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);

4) рукопись должна быть иллюстрирована как чёрно-белыми, так и в обязательном порядке цветными портретами или фотографиями упоминаемых персоналий, сканами исторических документов, картами, диаграммами, схемами, батальной живописью, фото музейных экспозиций, изображениями военной символики и др. из расчёта не менее одной иллюстрации на три страницы текста;

5) текст публикации должен содержать автоматические концевые ссылки на источники и литературу, примечания научно-справочного характера;

6) примечания должны содержать список литературы (от 20 источников) с полными библиографическими сведениями, который оформляется на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008, архивные и другие исторические источники, сведения научно-справочного характера (краткие биографические сведения, определения терминов и т.д.), которые нумеруются в порядке упоминания в тексте;

7) сведения об авторах на русском и английском языках: Ф. И. О. полностью, учёная степень, учёное звание, должность, место работы (название организации), город, страна, почтовый адрес, e-mail.

Общие правила оформления текста

1. Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 х 297 мм).
2. Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в форматах doc и docx (Microsoft Office).
3. Шрифт текста — Arial, кегль (размер шрифта) — 13.
4. Текст набирается с соблюдением следующих правил:
   поля — верхнее и нижнее — 2,54 см, левое и правое — 3,17 см;
   межстрочный интервал — полуторный;
   абзац — автоматический: отступ первой строки на 1,25 см (недопустимо делать отступы (левые, правые) пробелами);
   перенос слов — отключён;
   инициалы между собой пробелами не отделяются;
   при наборе должны различаться тире (—) и дефисы (-);
   кавычки типографские, внешние — ёлочки « », внутренние — лапки “ ”.
5. Таблицы нумеруются и ссылками отражаются в тексте. Оформление заголовков таблицы должно быть единообразным. Шрифты в таблице должны быть на один пункт меньше основного текста. Ширина таблицы — не более 16,5 см, высота — до 20 см.
6. Все физические величины, встречающиеся в тексте, должны быть выражены в Международной системе единиц (СИ) согласно ГОСТ 8.417 — 2002 «Единицы физических величин».
7. Иллюстрации:

1) векторные — схемы, графики, созданные средствами Microsoft Word, должны быть сгруппированы и помещаться в печатное поле;

2) растровые — рисунки, фотографии должны быть с разрешением не менее 300 dpi, каждая присылается отдельным файлом в форматах jpg и jpeg.

Фон рисунков желательно сделать белым, сами рисунки должны быть чёткими, надписи и обозначения — хорошо читаться;

3) все иллюстрации в тексте должны быть пронумерованы и иметь подрисуночные подписи, которые оформляются на отдельном файле в форматах doc и docx (Microsoft Office).

Адрес редакции для переписки:
119160, г. Москва, Хорошёвское шоссе, 38,
редакция «Военно-исторического журнала».
Тел.: (495) 941-26-50, (495) 941-26-12
E-mail: ric_vig_1@mil.ru

Подписку на «Военно-исторический журнал» можно оформить:
• по каталогу АО «Почта России» по индексу П5905 в любом почтовом отделении, кроме Республики Крым и г. Севастополя;
• Объединённому каталогу «Пресса России» через ОАО «АРЗИ» по индексу 39887 в почтовых отделениях Республики Крым и г. Севастополя;
• интернет-каталогу «Пресса России», индекс Э39887 для подписчиков всех регионов;
• интернет-каталогам агентств на сайтах:
www.podpiska.pochta.ru
www.akc.ru
www.pressa-rf.ru;
• заявке на e-mail: kr_zvezda@mail.ru с личным получением в АО «Красная Звезда», г. Москва, или доставкой бандеролью.

Сдано в набор 19.12.2025
Подписано к печати 19.01.2026
Формат 60x84/8.

Тираж экз. 0000 Зак. № 0364-2026
Регистрац. № 01978 от 30.12.1992

Журнал издаётся ФГБУ «РИЦ «Красная звезда» Минобороны России
125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38
Тел.: (495) 941-23-80
E-mail: ricmorf@yandex.ru

Отдел рекламы (495) 941-28-46
E-mail: reklama@korrnet.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда»
117342, г. Москва, Севастопольский проспект, д. 56/40
Цена свободная
© «Военно-исторический журнал», 2026
Отдел распространения периодической печати — 8(495) 941-39-52
E-mail: kr_zvezda@mail.ru,
Web-сервер: http://www.redstarprint.ru
Секретариат — 8(495) 191-15-51

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ: МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

февраль
№ 2 (790)
2026

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
ЧАЧУХ
Игорь Мадинович,
заслуженный
журналист РФ,
полковник запаса

Заместитель главного редактора
КИКНАДЗЕ
Владимир Георгиевич,
доктор исторических наук,
доцент, член-корреспондент
РАРАН,
полковник запаса

Научные редакторы
П.А. АФАНАСЬЕВ,
полковник в отставке;
Е.В. ДОБЫЧИНА,
кандидат
исторических наук;
В.А. ЕВДОКИМОВ,
подполковник в отставке;
Н.Л. КРЫЛОВА;
А.Л. КУРСОВА;
С.В. МАНЮКОВ,
полковник в отставке;
А.Н. ОВЧИННИКОВ,
подполковник в отставке;
А.В. ПЕТРОЧИНИН;
А.А. ПИМЕНОВ,
полковник в отставке;
О.А. ТВИРОВА

Ответственный секретарь
М.В. ЗАБРОДИНА

Секретариат
А.А. ЛАНЦОВА
(заместитель
ответственного секретаря);
Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция
Н.И. ВАХРОМЕЕВА;
А.И. ПАВЕЛКОВСКАЯ;
А.М. ПЕТРОВ,
полковник в отставке

Заведующий редакцией
Е.С. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Перевод
А.М. БОРОВИК

Компьютерная вёрстка
Е.Н. ПЛЕТНЁВА

Обложка номера
И.В. НИКОЛАЕВ
капитан 1 ранга запаса

В оформлении обложки номера использован портрет вице-адмирала В.А. Корнилова из собрания Музея-заповедника героической обороны и освобождения Севастополя

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.И. БАСИК — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

I.I. BASIK — the Chief of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.), Senior Researcher (Moscow)

А.А. БУДКО — директор Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы в отставке, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург)

A.A. BUDKO — the Director of the Military Medical Museum of the Russian Defence Ministry, Colonel (med. service, ret.), D. Sc. (Medicine), Professor, Honoured Doctor of Russia (St. Petersburg)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Ye.Yu. GUSKOVA — the Director of the Centre for the Studying the Balkans crisis of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

А.А. ЗДАНОВИЧ — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, доктор исторических наук (Москва)

A.A. ZDANOVICH — Senior Researcher of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Lieutenant-General, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

В.М. КРЫЛОВ — директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник в отставке, доктор исторических наук, профессор, действительный член РАРАН, заслуженный работник культуры РФ (Санкт-Петербург)

V.M. KRYLOV — the Director of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Communications Troops, Colonel (ret.), D. Sc. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences (RAMAS), RF Honoured Worker of Culture (St. Petersburg)

В.Н. ЛОБОВ — генеральный инспектор Министерства обороны РФ, генерал армии, доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

V.N. LOBOV — General Inspector of the Ministry of Defence of the Russian Federation, General of the Army, D. Sc. (Mil.), Cand. Sc. (Hist.), Professor (Moscow)

С.В. МИРОНЕНКО — научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

S.V. MIRONENKO — Scientific leader of the State Archives of the Russian Federation, D. Sc. (Hist.), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник в отставке, кандидат исторических наук (Москва)

A.K. NIKONOV — the Director of the Central Museum of the Armed Forces, Colonel (ret.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Э.А. ПАДЕРИН — начальник Архивной службы Вооружённых сил Российской Федерации, полковник (Москва)

E.A. PADERIN — Head of the Archival service of the Russian Armed Forces, Colonel (Moscow)

И.А. ПЕРМЯКОВ — директор Российского государственного архива новейшей истории, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

I.A. PERMYAKOV — The Director of the Russian State archive of Modern History, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Ю.А. ПЕТРОВ — советник директора Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

Yu.A. PETROV — Advisor to the Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

В.С. ХРИСТОФОРОВ — главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, генерал-лейтенант, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

V.S. KHRISTOFOROV — Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Lieutenant-General, D. Sc. (Law), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.О. ЧУБАРЬЯН — научный руководитель Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

A.O. CHUBARYAN — Scientific leader of the Institute of Global History of the Russian Academy of Sciences, Academician of the RAS, Professor (Moscow)

‹‹Военно-исторический журнал›› включён в Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук; в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science; Белый список и Единый государственный перечень научных изданий

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

2-я стр. обл. «В оборону и на отпор против неприятельских свейских войск на Ладожском озере сделать военных 6 кораблей по 18 пушек». К 325-летию подписания Петром I указа о создании кораблей для Балтийского флота (*Публикация Н.Л. Крыловой*)

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

4 **С.Е. ЛАЗАРЕВ, Д.В. КУЗНЕЦОВА** — «Солдат служит не ради страха наказания, а ради долга перед Родиной». Влияние идей декабристов на военные реформы 1860—1870-х годов

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

14 **И.А. МОТОРИН** — «Первый раз наша артиллерия получила возможность выполнить... задачу, которая до тех пор достигалась ценою лишней крови». Русская артиллерия в ходе прорыва обороны противника в полосе Юго-Западного фронта летом 1916 года

22 **С.В. АВЕРЧЕНКО** — «Выпущено 6 ракет, из них 3 попали в цель. Аэростат сгорел». Эксплуатация ракетного вооружения в российском Военном воздушном флоте в 1917 году

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

28 **Ю.М. ЛЫСЕНКО** — «...Выросли в грозную для врага силу». Бронепоезд «Комсомолец Дагестана» в боях за освобождение Северного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков (1942 г.)

36 **П.А. АНИКОНОВ** — «Тем больше наша слава!». Ущерб жителям и защитникам Ленинграда от действий германской дальнобойной артиллерии в 1941 году

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

46 **В.С. АЗИН** — «Часть теоретических занятий проводили прямо в казарме, между сбитыми из досок нарами». Город Вольск — кузница военных кадров для фронта, для Победы

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

52 **А.А. ТАТАРОВ** — «Красная армия является гораздо лучшей боевой силой в плане управления, чем в начале войны». Американская военная миссия П. Хэрли под Сталинградом и на Кавказе (1942 г.)

ИЗ ИСТОРИИ ТЫЛА ВООРУЖЁННЫХ СИЛ

60 **А.В. ПОПОВ** — «Необходима повседневная забота о санитарном состоянии войск...». Создание первой полевой передвижной прачечной для Красной армии в 1930-е годы

ЭКОНОМИКА И ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ

70 **Ю.Г. ЕЩЕНКО** — «В случае отхода наших частей остающиеся нефтеёмкости подорвать...». Эвакуация предприятий нефтяной промышленности на территорию Прикаспийской нефтегазоносной провинции в 1941—1942 гг.

НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ

78 **В.В. ЗАПАРИЙ, Д.В. ШУНЯКОВ** — «Немецкая разведка снабжает агентов советскими поддельными орденами и медалями, удостоверениями...». Меры органов НКВД в борьбе с немецкими диверсантами в годы Великой Отечественной войны

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

84 **Г.В. БАРИНОВА, С.Н. КЛИМОВ, К.О. КОНСТАНТИНОВ** — «Я паду сраженным под этим знаменем, но не отдам его неприятелю». Русско-турецкая война 1877—1878 гг.: рефлексия социальной и исторической памяти

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

96 **В.В. БАХТИН, А.А. ПРИПАДЧЕВ** — «Пусть сотни и сотни тысяч людей пройдут здесь, волнуясь, гордясь, учась и готовя себя к новым боям и трудам». Сохранение военно-мемориального наследия подвига защитников и жителей Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: от выставки к музею (1942—1945 гг.)

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

104 **Т.В. КАЛИНКИНА** — «Запах горелых людей я век не забуду...». Свидетельства партизан и мирных жителей о зверствах фашистов на территории Брянщины в 1941—1943 гг.

ИМЕНА И СУДЬБЫ

110 **И.П. КАМЕНЕЦКИЙ** — «Многочисленное турское войско побили и Чигиринские горы взяли». Государева служба генерала и воеводы Матвея Кровкова

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

4-я стр. обл. «...Был одним из самых деятельных, расторопных и исполнительных офицеров». К 220-летию со дня рождения В.А. Корнилова (*Публикация Н.Л. Крыловой*)

CONTENTS

MEMORABLE DATES

«Build six warships, each with 18 cannons to defend and repel Swedish troops on Lake Ladoga». On the 325th anniversary of Peter the Great's signing of the decree to create ships for the Baltic Fleet (*Publication by N.L. Krylova*) — **p. 2 of the cover**

MILITARY BUILDING

S.Ye. LAZAREV, D.V. KUZNETSOVA — «A soldier serves not out of fear of punishment, but out of a sense of duty to their country». The impact of Decembrist ideals on military reform in the 1860s and 1870s — **4**

WORLD WAR I

I.A. MOTORIN — «For the first time, our artillery managed to accomplish a task that previously required unnecessary bloodshed». Russian artillery during the breakthrough of enemy defenses on the Southwest Front in the summer of 1916 — **14**

S.V. AVERCHENKO — «Six rockets were launched, three of which struck the target. The aerostat was destroyed». The use of rocket weapons by the Russian Air Force in 1917 — **22**

GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941—1945

Yu.M. LYSENKO — «...They became a powerful force against the enemy». The armored train Komsomolets Dagestana in the battles for the liberation of the North Caucasus from Nazi invaders in 1942 — **28**

P.A. ANIKONOV — «The greater our glory!» The impact of German long-range artillery on residents and defenders of Leningrad in 1941 — **36**

MILITARY TRAINING AND EDUCATION

V.S. AZIN — «Some of the theoretical classes were held right in the barracks, between plank bunks». The city of Volsk: a forge for military personnel for the front and victory — **46**

FROM THE HISTORY OF MILITARY-POLITICAL RELATIONS

A.A. TATAROV — «The Red Army is a much better fighting force in terms of command and control than it was at the beginning of the war». Patrick J. Hurley's american military mission to Stalingrad and the Caucasus in 1942 — **52**

FROM THE HISTORY OF THE ARMED FORCES' REAR SERVICE

A.V. POPOV — «Daily care for the sanitary conditions of troops is essential...». The creation of the first mobile field laundry for the Red Army in the 1930s — **60**

ECONOMY AND ARMED FORCES

Yu.G. YESHCHENKO — «In the event of a withdrawal of our units, blow up the remaining oil tanks...». Evacuation of oil industry enterprises to the territory of the Caspian oil and gas province in 1941—1942 — **70**

UNKNOWN FACTS FROM THE LIFE OF SECRET SERVICES

V.V. ZAPARIY, D.V. SHUNYAKOV — «German intelligence supplies its agents with counterfeit Soviet orders, medals and identification cards...». On the NKVD's efforts to combat German sabotage during the Great Patriotic War — **78**

MILITARY CHRONICLE OF HOMELAND

G.V. BARINOVA, S.N. KLIMOV, K.O. KONSTANTINOV — «I will fall under this banner slain, but I will not surrender to the enemy». The Russo-Turkish war of 1877—1878: a reflection on social and historical memory — **84**

MILITARY-PATRIOTIC EDUCATION

V.V. BAKHTIN, A.A. PRIPADCHEV — «Let hundreds and thousands of people pass through here, feeling excited, proud, and learning as they prepare themselves for new challenges and endeavors». Preservation of the military memorial legacy of the heroes and residents of Leningrad during the Great Patriotic war: from exhibition to museum (1942—1945) — **96**

NO LIMITATION PERIOD

T.V. KALINKINA — «Never will I forget the smell of burning people...». Testimonies from partisans and civilians about the atrocities committed by the Nazis in the Bryansk region during 1941—1943 — **104**

NAMES AND DESTINIES

I.P. KAMENETSKIY — «We defeated a large Turkish army and took the Chigirin Mountains». The Sovereign's service of General and Voivode Matvey Krovkov — **110**

MEMORABLE DATES

«...He was one of the most active, efficient, and diligent officers». On the 220th anniversary of V.A. Kornilov's birth (*Publication by N.L. Krylova*) — **p. 4 of the cover**

MILITARY HISTORIAN'S BOOKSHELF — 45

MEMORABLE DATES — 120

С.Е. Лазарев,
Д.В. Кузнецова

«СОЛДАТ СЛУЖИТ НЕ РАДИ СТРАХА НАКАЗАНИЯ, А РАДИ ДОЛГА ПЕРЕД РОДИНОЙ»

Влияние идей декабристов на военные реформы 1860—1870-х годов

Сведения об авторах. *Лазарев Сергей Евгеньевич — доцент кафедры теории и истории российского и зарубежного права Владивостокского государственного университета, кандидат исторических наук, профессор Академии военных наук Российской Федерации (г. Владивосток. E-mail: lasarev2009@yandex.ru);*

Кузнецова Дарья Вадимовна — студентка Тольяттинского государственного университета (г. Тольятти. E-mail: Daria.kuznetsova01@yandex.ru).

Аннотация. *Участие офицеров Русской Императорской армии в ряде вооружённых конфликтов начала XIX столетия, в особенности в Отечественной войне 1812 года, в дальнейшем примкнувших к движению декабристов, сформировало у них убеждённость в необходимости реформы военных структур государства, в т.ч. ликвидации военных поселений, замены рекрутского набора всесословной призывной системой формирования армии, модернизации управления, структуры, обучения и вооружения войск, внедрения в армейские ряды начальных демократических принципов и механизмов защиты прав военнослужащих. Многие из предложенных ими идей легли в основу военных реформ 1860—1870-х годов и стали существенным вкладом в укрепление обороноспособности государства.*

Ключевые слова: *военные идеи декабристов; военные поселения; военные реформы 1860—1870-х годов; движение декабристов; рекрутская повинность; всесословная призывная система; конституция Н.М. Муравьёва; ланкастерские школы; «Русская правда»; Д.А. Милютин.*

В обширной отечественной историографии, посвящённой движению декабристов, лишь малая часть трудов содержит всесторонний анализ военно-теоретических взглядов участников восстания 14 декабря 1825 года на Сенатской площади и их идейных единомышленников, предлагавших конкретные меры по преобразованию Русской Императорской армии. Данный аспект затрагивался в работах Е.А. Прокофьева[1], Л.Г. Бавиной[2], В.И. Семевского[3], М.В. Довнар-Запольского[4], Л.Г. Бескровного[5], Г.П. Мещерякова[6]. К примеру, Е.А. Прокофьев считал декабристов первыми революционерами, положившими начало новому этапу в развитии передовой русской военной мысли, крупными военными теоретиками своего времени, активными и страстными борцами за прогрессивное военное искусство. Л.Г. Бавина отмечала, что общественно-политические интересы и планы революционного переустройства страны позволили декабристам, опираясь на гуманитарное мировоззрение, по-новому осмыслить роль армии, её функции и задачи. Показательны исследования Л.Г. Бескровного и Г.П. Мещерякова, в которых приведена характеристика военных мемуаров декабристов, их военно-теоретических работ и проектов по преобразованию армии. Несмотря на то что восстание потерпело неудачу, идеи декабристов в области организации вооружённых сил, обучения и воспитания войск, стратегии и тактики предвосхитили своё время и были реализованы в ходе военных реформ 1860—1870-х годов. Вопросы такой взаимосвязи практически никогда не были предметом самостоятельного исследования, а между тем они представляют определённый интерес при анализе эволюции российского военного искусства.

Основываясь на реальном опыте участия в различных вооружённых конфликтах начала XIX столетия (война с Францией 1805—1807 гг., Русско-шведская война 1808—1809 гг., Русско-турецкая война 1806—1812 гг., Отечественная война 1812 года, Заграничные походы 1813—1814 гг.), декабристы не могли не заметить целый ряд недостатков, присущих существовавшей политической и военной системе, а потому пытались предложить наиболее оптимальные формы её переустройства[7]. Такие основополагающие документы декабристского движения, как «Манифест к русскому народу» С.П. Трубецкого, «Русская правда» П.И. Пестеля, «Конституция» Н.М. Муравьёва, не только отражают идеи будущего политического правления, но и содержат конкретные предложения по модернизации армии. При этом суждения декабристов формировались под влиянием сразу нескольких факторов: идей Просвещения, пропагандировавших свободу, равенство и братство; опыта западноевропейских стран, где происходили значительные изменения в военной организации и управлении; личного участия в Наполеоновских войнах. Декабристы тщательно изучали иностранные военные уставы, тактику и стратегию, что позволило им выработать собственное видение реформ — сделать армию более гуманной и демократичной.

В частности, статьи 10, 11, 12 «Манифеста к русскому народу» предусматривали уничтожение рекрутства и военных поселений, сокращение срока военной службы для нижних чинов и уравнение воинской повинности между всеми сословиями, отставку всех без изъятия нижних чинов, прослуживших 15 лет[8]. В «Русской правде», наиболее полно отразившей идеи декабристов о строительстве вооружённых сил в России, говорилось о необходимости замены сословной армии на гражданскую, где служба станет обязательной для всех, независимо от происхождения, что, по мнению П.И. Пестеля, укрепит патриотизм и снизит социальное неравенство в обществе[9]. Особенно П.И. Пестель критиковал систему А.А. Аракчеева, которая подавляла инициативу офицеров, и предлагал разделение власти между гражданскими и военными лицами, чтобы избежать диктата офицерского корпуса. Конституция Никиты Муравьёва, в отличие от радикальных идей Павла Пестеля, предполагала более умеренные реформы, основанные на западноевропейском опыте. Муравьёв выступал за профессионализацию офицерского корпуса (предлагал повысить зарплаты и организацию обучения, чтобы укрепить моральный дух), мечтал о создании такого министерства военных дел, которое бы отвечало перед парламентом, ограничивая власть императора[10].

Нельзя не отметить мемуары, дневники и письма декабристов, служащие ценным источником

Восстание на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 г.
Художник К. Кольман, 1830-е гг.
Государственный исторический музей

для анализа взаимодействия армии и общества. В этой связи показательно письмо А.И. Якубовича к императору Николаю Павловичу, в котором наиболее полно отражено положение военнослужащих. Александр Иванович был капитаном Нижегородского драгунского полка, поэтому все несовершенства и изъяны в армии были для него очевидны: «Солдат армии — блюститель внутреннего спокойствия государства и охраны его внешней целостности, обреченный на 25 лет службы, оставляет отчий дом, жену, детей без надежды когда-либо насладиться мирной жизнью под родным кровом. Не уважая себя, не любя своего звания, действует из одного побуждения страха»[11]. Декабристы считали, что армия должна стать отражением свободного общества, где солдаты будут рассматриваться не как «живой щит», а как полноценные граждане, обладающие правами и свободами. Они выступали за пересмотр принципов военного управления и отказ от абсолютной власти императора над вооружёнными силами. Как писал С.И. Муравьёв-Апостол, «армия — это часть народа, а не инструмент одного человека. Все ее действия должны подчиняться законам страны, а не капризам правителя»[12]. На место существовавшей системы управления, по его мнению, должны были прийти коллегиальные органы, которые бы регулировали военные вопросы в соответствии с законом и интересами общества.

Декабристы считали, что армия должна стать отражением свободного общества, где солдаты будут рассматриваться не как «живой щит», а как полноценные граждане, обладающие правами и свободами

Российская армия в первой четверти XIX века характеризовалась наличием целого ряда недостатков — неустроенностью быта, казнокрадством, жестокой муштрой, пренебрежительным отношением к нижним чинам и их высокой смертности, применением телесных наказаний, дезертирством[13]. «Участь благородного солдата всегда почти вверена жалким офицерам, — подчёркивал В.Ф. Раевский, — из которых большая часть едва читать умеет, с испорченной нравственностью, без правил и ума. Чего же ожидать можно? Солдат чувствует это и молчит потому, что молчать страх повелевает. Малейший ропот вме-

На западной границе. Июнь 1812 г.
Художник А.Ю. Аверьянов, 2012 г.
Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник

няется в преступление. Жалоба мстится сильнее, нежели самое преступление!»[14]. По мнению декабристов, способные офицеры, не имевшие связей и денег, в мирное время сталкивались с невозможностью сделать военную карьеру и прозябали в глуши (этот сюжет получил своё отражение в знаменитой картине П.А. Федотова «Анкор! Еще анкор!»). Настоящим бичом русской армии стали дуэли среди офицерства.

Одним из главных символов застоя в развитии армии декабристы считали военные поселения. В «Русской правде» П.И. Пестеля экономическая выгода от использования труда солдат-крестьян рассматривалась как иллюзорная, поэтому в документе прописывалась одна из важнейших обязанностей временного верховного правления — уничтожение военных поселений и освобождение от этого ужасного ига всех селений, которые к нему принадлежали[15]. Конституция Н.М. Муравьёва предполагала те же меры и подчёркивала, что «поселенные батальоны и эскадроны с родственниками рядовых вступают в звание общих владельцев»[16].

Декабристы стремились к созданию более справедливой системы обеспечения прав и свобод граждан, а также к реформированию армии в сторону более профессиональной и менее зависимой от произвола дворянства. В их программных документах рассматривались примеры отказа от жёстких методов армейского управления, в частности, от бесконечной муштры, против которой наиболее последовательно выступали А.А. Бестужев-Марлинский и К.Ф. Рылеев. В своих «подблюдных песнях», распространявшихся нелегально, они писали: «Вдоль Фонтанки-реки/ Квартируют полки.../ Их и учат, их и мучат,/ [Что] Ни свет, ни заря.../ Для потехи царя!»[17].

Особой критике со стороны декабристов подвергся фактор сословного неравенства в армии. Войско комплектовалось посредством рекрутских наборов, бремя которых в первую очередь ложилось на крестьянское сословие. Как отмечал Павел Пестель, «рекрутская повинность, как несправедливое и тяжелое бремя для простого народа, должна быть уничтожена. Воинская служба должна стать всеобщей обязанностью граждан, где каждый обязан служить Отечеству, а не только низшие сословия»[18]. Данный вопрос был также рассмотрен в статьях конституции Н.М. Муравьёва, где определялась следующая форма повинности: «Каждый русский обязан носить общественные повинности, повиноваться законам и властям Отечества и явиться на защиту Родины, когда потребует того закон»[19]. Таким образом, воинская обязанность должна была касаться всех граждан, а срок службы в армии следовало сократить.

Портрет А.А. Аракчеева
Художник Дж. Доу, 1823 г.
Государственный Эрмитаж

Жестокие и унизительные наказания, повсеместно применявшиеся в русской армии (наиболее распространёнными были шпицрутены и розги), вызывали особое возмущение декабристов. Такие практики в значительной мере оскорбляли человеческое достоинство, а их регулярное использование приводило к деморализации войск. «Кто же нас кабалил,/ Кто им барство присудил, — вопрошали в своих смелых «песнях» А.А. Бестужев-Марлинский и К.Ф. Рылеев, — И над нами,/ Бедняками,/ Будто с плетью посадил?»[20]. Неоднократно возникали ситуации, когда офицеры выходили из строя и даже падали в обморок при виде наказаний солдат[21]. Сами они также подвергались оскорблениям, а иногда и насилию со стороны вышестоящих чинов за нарушение дисциплины и игнорирование распоряжений начальников[22].

В.Ф. Раевский обращал внимание на незаконную эксплуатацию солдат, широкое использование их труда офицерами всех уровней в их личных хозяйствах: сенокосы, ремонт домов, в роли прислуги, что, по его мнению, ослабляло устройство войск и истинную дисциплину, совершенно уничтожало нравственность, как бы «омужичивало» солдат. И это позорное явление было невозможно искоренить никакими, даже самыми строгими, приказами императора. Солдаты безмолвствовали и не выступали против начальства, поскольку страх воспрещал им что-либо говорить[23].

«Воинская служба должна стать всеобщей обязанностью граждан, где каждый обязан служить Отечеству, а не только низшие сословия»

Будучи офицерами, М.П. Бестужев-Рюмин, М.С. Лунин,

«Анкор! Еще анкор!»
Художник П.А. Федотов, 1851—1852 гг., не завершена
Государственная Третьяковская галерея

Сквозь строй (иллюстрация к рассказу «После бала»)
Художник И.И. Пчелко, 1970-е гг.

Учение солдат в николаевское время
Художник М.В. Добужинский, 1913 г.
Государственный исторический музей

С.И. Муравьёв-Апостол, Е.П. Оболенский выступали за отмену телесных наказаний и создание более гуманной системы воспитания солдат, которая отвечала бы идеалам Просвещения. С.Г. Волконский во время службы на Волыни старался ввести в отношение к подчинённым больше мягкости и теплоты, отмечая: «Я был учтив с офицерами и дружески попечителен о нижних чинах, старался заслужить их доверие и любовь, чего можно достичь вопреки старой и грубой палочной системы»[24]. В свою очередь М.С. Лунин, предлагая заменить телесные наказания системой дисциплинарных взысканий, основанной на уважении к личности солдата, писал: «Солдат служит не ради страха наказания, а ради долга перед Родиной. Условия его службы должны поддерживать чувство чести и достоинства, а не унижать его человеческое состояние»[25].

Одним из первых, кто предпринял попытку модернизации военной системы на практике, был генерал М.Ф. Орлов, командир 16-й пехотной дивизии. Он рассматривал телесные наказания как неэффективный и аморальный метод воспитания солдат, подчёркивая, что «офицер, который отличится в жестокости, лишится навсегда команды своей». Такой подход к управлению дивизией дал результаты: согласно приказу № 27 от 18 октября 1820 года было зафиксировано значительное сокращение случаев дезертирства, что свидетельствовало о повышении морального духа солдат при гуманистическом подходе к управлению[26]. Подобные методы получали распространение среди декабристов. Например, М.И. Муравьёв-Апостол и Ф.П. Шаховской, служившие в Семёновском полку, применили практику разграничения видов нарушений: «преступления» передавались на рассмотрение суда, «пороки» наказывались на уровне полка, «ошибки»

устранялись через коррекцию поведения, а особое внимание уделялось контролю за обращением с унтер-офицерами и кавалерами боевых наград, к которым запрещалось применять физическое насилие[27].

Среди идей декабристов относительно преобразований в устройстве армии можно отметить предложение о сокращении срока службы. П.И. Пестель, в частности, писал: «Срок, определенный в 25 лет, до такой степени через всякую меру продолжителен, что мало солдат ее проходят и выдерживают, потому с самого младенчества привыкают они взирать на военную службу как на жесточайшее несчастье и почти как на приговор к смерти»[28].

Декабристы также были нацелены на сокращение количества войск в мирное время, что было связано с международным положением России после 1812 года, когда страна не нуждалась в столь огромной по численности армии. Отдельное внимание они уделяли тяжёлому положению с материальным обеспечением войск. С.И. Муравьёв-Апостол писал, что в армии будут продолжаться волнения, пока «существуют такие источники ее недовольства, как нынешняя форма довольствования, которая не только лишает солдата возможности какой-либо экономии, но и создает для него массу лишений, при которых ему иногда не хватает хлеба»[29]. М.С. Лунин выступил с идеей увеличения жалованья офицерам «в соразмерности с их нуждами», поскольку, бедно оплачиваемые, они были склонны к взяточничеству[30]. Как отмечал А.А. Бестужев-Марлинский, широкое распространение получило армейское казнокрадство: «В петербургском и кронштадтском адмиралтействе положено 190 лошадей для таскания бревен, но дело в том, что ни одна лошадь не работает, а возит по гостям чиновников, вместо них запрягают несчастных матросов»[31]. На фоне этого декабристы в своих письмах к императору Николаю I сообщали ему о существовавших в армии беспорядках: «Солдаты роптали на истому ученьями, чисткой и караулами, офицеры — на скудность жалованья и непомерную строгость, матросы — на черную работу, удвоенную по злоупотреблению, морские офицеры — на бездействие»[32]. Они не раз сетовали на крайне тяжёлое положение на службе: труды, усталость, дурную пищу, скверное жильё, сырость, а с приближением зимы — и суровый климат[33].

Портрет Н.М. Муравьёва
Художник Н.А. Бестужев, 1836 г.
Музей личных коллекций Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина

«Ни одна лошадь не работает, а возит по гостям чиновников, вместо них запрягают несчастных матросов»

Критической оценке в 1820-е годы подвергалось и состояние вооружения, применявшегося в российской армии. Декабристы в полной мере осознавали необходимость её технического переоснащения, без осуществления которого Россия могла оказаться в бедственном положении в случае масштабной внешней угрозы. Система обучения войск, по их мнению, была нацелена скорее на проведение парадов, поэтому они выступали за создание системы военного образования, которая бы обеспечивала подготовку офицеров, способных к критическому мышлению и самостоятельному принятию решений. К тому же существовавший механизм продвижения по военной службе осуществлялся не по способностям или за отличия, а по старшинству в чине или за счёт родственных связей. Из-под пера молодых дворян появляются следующие пассажи о царе: «Только за парады/ Раздает награды…/ А за комплименты —/ Голубые ленты…/ А за правду-матку/ Прямо шлет в Камчатку»[34]. П.И. Пестель в своём программном документе возражал против «уродливой практики чинопроизводства» и выступал за введение строгих критериев отбора и продвижения офицеров по службе исключительно на основе их профессиональных качеств[35]. Кроме этого, он настаивал на том, чтобы запретить отдавать людей в военную службу в виде наказания, так как воинское звание столь почтенно, что не должно быть уделом недостойного человека.

Особое внимание декабристы уделяли просветительской деятельности с целью усиления гуманитарных тенденций в военном обществе, повышения образовательного и культурного уровня офицеров и солдат. Отметим, что в 1816 году при Гвардейском корпусе они учредили организацию «Общество военных наук», деятельность которой способствовала формированию нового типа офицера

— мыслящего, образованного и ответственного. В 1819—1820 гг. при штабах 1-й и 2-й армий активно проводились офицерские вечера, посвящённые обсуждению военных задач, обмену опытом и организации досуга. Участие в них офицеров, не входивших в тайные общества, но разделявших либеральные взгляды, показывает, что декабристские идеи находили отклик за пределами их узкого круга. Эти собрания оказали влияние на формирование профессионального сообщества, основанного на принципах взаимного уважения и коллективного развития.

Для решения накопившегося комплекса армейских проблем декабристы предлагали пересмотреть принципы подготовки офицеров. Конституция Н.М. Муравьёва содержала мысль о создании системы военных училищ, в которых можно было бы получать профессиональное образование для будущей службы: «Военные училища должны воспитывать не слепое подчинение, а сознательное выполнение долга перед Отечеством»[36]. При этом доступ в такие учебные заведения должен был быть обеспечен для всех способных горожан. Развивая эту мысль, Е.П. Оболенский настаивал на том, что продвижение офицеров по службе должно быть обосновано навыками и заслугами, поэтому просвещённый офицерский корпус — это обязательное условие для создания сильной армии и гарантия соблюдения законности[37].

Портрет С.Г. Волконского
Художник Дж. Доу, 1823 г.
Государственный Эрмитаж

Продвижение офицеров по службе должно быть обосновано навыками и заслугами, поэтому просвещённый офицерский корпус — это обязательное условие для создания сильной армии и гарантия соблюдения законности

Декабристы активно развивали образовательные инициативы для нижних чинов, организовывая ланкастерские школы взаимного обучения, которые позволяли солдатам и кантонистам одновременно учиться и обучать друг друга. М.Ф. Орлов в 1817 году открыл Киевскую ланкастерскую школу, где солдаты могли не только овладевать грамотой, но и развивать моральные качества: патриотизм, верность долгу, уважение к личности и преданность народу. Под руководством В.Ф. Раевского и К.А. Охотникова была открыта школа при 16-й пехотной дивизии, а в 1819 году Ф.Н. Глинка и Ф.П. Толстой расширили инициативу, создав Вольное общество учреждения училищ по методу взаимного обучения, действовавшее по всей России. Декабристы стремились пропагандировать идеи равенства, справедливости и гуманизма, формируя у солдат осознанное отношение к своей роли в государстве. Реализуя эти инициативы, они следовали трём ключевым принципам: осознанному выполнению воинского долга, сочетанию дисциплины с заботой о подчинённых, а также демократическому подходу в командовании. Внедрение ланкастерских школ внесло вклад в создание новой военной этики, способствуя формированию «гражданского сознания».

Декабристское движение первой половины XIX века, несмотря на поражение, заложило основу для будущих военных реформ и развития профессиональной культуры в российской армии. Призывы к гуманизации армейской службы и акцент на профессионализации военного дела стали предтечей реформ, проведённых графом Дмитрием Алексеевичем Милютиным в 1860—1870-х годах. Эти изменения частично реализовали декабристские установки, хотя и в рамках самодержавной системы, что ограничивало их демократический потенциал.

Некоторые современные исследователи отмечают, что взгляды представителей власти и декабристов местами были даже схожи, но первая долго не решалась на важнейшие преобразования. Ведь обе эти альтернативы были патриотично настроены и желали России лучшего[38]. Например, Т. Орлова считает, что сами декабристы метались между перспективами либеральных обновлений и сохранением существовавшего строя[39]. Николай I ещё в ходе следствия распорядился собрать и обобщить показания декабристов, их взгляды и критику императорской России. Документы допросов стали его настольной книгой, эти материалы учитывались императором при проведении военных преобразований, направленных на повышение уровня подготовки офицерского корпуса, ужесточение дисци-

плины и улучшение системы снабжения, модернизацию вооружений. Реформу управления государственными крестьянами царь доверил генералу от инфантерии П.Д. Киселёву, близкому движению декабристов и разделявшему некоторые их взгляды. Тем не менее И.И. Пущин высказывал уверенность, что политика Николая I в целом противодействовала прогрессу и в итоге привела страну к застою, что и стало причиной её поражения в Крымской войне 1853—1856 гг.[40]

Материалы допросов декабристов могли быть на руках и у разработчиков реформ 1860—1870-х годов, под чьим руководством осуществлялись дальнейшие преобразования в армии. Неслучайно одними из первых мероприятий, проведённых новым императором Александром II, общавшимся с декабристами ещё будучи цесаревичем во время своей ознакомительной поездки по Сибири в 1837 году, были амнистия политических заключённых и упразднение военных поселений.

Портрет М.Ф. Орлова
Художник А.-Ф. Ризенер, 1816—1817 гг.
Государственный Эрмитаж

В ходе военной реформы второй половины XIX столетия многие идеи декабристов были реализованы на практике: создание системы обучения и подготовки резервистов; замена рекрутского принудительного набора на всесословную призывную службу (введена в 1874 г.), что позволило значительно увеличить численность армии и обеспечить её более качественную подготовку. Однако в отличие от декабристских программ реформа сохраняла определённые привилегии: отсрочки для представителей элиты, возможность «выкупа» службы и сословные различия в доступе к офицерским чинам. Особое внимание декабристы уделяли военному образованию, а реформа Д.А. Милютина, включавшая создание военных округов и систематическую подготовку офицеров, стала развитием этих инициатив. Идея Н.М. Муравьёва о «гражданском сознании» в армии нашла отражение в уставах 1860-х годов,

Проводы новобранца
Художник И.Е. Репин, 1879 г.
Государственный Русский музей

где подчёркивались ответственность солдата за свои действия и его роль как защитника Отечества. Декабристы осуждали жестокие методы дисциплины, такие как палочная кара и массовые наказания, и их усилия способствовали постепенному отказу от этих практик. В 1860-х годах были созданы военные суды, которые ограничивали произвол командиров и закрепляли правовой статус нижних чинов. Однако полный отказ от телесных наказаний произошёл позже, что свидетельствует о частичной реализации декабристских требований.

Реформа Милютина также затронула структуру управления армией. Вдохновлённый примером прусских реформ, последовавших после поражения Наполеона, он внедрил систему военных округов и укрепил местное командование, что повысило оперативность и мобильность армии. Однако выборность командиров, о которой мечтало Южное общество декабристов, осталась нереализованной, что подчёркивало сохранение самодержавной модели управления. В ходе милютинских реформ были внедрены регулярные манёвры, проведено техническое переоснащение войск и появилась система военной юстиции, что повысило боеспособность армии и снизило уровень коррупции в управлении. Декабристы в своё время также поднимали вопросы о необходимости создания системы военных судов и закрепления правового статуса солдат, что нашло отражение в реформаторских инициативах полвека спустя. Реформа военного управления, проведённая в 1862 году, была пронизана идеями декабристов о необходимости децентрализации и улучшения управления армией. Они выступали за более демократичный подход к управлению, где офицеры и солдаты могли бы участвовать в принятии решений, касавшихся их службы.

Портрет С.П. Трубецкого
Художник С.Л. Левицкий, 1850-е гг. Государственный исторический музей

Декабристы как провозвестники военной реформы оставили значительный след в истории России. И здесь сложно согласиться с тезисом некоторых современных исследователей о том, что их движение было «мимолётным фактом, почти не оставившим следов в последующем развитии» страны[41]. Выдвинутые офицерами-декабристами идеи о необходимости реформирования армии, основанные на принципах гуманизма, гражданственности и профессионализма, стали важной основой для последующих изменений, которые произошли в 1860-х и 1870-х годах в Российской империи. Декабристы не только критико-

Проводы в город парубков, назначенных в рекруты
Художник И.И. Соколов, 1860-е гг. Государственная Третьяковская галерея

вали существовавший строй, но и предлагали альтернативные модели, которые легли в основу реформ Д.А. Милютина. Хотя многое из предложенного так и не было полностью реализовано, влияние декабристских идей на российскую военную эволюцию остаётся неоспоримым.

Примечания

[1] *Прокофьев Е.А.* Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 315 с.

[2] *Бавина Л.Г.* Исторический анализ военной теории и практики декабристов (гуманитарный аспект). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998.

[3] *Семевский В.И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб.: Тип. 1 Спб. труд. артели, 1909. 694 с.

[4] *Довнар-Запольский М.В.* Мемуары декабристов (записки, письма, показания, проекты конституций, извлечения из следственного дела, с вводной статьей). Киев: Издание книжного магазина С.И. Иванов и К°, 1906. 348 с.

[5] *Бескровный Л.Г.* Очерки по источниковедению военной истории России. М.: АН СССР, 1957. 452 с.; *он же.* Очерки военной историографии России. М.: АН СССР, 1962. 323 с.

[6] *Мещеряков Г.П.* Русская военная мысль в XIX в. М.: Наука, 1973. 318 с.

[7] *Ускова Г.И.* Отечественная война 1812 года и декабристы: к 200-летию Отечественной войны 1812 года // Вестник Московского государственного университета печати. 2011. № 12. С. 44—56.

[8] Восстание декабристов: документы в 23 т. Т. 1. Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии, касающиеся государственных преступников. М.: Гос. изд-во, 1925. С. 107, 108.

[9] Там же. Т. 7. «Русская правда» П.И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие. М.: Госполитиздат, 1958. С. 11.

[10] Конституция Н.М. Муравьёва // Правовая база «Гарант». Список актов конституционного значения 1600—1918 гг. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400.

[11] Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства / Под ред. А.К. Бороздина. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906. С. 78.

[12] Мемуары декабристов: Юж. об-во. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 219.

[13] *Корнилов В.А.* Рекрутская повинность и внутреннее состояние русской армии в первой половине XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2008. № 1(22). С. 8—24.

[14] *Раевский В.Ф.* Рассуждение о солдате // Сочинения. Ульяновск: Кн. изд-во, 1961. С. 130.

[15] Восстание декабристов... Т. 7. С. 527, 528.

[16] Конституция Н.М. Муравьёва...

[17] *Бестужев А.А., Рылеев К.Ф.* Вдоль Фонтанки-реки квартируют полки... // *Рылеев К.Ф.* Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1971. С. 261.

[18] *Киянская О.И.* Пестель. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 168.

[19] Конституция Н.М. Муравьёва...

[20] *Бестужев-Марлинский А.А., Рылеев К.Ф.* Ах, тошно мне... // *Бестужев-Марлинский А.А.* Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1961. С. 238, 239.

[21] *Довнар-Запольский М.В.* Указ. соч. С. 148.

[22] *Мацумура Т.* Преступления и наказания русских офицеров в эпоху декабристов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2022. Т. 21. № 8. С. 70.

[23] *Раевский В.Ф.* Указ. соч. С. 130.

[24] *Семевский В.И.* Указ. соч. С. 585.

[25] *Лунин М.С.* Сочинения и письма, документы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. С. 101.

[26] *Орлов М.Ф.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 71, 72.

[27] *Муравьёв-Апостол М.И.* Воспоминания и письма. Пг.: Былое, 1922. С. 27, 42.

[28] *Семевский В.И.* Указ. соч. С. 579.

[29] *Прокофьев Е.А.* Указ. соч. С. 62.

[30] *Семевский В.И.* Указ. соч. С. 581.

[31] *Довнар-Запольский М.В.* Указ. соч. С. 148.

[32] Из писем и показаний декабристов... С. 39.

[33] *Туманик Е.Н.* «Образ жизни, который ведут в армии»: декабрист А.Н. Муравьёв в 1812 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 12—15.

[34] *Бестужев А.А., Рылеев К.Ф.* Царь наш — немец русский... // *Рылеев К.Ф.* Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1971. С. 257.

[35] *Прокофьев Е.А.* Указ. соч. С. 61.

[36] Конституция Н.М. Муравьёва...

[37] Мемуары декабристов... С. 297.

[38] *Кошелев П.Е., Малека Ю.Н.* Движение декабристов как политическая альтернатива императорской власти Российской империи в первой четверти XIX в. // Электронный научный журнал «ГосРег». 2021. № 2. С. 71.

[39] *Орлова Т.* Новые возможности изучения движения декабристов с точки зрения истории ментальностей // Декабристи в Україні: дослідження й матеріали. Т. 3. Киев, 2004. С. 113—128.

[40] *Пущин И.И.* Сочинения и письма в 2 т. Т. 2. Письма 1850—1859 гг. М.: Наука, 2001. С. 91.

[41] См.: *Киянская О.И.* Декабристы в отечественной истории и историографии: полемические заметки // Россия и современный мир: проблемы, мнения, дискуссии, события: научный журнал. 2017. № 2(95). С. 53.

S.Ye. Lazarev, D.V. Kuznetsova

«A SOLDIER SERVES NOT OUT OF FEAR OF PUNISHMENT, BUT OUT OF A SENSE OF DUTY TO THEIR COUNTRY»

The impact of Decembrist ideals on military reform in the 1860s and 1870s

Information about authors. *Sergey Lazarev — assistant professor at the department of theory and history of Russian and foreign law at Vladivostok State University, Cand. Sc. (Hist.), professor of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation (city of Vladivostok. E-mail: lasarev2009@yandex.ru);*

Darya Kuznetsova — student of Togliatti State University (city of Togliatti. E-mail: Daria.kuznetsova01@yandex.ru).

Summary. *The participation of officers of the Russian Imperial Army in several armed conflicts in the early 19th century, especially the Patriotic War of 1812, led to their conviction that the state's military structure needed reform. This conviction prompted them to join the Decembrist Uprising, believing that it was necessary to abolish military settlements, replace the commandeering system with a universal conscription system, modernize command, organization, training, and weaponry, and introduce democratic principles and mechanisms to protect the rights of soldiers. Many of these ideas formed the basis of military reforms in the 1860s and 1870s, contributing significantly to strengthening the country's defense capabilities.*

Keywords: *the military ideas of the Decembrists; military settlements; military reforms of the 1860s—1870s; the Decembrist movement; commandeer; an all-class conscription system; Nikolay M. Muravyov's constitution; Lancaster schools; Russkaya Pravda; Dmitry A. Milyutin.*

И.А. Моторин

«ПЕРВЫЙ РАЗ НАША АРТИЛЛЕРИЯ ПОЛУЧИЛА ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫПОЛНИТЬ... ЗАДАЧУ, КОТОРАЯ ДО ТЕХ ПОР ДОСТИГАЛАСЬ ЦЕНОЮ ЛИШНЕЙ КРОВИ»

Русская артиллерия в ходе прорыва обороны противника в полосе Юго-Западного фронта летом 1916 года

Сведения об авторе. *Моторин Игорь Александрович — доцент кафедры оперативно-тактической подготовки Михайловской военной артиллерийской академии, полковник, доцент, кандидат военных наук (Санкт-Петербург. E-mail: igmotorin@yandex.ru).*

Аннотация. *В статье на основе архивных документов и исторической литературы анализируются вопросы развития теории боевого применения артиллерии в наступательных операциях Первой мировой войны, особенности подготовки и боевых действий артиллерии Юго-Западного фронта в ходе прорыва обороны противника летом 1916 года. Несомненно, вывод, сделанный в ходе боевых действий, в частности, об использовании в них артиллерии, несмотря на более чем вековой юбилей, по-прежнему остаётся одним из важнейших этапов развития оперативного искусства и тактики. Так, наступление Юго-Западного фронта летом 1916 года — яркий пример решения сложнейшей задачи: прорыва позиционной обороны противника с применением новой тактики в ходе операции — одновременный прорыв обороны на нескольких участках при организации наступления на широком фронте. Важнейшую роль в успехе русских войск сыграло грамотное и эффективное использование артиллерии в прорыве обороны противника.*

Ключевые слова: *Первая мировая война; развитие теории боевого применения артиллерии; Юго-Западный фронт; 8-я армия; русская артиллерия; артиллерийская подготовка; подавление обороны; прорыв обороны противника; А.А. Брусилов; подполковник В.Ф. Кирей; генерал-лейтенант С.Н. Дельвиг; генерал-майор М.В. Ханжин.*

С самого начала Первой мировой войны, ещё в период манёвренных действий войск, стало ясно, что артиллерия — важнейшее огневое средство поражения противника во всех видах боя. Ещё большее поле деятельности для артиллерии открылось с переходом к позиционным формам борьбы. Без надёжного подавления и уничтожения в первую очередь господствующих огневых средств, пунктов управления и других узлов сопротивления противника немыслим был успех любого вида боевых действий войск. Об этом наглядно свидетельствует то, что потери сторон от огня артиллерии в ходе войны достигли 75 проц. от общего количества потерь против 15—20 проц. от стрелкового оружия и 5—10 проц. от химического[1].

Русские артиллеристы на протяжении всей войны находились в сложных условиях. Не хватало тяжёлой, или иначе — артиллерии крупного калибра, боеприпасов, отсутствовало квалифицированное руководство со стороны общевойсковых, а нередко и старших артиллерийских начальников. Несмотря на это, в вопросах боевого применения артиллерии были достигнуты большие успехи, о которых убедительно говорят результаты ряда операций. При значительно меньших материальных затратах, по сравнению с армиями союзников и противников, русская артиллерия наносила такой ущерб неприятельским войскам и причиняла такие разрушения оборонительным позициям, на которые не была способна артиллерия других армий.

Развитие теории боевого применения приданных и подчинённых сил и средств

Уже к 1916 году был накоплен определённый опыт боевого применения артиллерии в борьбе

за укреплённые полосы, ставший основой разработки теории прорыва позиционной обороны. Для более полного понимания роли этого рода вооружённых сил и методов его применения в ходе Брусиловского прорыва необходимо рассмотреть эволюцию взглядов союзников и противников России на данный вопрос.

Если до войны французская военная теория, недооценивая роль огневого подавления противника, отрицала необходимость артиллерийской подготовки, то на основе анализа неудачных операций 1915 года, особенно в районе Шампань и Артуа, был сделан вывод о том, что без уничтожения огневых средств обороняющегося и разрушения его укреплений нельзя добиться успеха в прорыве оборонительных позиций. Главным средством прорыва была признана артиллерия. Провал попыток преодоления позиционного фронта объясняли недостаточным количеством артиллерии, особенно тяжёлой. Оценивая возможности родов войск, французские генералы Ф. Фош и Мишле указывали: «...Не будем искать успеха ценой жертв пехоты... будем использовать то оружие, которое не

В.Ф. Кирей

рискует притупиться, — будем очищать путь нашим армиям артиллерией». «Большие массы артиллерии на атакующих фронтах необходимы, так как без решительной подготовки атаки предварительной бомбардировкой наша пехота вперёд не пойдёт»[2].

В инструкции войскам генерала Жоффра, изданной в январе 1916 года, о роли орудийных стволов при прорыве позиционной обороны говорилось ещё определённее: «Артиллерия разрушает, пехота наводняет»[3]. Наступление пехоты считалось возможным лишь после того, как артиллерия в ходе артподготовки атаки уничтожит все доступные цели в расположении противника: живую силу, огневые средства, инженерные заграждения. Ввиду ограниченной дальности орудийного огня, способного поражать в лучшем случае лишь главную полосу обороны противника, инструкция предусматривала последовательный, методический прорыв каждой оборонительной полосы при таких же последовательно проводимых длительных артиллерийских подготовках. Для решения поставленных задач предлагалось решительное массирование огня на участках прорыва с плотностью не менее 100 орудий на 1 км фронта[4].

Ошибочность такого подхода к применению артиллерии проявилась уже в ходе наступления на р. Сомма летом 1916 года, причём в нескольких постулатах. Прежде всего постановка невыполнимой для артиллерии задачи — уничтожение и разрушение всех целей. Даже при высоких плотностях артиллерии и огромном расходе

Русская гаубица 305-мм на огневой позиции

боеприпасов она была способна только подавить оборону противника на некоторое время. Так как (в соответствии с инструкцией) задачи решались последовательно по глубине, в наступлении образовывались длительные паузы, нарушалась его непрерывность, отсутствовало тесное взаимодействие пехоты и артиллерии на всю глубину боя. Последовательность же решения задач при затрате большого количества времени на подготовку артиллерии для прорыва каждого рубежа обороны противника нарушала важнейший принцип военного искусства — принцип внезапности[5].

Следовательно, можно сказать, что анализ французскими теоретиками новых явлений в вооружённой борьбе был правильным, однако сделанные выводы и разработанные предложения не соответствовали возможностям артиллерии и нарушали важнейшие принципы военного искусства.

Опыт англо-французских войск в 1916 году показал, что форма операции (нанесение одного удара на узком участке фронта) и метод прорыва (последовательное «прогрызание» обороны от рубежа к рубежу) делали сражение бесперспективным.

Выводы и предложения немецкого командования мало чем отличались от англо-французских. Например, сосредоточение огромной массы артиллерии и требование уничтожения всех целей в обороне противника, та же форма операции — нанесение одного удара на наиболее важном направлении. Отличие состояло лишь в том, что, стремясь к достижению внезапности, немцы были сторонниками проведения более короткой артиллерийской подготовки. Выдвинув идею перемалывания живой силы противника в борьбе за ключевую стратегическую позицию, немецкое командование ошибочно считало, что обороняющийся будет нести значительно большие потери, чем наступающий. Это предположение было опровергнуто боевыми действиями под Верденом[6].

С.Н. Дельвиг

Тактика русской артиллерии развивалась на основе собственного опыта и в соответствии с материальными возможностями. Она не стала следовать по пути, избранному западными армиями

Тактика русской артиллерии развивалась на основе собственного опыта и в соответствии с материальными возможностями. Она не стала следовать по пути, избранному западными армиями. Русские артиллеристы не могли рассчитывать на сосредоточение больших масс орудий на участках прорыва и безудержный расход боеприпасов, недостаток которых столь остро ощущался на протяжении всей войны. Конечно же, возросшая роль артиллерии в бою объективно требовала и увеличения её количества и обеспеченности боеприпасами. И специалисты Главного артиллерийского управления русской армии всю войну работали над этими проблемами. Но вместе с тем большое внимание уделялось совершенствованию тактики артиллерии. Уже в начале 1916 года издаётся много указаний, наставлений, в которых делается попытка предложить новые методы применения артвооружения в ходе прорыва оборонительных рубежей противника. Некоторые из них перекликались с иностранными источниками и опирались на опыт союзников, но были и самобытные авторы.

Наиболее обстоятельно вопросы боевого применения артиллерии были рассмотрены в брошюре русского офицера подполковника В.Ф. Кирея[7]. В 1916 году в период январского наступления на черновицком направлении Кирей принимал непосредственное участие в управлении артиллерией 9-й армии. Прорыв оборонительных рубежей противника в этом наступлении фактически не удался. Но руководители впервые применённых здесь крупных сил артиллерии, управляемых централизованно, получили ценный опыт, который В.Ф. Кирей и суммировал в брошюре под названием «Выводы из применения артиллерийских масс при атаке». Брошюра эта получила официальное одобрение и была разослана для руководства во все части русской армии. По мнению Кирея, сущность артиллерийской работы при атаке укреплённой позиции сводится к тому, чтобы обеспечить возможность «в час, указанный для атаки... поднять одновременно всю назначенную для этого пехоту и довести ее до намеченной цели»[8]. В соответствии с этим артиллерия должна решать следующие задачи:

— способствовать выдвижению пехоты для занятия исходного положения;

— пробивать проходы в проволочных заграждениях;

— разрушать пулемётные блиндажи, убежища, окопы и т.д.;

— ставить огневую завесу перед наступающими войсками и отражать контратаки противника;

— дальнобойной артиллерии вести контрбатарейную борьбу.

Важнейшей является мысль Кирея, что «прорыв укрепленной полосы — не полевой бой, состоящий из массы неожиданных случайностей, а строго продуманная, рассчитанная по снарядам и саженям операция. Все должно быть заранее предусмотрено и расписано до мелочей»[9]. Особенность работы Кирея была и в том, что в выводах он говорил не только о том, что надо делать, но и давал рекомендации — кто, когда и как должен был делать.

Издание большого количества указаний, наставлений в армиях и на фронтах приводило к путанице, кустарщине в вопросах боевого применения артиллерии, не было единства взглядов на эти вопросы. Чтобы ликвидировать это, Ставка Верховного главнокомандующего утвердила 31 мая (13 июня) 1916 года «Общие указания для борьбы за укрепленные полосы». Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев в мае 1916 года издал приказ, в котором говорилось: «Необходимо всем без исключения войсковым начальникам быть ознакомленными с настоящими артиллерийскими указаниями… Эти указания обязательны для всех армий и для всех фронтов»[10]. Основными принципами, которые были заложены в указаниях, являлись:

— заблаговременная и тщательная подготовка артиллерии к операции;

— действия артиллерии требуется организовать так, чтобы скрыть от противника время начала атаки;

— действенность артиллерии достигается не безудержным расходом боеприпасов, а точным огнём;

М.В. Ханжин

— контрбатарейная борьба — первейшая обязанность артиллерии;

— решительное массирование артиллерии на направлениях главных ударов;

— создание групп артиллерии по целевому принципу;

— тесное взаимодействие артиллерии с пехотой.

Таким образом, можно сделать вывод, что теоретические положения по боевому применению артиллерии при прорыве оборонительных рубежей противника к лету 1916 года в русской армии были разработаны. Конечно, эта работа ещё была далека от завершения. Многие проблемы требовали дальнейшего глубокого изучения, анализа и выработки практических рекомендаций. Но основные положения были в целом правильные. Наглядным подтверждением данного факта послужили успешные действия русских войск в ходе летнего наступления Юго-Западного фронта в 1916 году.

Подготовка артиллерии Юго-Западного фронта к наступлению

Подготовка фронта к наступлению началась после совещания в Ставке, проведённого 1(14) апреля 1916 года. Планирование боевого применения артиллерии Юго-Западного фронта осуществлялось на основе указаний, которые были даны командующим. В отличие от существовавшей практики, когда общевойсковые начальники ставили артиллерии слишком общие и не всегда ясные задачи, А.А. Брусилов дал исчерпывающие и конкретные указания по её применению в операции. При этом в разработке этих указаний участвовал инспектор артиллерии фронта опытный и знающий своё дело генерал-лейтенант С.Н. Дельвиг[11]. В связи с тем, что по замыслу Ставки фронт наносил второстепенный удар, дополнительные силы и средства выделялись по минимуму. В целом в полосе фронта превосходство было в пехоте в 1,3 раза, а в артиллерии — всего лишь в 1,1 раза. На участках прорыва за счёт более решительного массирования оно повышалось и достигало в пехоте 2—2,5 раза, в артиллерии 1,5—1,7 раза[12]. Таким образом, успех операции зависел в большей степени от умелого использования имевшихся сил и средств.

В отличие от существовавшей практики, когда общевойсковые начальники ставили артиллерии слишком общие и не всегда ясные задачи, А.А. Брусилов дал исчерпывающие и конкретные указания по её применению в операции

Выполняя задачи, поставленные командующим фронтом, в армиях и корпусах командиры и личный состав орудийных расчётов развернули тщательную

Расчёт 122-мм гаубицы образца 1909 г. готовится к открытию огня

Генералы А.А. Брусилов и М.В. Ханжин на наблюдательном пункте
1916 г.

Перед артподготовкой. Расчёт 152-мм пушки Канэ

подготовку. На основе известных и предполагаемых сведений о противоборствующей стороне также были разработаны указания и инструкции, учитывающие группировку своей артиллерии и оборону противника. Так, указания инспектора артиллерии 8-й армии генерал-майора М.В. Ханжина[13] касались широкого круга вопросов боевого применения подчинённых огневых средств и целесообразного использования различных видов и калибров. Дальнейшая детализация задач приводилась в инструкциях командирам соответствующих степеней подчинения.

Весь фронт в полосе главного удара был разбит на участки (по одному на полк первого эшелона). На каждом были выбраны наблюдательные пункты, с которых хорошо просматривались вражеские позиции. Все офицеры пехоты, артиллерии и авиации имели карты с нанесённой единой сеткой квадратов-координат через каждые 250 м[14]. Это облегчало целеуказание, позволяло быстро наносить сведения о поражаемых объектах врага, готовить исходные данные для стрельбы и проводить пристрелку. Это позволяло также оперативно корректировать огонь по проявившим себя целям, артиллерия ещё в ходе сближения наступающей пехоты с противником могла при необходимости оказывать ей огневую поддержку.

Огневые позиции и наблюдательные пункты постоянно совершенствовались в инженерном отношении. К началу операции благодаря огромной работе, проделанной артиллеристами, орудийные расчёты имели:

— хорошо оборудованные основные, запасные, передовые и фланкирующие, а также ложные огневые позиции;

— артиллерийские группы имели телефонную связь с командирами пехотных полков, батальонов, рот и соседями. На случай отказа работы телефонной связи между наблюдательным пунктом начальника артиллерии участка, начальниками артиллерийских групп, батареями и

пехотой устанавливалась сигнальная связь;

— каждая батарея имела необходимый запас снарядов для артподготовки. Был определён порядок питания батарей боеприпасами из головного парка, указаны пути продвижения головного парка вперёд;

— на случай применения противником отравляющих веществ на батареях были заготовлены хворост, вода, личный состав был обеспечен противогазами и умел пользоваться ими;

— были подготовлены дублирующие номера расчётов для действий днём и ночью, во всех батареях созданы и обучены команды для подноса боеприпасов;

— для обеспечения бесперебойной связи в ходе наступления были выделены офицеры, которым предстояло продвигаться с передовыми подразделениями пехоты и при необходимости корректировать артогонь. Они имели запас телефонного кабеля;

— для непосредственного сопровождения наступающей пехоты назначались специальные батареи, которым были намечены пути их продвижения вперёд;

— тыловые дороги для подвоза боеприпасов были заблаговременно отремонтированы, проведена рекогносцировка[15].

Важную роль в успехе русской артиллерии играла тщательно организованная разведка противника. Широко использовались результаты воздушного фотографирования. Долгое время использование аэрофотоснимков упиралось в то, что авиаотряды были подчинены общевойсковому штабу и работали по его плану. Снимки просматривались начальником разведывательного отделения, иногда начальником штаба и не были доступны широкому кругу офицерского состава. На Юго-Западном фронте артиллеристам удалось добиться тесного взаимодействия с авиацией. Снимки стали обрабатывать, размножать и доводить до непосредственных исполнителей, при необходимости вплоть до командиров батарей. По снимкам изучали оборону противника, определяли цели (особенно в глубине). Авиацию начали широко применять для корректирования огня. Большую пользу во вскрытии обороны противника принесли привязные аэростаты.

Обобщённые данные о системе обороны, количестве и важности целей, характере инженерного оборудования стали основой для расчёта потребностей артиллерии и боеприпасов. Тщательная разведка позволила в свою очередь провести более детальное планирование артиллерийской подготовки атаки. Решительно была отвергнута постановка задач артиллерии, которая была принята на Западе (и как требовали обычно многие общевойсковые начальники русской армии), «всё разрушить» и «всё уничтожить». Русские артиллеристы стали склоняться к тому, что задача артиллерии состоит в том, чтобы разрушить и уничтожить только те цели, которые создают непреодолимое препятствие для пехоты или несут ей чрезмерные потери[16]. В целом же артиллерия должна надёжно подавить узлы сопротивления противника. Заставить его прекратить противодействие или действовать неэффективно до захвата пехотой определённого рубежа. Исходя из этих положений, каждая батарея получала свою конкретную цель для поражения с определённым расходом снарядов. Проведено было распределение артиллерии по группам и выполняемым задачам. Так, на участке прорыва 8-й армии создавались группы:

— уничтожения проволочных заграждений;

— разрушения окопов и долговременных сооружений;

— противобатарейная группа[17].

Решительно была отвергнута постановка задач артиллерии, которая была принята на Западе (и как требовали обычно многие общевойсковые начальники русской армии), «всё разрушить» и «всё уничтожить»

Необходимо отметить положительное решение вопроса управления артиллерией на всех уровнях. Оно было сосредоточено в руках инспектора артиллерии корпуса (а не армии). Часть артиллерии оставалась в непосредственном подчинении командиров дивизий, что в основном снимало с инспектора артиллерии заботу об управлении подчинёнными огневыми средствами на вспомогательных направлениях и позволяло сосредоточить внимание на участках прорыва.

Немало было сделано и в совершенствовании боевой подготовки войск. В тылу фронта оборудовались участки позиций, подобные австрийским, на которых отрабатывались вопросы взаимодействия пехоты и артиллерии, а также способы преодоления укреплений. Личный состав орудийных расчётов отрабатывал ведение огня по проволочным заграждениям, окопам, а при движении пехоты в атаку — сопровождение её огневыми завесами или создание на отдельных участках неподвижного заградительного огня.

Командование Юго-Западного фронта уделяло значительное внимание подготовке сил и средств армий, корпусов, родов войск к предстоявшей операции. Все войска и все стороны подготовки держались под неослабным контролем высших чинов штаба и самого главнокомандующего фронтом, который соответствующими приказами доводил результаты проверок, отмечая положительные моменты, достойные подражания и распространения, а также обращая внимание на недостатки.

Таким образом, была проведена огромная работа по всесторонней

подготовке артиллерии к предстоявшей операции, сыгравшая важную роль в её успешном проведении.

Артиллерия при прорыве обороны противника

В ночь на 22 мая (4 июня) пехота всех армий Юго-Западного фронта заняла исходные рубежи для атаки. Артиллерия завершала подготовку: были проверены линии связи; уточнены сигналы взаимодействия с пехотой; проверено знание командирами батарей и дивизионов возлагавшихся на них задач; уточнены цели, по которым должна проводиться пристрелка; на огневых позициях проверено наличие боеприпасов для выполнения поставленных задач.

Продолжительность артиллерийской подготовки устанавливалась различная для каждого вида и масштаба боевых действий армии, поэтому войска переходили в наступление в разное время. Это обстоятельство имело положительные стороны. Противник не мог определить направление главного удара и целесообразно распорядиться своими резервами, а так как силы и средства армии, составлявшие главную ударную группировку, переходили в атаку позднее некоторых других, вражеское командование не могло усиливать противостоявшую ей группировку за счёт переброски подразделений с уже атакованных участков.

Так, например, артиллерийская подготовка на направлении главного удара фронта — в полосе 8-й армии — началась в 4 ч 15 мин.[18] Благодаря тому, что артиллеристы хорошо знали цели, тщательно их пристреляли и вели огонь на поражение с внесением коррекции в установки каждого орудия, результаты артиллерийской подготовки были очень хорошие. При малом расходе снарядов было проделано много проходов в проволочных заграждениях, позволявших пехоте без дополнительной расчистки безостановочно их преодолевать. По свидетельству командиров дивизий, в некоторых местах между проходами не было даже перемычек, и они сливались в одну сплошную брешь.

С наступлением темноты артиллерийская подготовка прекратилась, но специально выделенные батареи вели огонь и ночью по разрушенным участкам окопов, проволочных заграждений, по оборонительным сооружениям и подступам к ним с целью воспрещения восстановительных работ.

В 4 ч 23 мая (5 июня) артиллерийская подготовка возобновилась. Батареи более мощных калибров поражали вскрытые позиции орудийных расчётов противника, а лёгкие и мортирные орудия разрушали окопы второй линии. С 6 ч 30 мин часть орудийных расчётов каждой батареи продолжала обстрел прежних целей, а остальные перенесли огонь по окопам первой линии, увеличивая его темп и доведя до предельного к исходу 8 ч утра. В 9 ч все батареи небольшими скачками открыли огонь по третьей линии окопов и по целям в глубине, началась общая атака. Артиллерия среднего и малого калибра ставила огневые завесы впереди продвигавшейся пехоты, а все остальные батареи уничтожали ранее запланированные цели и вновь обнаруженные, которые были указаны пехотой. Во многих соединениях часть артиллерии (чаще по взводу от батареи, а иногда и по батарее на пехотный полк) была выделена для непосредственного сопровождения пехоты, наступая в её боевых порядках и ведя огонь прямой наводкой по целям, наносящим наибольший ущерб пехоте[19].

По официальным австрийским источникам, огонь русской артиллерии был ужасающим. В полосе 40-го армейского корпуса на одном из участков австрийской 2-й пехотной дивизии противник укрылся в «лисьих норах» и убежищах. Он был настолько ошеломлён и подавлен артиллерийским огнём, что не успел покинуть убежища, в которых и был захвачен в плен или уничтожен гранатами.

Потери от артиллерийского огня и разрушения в оборонительных позициях противника были очень велики. В частях 70-й пехотной дивизии потери достигли 5450 человек (из 12 тыс.), а в частях 2-й пехотной дивизии осталось: в 82-м пехотном полку из 5330 человек всего 718, в 40-м пехотном полку из 5000 человек — 270 и в 18-м пехотном полку 140 человек[20]. Противник, израсходовав основные силы армейских резервов, отошёл на вторую, менее подготовленную позицию.

Несмотря на категоричный приказ командования австрийской 4-й армии во что бы то ни стало удержать занимаемые позиции, она уже не могла этого выполнить. Сильный огонь артиллерии русских корпусов сделал положение армии критическим, в войсках началась паника. Генерал Линзинген наконец вынужден был дать разрешение на отвод армии за р. Стырь, так как донесения, поступавшие в его штаб, были самые панические: «Полный разгром; наши войска уже никуда не годятся»[21]. К 20 ч 25 мая (7 июня) русские войска овладели Луцком.

В итоге боевых действий с 23 по 25 мая (с 5 по 7 июня) включительно русская 8-я армия достигла крупного успеха: прорвала сильно развитую в инженерном отношении оборону австрийских войск на фронте 70—80 км и продвинулась в глубину на 25—35 км[22]. Такого результата за столь короткий срок не смогла добиться ещё ни одна армия ни на Восточном, ни на Западном фронте за весь прошедший позиционный период войны. При этом успех русских войск был достигнут с минимальными потерями. Генерал-лейтенант А.И. Деникин, в то время командир 4-й стрелковой дивизии, наступавшей на направлении главного удара 8-й армии, впоследствии произнёс: «...Первый раз наша артиллерия получила возможность выполнить основательно ту задачу, которая до тех пор достигалась ценою лишней крови».

Конечно, в полосе 8-й армии, наносившей главный удар, был наибольший успех. Но, несмотря на меньшие силы и количество

орудий в полосах наступления других армий фронта, и на этих вспомогательных направлениях русским войсками сопутствовал успех в прорыве обороны противника. И прежде всего — благодаря грамотному использованию всей артиллерии, привлечённой к операции.

Наступление Юго-Западного фронта не только имело большое историческое значение, но и дало определённый опыт в развитии военного искусства. Это была первая и одна из немногих фронтовых операций, успешно осуществлённых в условиях позиционного фронта. Последовательному «прогрызанию» обороны, принятому в западных армиях, русское командование противопоставило плановое подавление обороны противника артиллерийским огнём и безостановочное наступление пехоты, поддержанной артиллерией, на основе тесного взаимодействия этих двух родов войск. Операция осуществлялась при значительно меньшем количестве орудий по сравнению с операциями англо-французов и немцев. Однако недостаток стволов был компенсирован искусным их применением.

Успешные действия русских войск летом 1916 года — это ещё и пример чёткого взаимодействия между общевойсковыми командирами различного уровня и артиллерийскими начальниками. В штабах и на поле боя действовали единомышленники, одинаково понимавшие азбуку боя. Там, где общевойсковой командир знал артиллерию, умело ставил ей задачи, своевременно использовал результаты артогня, там боевая задача выполнялась с минимумом потерь. И эта истина актуальна до сих пор.

Примечания

[1] *Барсуков Е.З.* Артиллерия русской армии (1900—1917 гг.). Т. IV. М.: Воениздат, 1949. С. 398.

[2] Там же. Т. III. С. 206, 207.

[3] Там же. С. 209.

[4] *Олейников А.В.* Русское военное искусство Первой мировой. М.: Яуза-каталог, 2019. С. 275.

[5] Там же. С. 276.

[6] История отечественной артиллерии. Т. II. Кн. 6. М.: Воениздат, 1979. С. 277.

[7] **Кирей Василий Фадеевич** (1879—1942) — генерал-майор РИА (1917), русский и украинский военачальник, артиллерист, Георгиевский кавалер (1917). Окончил Константиновское артиллерийское училище (1901), Михайловскую артиллерийскую академию (1909), Николаевскую военную академию ГШ (1913; 2 класса по 1 разряду). Участник Первой мировой войны. В 1917—1918 гг. служил в армии УНР. В 1918—1920 гг. — участник Белого движения, в 1930-х гг. — бригадный генерал армии Чехословакии. Умер в Праге.

[8] *Кирей В.Ф.* Выводы из применения артиллерийских масс при атаке. Петроград, 1916. С. 3.

[9] Там же. С. 5.

[10] *Оськин М.В.* Русский солдат в окопах Первой мировой. М.: Вече, 2018. С. 162.

[11] **Дельвиг Сергей Николаевич** (1866—1944) — генерал-лейтенант РИА (1915), русский и украинский военачальник, артиллерист, военный историк. Георгиевский кавалер (1914). Окончил Михайловское артиллерийское училище (1886), Михайловскую артиллерийскую академию (1891; по 1 разряду), Офицерскую артиллерийскую школу. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1917—1920 гг. служил в армии УНР. С 1920 г. жил в Румынии, в 1944 г. переехал в Египет. Умер в Каире.

[12] *Олейников А.В.* Указ. соч. С. 118.

[13] **Ханжин Михаил Васильевич** (1871—1961) — генерал от артиллерии (1919). Артиллерийский начальник и общевойсковой командир. Один из руководителей Белого движения в годы Гражданской войны. Георгиевский кавалер (1907, 1915). Окончил Михайловское артиллерийское училище (1893), Михайловскую артиллерийскую академию (1899), Офицерскую артиллерийскую школу (1903). Участник Русско-японской и Первой мировой войн.

[14] *Куличкин С.П.* На фронтах Первой мировой. М.: Вече, 2014. С. 190.

[15] История отечественной артиллерии. Т. II. Кн. 6. С. 344, 345.

[16] *Олейников А.В.* Указ. соч. С. 275, 276.

[17] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2135. Оп. 1. Д. 10. Л. 135—136.

[18] История отечественной артиллерии. Т. II. Кн. 6. С. 358.

[19] *Олейников А.В.* Указ. соч. С. 274.

[20] РГВИА. Ф. 2194. Оп. 1. Д. 110. Л. 145.

[21] Там же. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 129. Л. 177.

[22] История отечественной артиллерии. Т. II. Кн. 6. С. 360.

I.A. Motorin

«FOR THE FIRST TIME, OUR ARTILLERY MANAGED TO ACCOMPLISH A TASK THAT PREVIOUSLY REQUIRED UNNECESSARY BLOODSHED»

Russian artillery during the breakthrough of enemy defenses on the Southwest Front in the summer of 1916

Information about author. *Igor Motorin — assistant professor at the department of operational and tactical training of the Mikhailovskaya Military Artillery Academy, colonel, associate professor, Cand. Sc. (Mil.) (St. Petersburg. E-mail: igmotorin@yandex.ru).*

Summary. *This paper, which is based on archival documents and historical literature, analyses the development of the theory of artillery combat use in offensive operations during World War I, as well as the specifics of artillery preparation and combat operations on the Southwestern Front during the summer of 1916, when enemy defenses were being broken through. Undoubtedly, the conclusions reached during this period, particularly regarding the use of artillery, remain one of the most significant stages in the evolution of operational art and tactics, despite more than a century having passed. Thus, the offensive of the Southwestern Front in the summer of 1916 is a remarkable example of how to solve a complex problem: to break through the enemy's static defenses using new tactics during an operation. This involved breaking through defenses simultaneously in several sectors and organizing an offensive on a wide front. The skilled and effective use of artillery played a crucial role in the success of the Russian troops.*

Keywords: *World War I; development of the theory of combat use of artillery; Southwestern Front; 8th Army; Russian artillery; artillery preparation; suppression of defenses; breakthrough of enemy defenses; A.A. Brusilov; lieutenant colonel V.F. Kirey; lieutenant general S.N. Delvig; major general M.V. Khanzhin.*

С.В. Аверченко

«ВЫПУЩЕНО 6 РАКЕТ, ИЗ НИХ 3 ПОПАЛИ В ЦЕЛЬ. АЭРОСТАТ СГОРЕЛ»

Эксплуатация ракетного вооружения в российском Военном воздушном флоте в 1917 году

Сведения об авторе. *Аверченко Сергей Викторович — преподаватель кафедры истории войн и военного искусства Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, полковник, кандидат исторических наук (г. Воронеж. E-mail: aviator1ww@mail.ru).*

Аннотация. *В статье на основе архивных источников рассказывается об опыте технической эксплуатации ракетного вооружения, который отечественная военная авиация получила ещё в годы Первой мировой войны. Если применение ракет русскими лётчиками в 1917 году упоминалось в авиационной литературе, то вопросы их технической эксплуатации освещаются впервые. Вооружение было новое, неизвестное, полученное от союзника — Франции. Показано, что российский технический состав смог обеспечить его эксплуатацию и боевое применение, благодаря чему с помощью ракет было одержано несколько побед в воздухе.*

Ключевые слова: *Первая мировая война; Военный воздушный флот России; ракета; аэростат; Ле-Приер; эксплуатация; А.В. Квасников; В.М. Каминский.*

Во время Первой мировой войны большую пользу всем противоборствовавшим сторонам в деле разведки, наблюдения за противником и корректировки артиллерийского огня приносили аэростаты. Наблюдатель, находившийся на нём и оснащённый мощным биноклем, мог часами осматривать позиции противника, выявлять его огневые точки, засекать перемещения войск и корректировать стрельбу артиллерии, подавая вниз команды по телефону.

Соответственно, для всех участвовавших в войне стран встал вопрос борьбы с такими воздушными наблюдательными постами. Сначала их пытались атаковать, сбрасывая на них сверху с самолётов металлические стрелы. Затем, с появлением на вооружении аэропланов пулемётов, обстреливали аэростаты из них. Но оба эти способа не приносили желаемого успеха. Даже при удачной атаке оболочки аэростатов получали незначительные повреждения, которые быстро устранялись приданной командой, и аэростат снова поднимался ввысь[1].

В 1916 году во Франции лейтенант флота Ле-Приер предложил использовать для уничтожения аэростатов ракеты и разработал их конструкцию. Ракета представляла собой пороховую шашку-двигатель, которая укладывалась в короткую трубку, выполненную из картона, длиною около 30—40 см. На шашке спереди крепился острый металлический наконечник для прорезания оболочки воздушного шара или дирижабля. Воспламенение водорода в аэростате происходило от горевшей шашки двигателя. Её горение продолжалось 2—3 секунды, за которые ракета пролетала 100—120 м. Для запуска ракеты оснащались длинной деревянной рейкой, которая вставлялась в пусковое устройство соответствующей длины. Оно представляло собой металлическую трубку диаметром 25 мм. Ракеты Ле-Приера были очень похожи на современные праздничные петарды-ракеты, также оснащённые пусковой рейкой, которая вставляется в направляющее устройство. Поджиг ракет осуществлялся благодаря электрозапалу, дававшему искру, который запитывался от аккумулятора[2].

С весны 1916 года ракеты Ле-Приера активно использовались во французской военной авиации, а затем в английской и немецкой. В конце 1916 года по просьбе Российской военной миссии в Париже партия ракет и несколько комплектов оборудования для них были отправлены в Россию. Вместе с ними была передана и техническая документация.

Зимой 1916/17 года первые самолёты-ракетоносцы прибыли в Россию на Центральный авиационный парк-склад в Москве. Известны как минимум два прибывших из Франции «ракетных» аэроплана. Это были истребители Ньюпор-21 № 1970 и № 1972[3].

В Москве их внимательно изучили и разобрались в конструкции пусковых устройств. Ещё в 1916 году в Техническом комитете Управления Военного воздушного флота были переведены с французского языка «Инструкция для применения ракет Ле-Приера на аэропланах MF[4] типа XI и F 40»[5] и «Инструкция для применения ракет Ле-Приера на монопланах Бебе[6] с мот. Рон 110 с.»[7]. Текст изучили, немного переработали и типографским способом издали для российских авиаторов соответствующую инструкцию по эксплуатации и применению этих ракет[8].

Российское командование решило не распылять немногочисленные самолёты-ракетоносцы по фронту и направило все переоборудованные под ракеты аппараты в авиационный отряд (ао) Гренадерского корпуса (Западный фронт). Отряд базировался на территории современной Беларуси. Пока точно не установлено, где лётный и технический состав отряда обучался эксплуатации и боевому применению ракет: в Центральном парке-складе или самостоятельно в авиаотряде. В изданной инструкции хватало данных для оборудования самолётов всем необходимым для применения ракет Ле-Приера. Не все самолёты-ракетоносцы прибыли из Франции с установленным оборудованием. Необходимые пусковые трубки и электропроводка могли монтироваться и прямо в авиаотряде в соответствии с упомянутой инструкцией. Известны ещё два истребителя, переоборудованных в России под ракеты Ле-Приера. Это были тоже Ньюпоры-21. Первый — № 1341 российского изготовления, производства московского завода Дукс. Он, как и французские аппараты с ракетными установками, был отправлен в Гренадерский корпусной ао[9]. Второй — № 1882, предположительно был оборудован ракетами уже в Гренадерском авиаотряде.

В отряде самолёты-ракетоносцы и сами ракеты Ле-Приера

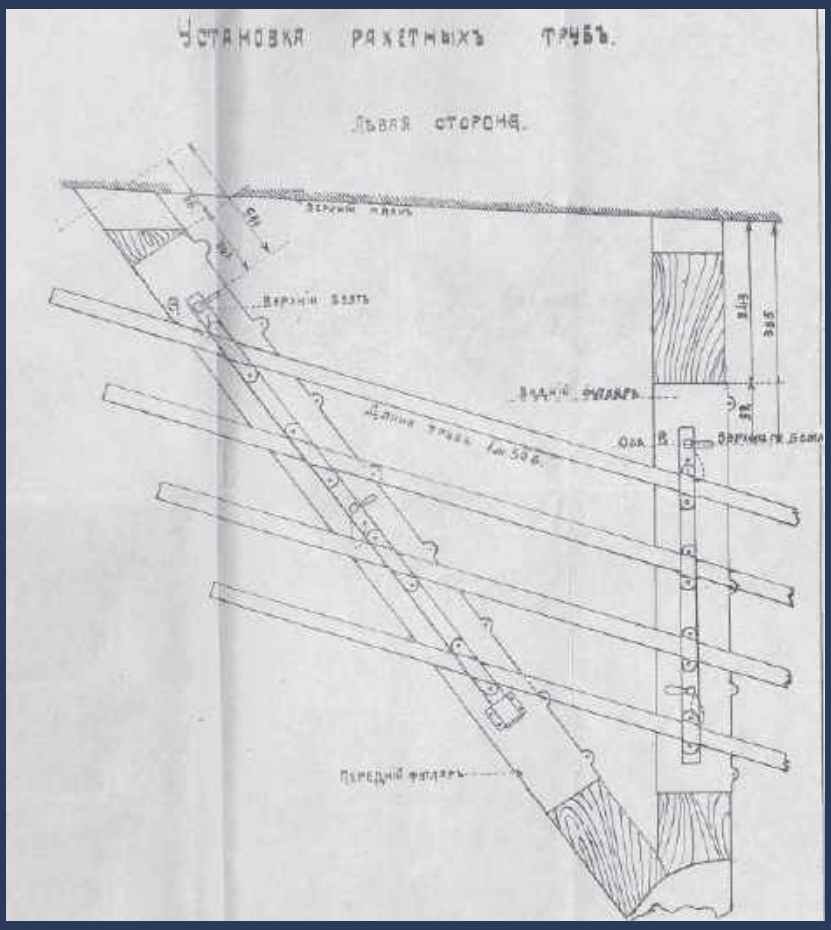
Истребитель Ньюпор-21 № 1882 лётчика Гренадерского авиаотряда прапорщика А.В. Квасникова, на котором он сбил германский аэростат 1 июня 1917 г. А.В. Квасников сидит на оси колёс

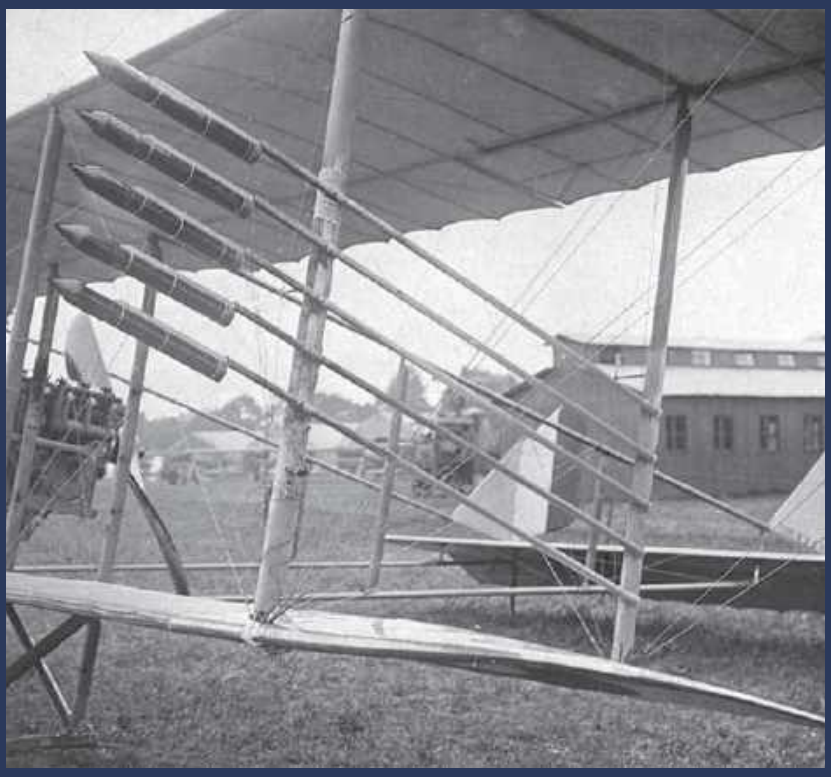
Атака аэростата наблюдения истребителем Ньюпор с ракетами Ле-Приера. На снимке видно попадание

Атака аэростата наблюдения истребителем Ньюпор с ракетами Ле-Приера. На снимке видно, что аэростат начал падать, а наблюдатель уже выпрыгнул с парашютом

Установка пусковых труб для ракет Ле-Приера на истребителях Ньюпор

Установка пусковых труб для ракет Ле-Приера на самолёте Фарман MF тип XI. Хорошо видны блестящая металлическая защита нижнего крыла и электрическая проводка, идущая к ракетам

получили весной 1917 года. Аэропланы собрали, смонтировали ракетное оборудование и летом начали применять против вражеских аэростатов. Всего известно о трёх успешных атаках пилотов Гренадерского авиаотряда против аэростатов противника. Первую «ракетную» победу одержал прапорщик А.В. Квасников[10] 1 июня. У деревни Понари[11] он сжёг немецкий аэростат[12]. В отчёте 10-го авиадивизиона, в который входил Гренадерский ао, так описали атаку Квасникова: «Выпущено 6 ракет, из них 3 попали в цель. Аэростат сгорел, один из наблюдателей выбросился на парашюте…»[13]. Ещё две победы, используя ракеты Ле-Приера, одержал прапорщик В.М. Каминский[14]. К тому времени отряд перебазировался южнее, на барановичское направление. 26 августа и 18 сентября Каминский ракетными атаками уничтожил два немецких аэростата, оба раза у м. Новые Барановичи. Командир 2-го авиадивизиона так докладывал о первой победе: «Каминский сжег аэростат противника под Барановичами. Выпустил по нему 4 ракеты Ле-Приера. Две ракеты попали в центр аэростата, и тот загорелся и упал»[15]. Вторую победу он описал так: «Сегодня, 18 сентября 1917 г., летчик Гренадерского а.о. прапорщик Каминский атаковал на высоте 800 м змейковый аэростат противника и сжег его. Подошел так близко, что чиркнул по оболочке колесами. Каминский сжигает уже второй аэростат»[16].

Но как же осуществлялись техническая эксплуатация и подготовка к боевому применению ракет и оборудования для их пуска в авиаотряде? Российские авиаторы авиаотряда Гренадерского корпуса впервые столкнулись с таким вооружением, и им пришлось быть первопроходцами в деле использования ракет во всём Военном воздушном флоте России.

Хранение и эксплуатация самих ракет не представляли каких-либо сложностей. До применения их необходимо было

хранить в тёплом и сухом месте, чтобы не отсырел порох. Специальной подготовки перед пуском ракеты не требовалось. Надо было только вставить их в направляющие и подсоединить электропроводку.

По-другому дело обстояло с оборудованием для запуска. Прежде всего его необходимо было установить на самолёт. Если же готовых изделий не имелось, то сделать все приспособления (направляющие трубы, электропроводку, пусковую кнопку, прицел) надо было самостоятельно. Эксплуатацией самолётов в авиаотрядах российского Военного воздушного флота руководил наиболее грамотный в техническом отношении лётчик, который назначался заведующим технической частью отряда. Под его руководством хозяева аппаратов, как в то время назывались техники самолётов, осуществляли изготовление и монтаж необходимого оборудования. В годы Первой мировой войны в авиаотрядах ещё не было отдельных должностей специалистов по вооружению или оборудованию. Все работы на самолёте выполняли хозяин аппарата и моторист.

Прежде всего следовало установить приспособления для пуска ракет с направляющими трубками на стойки крыльев. Трубки необходимо было установить правильно — под определённым углом к продольной оси самолёта. Для этого в инструкции по применению ракет приводились чертежи с установочными размерами. Такая установка направляющих была необходима, чтобы при пикировании ракеты не выпадали из направляющих, так как они в них размещались свободно, никак не закрепляясь. Для крепления направляющих труб на стойки крыла надевались специальные алюминиевые футляры, охватывавшие их и стягивавшиеся сбоку винтами. Крепить футляр к стойке шурупами во избежание её повреждения было запрещено. А

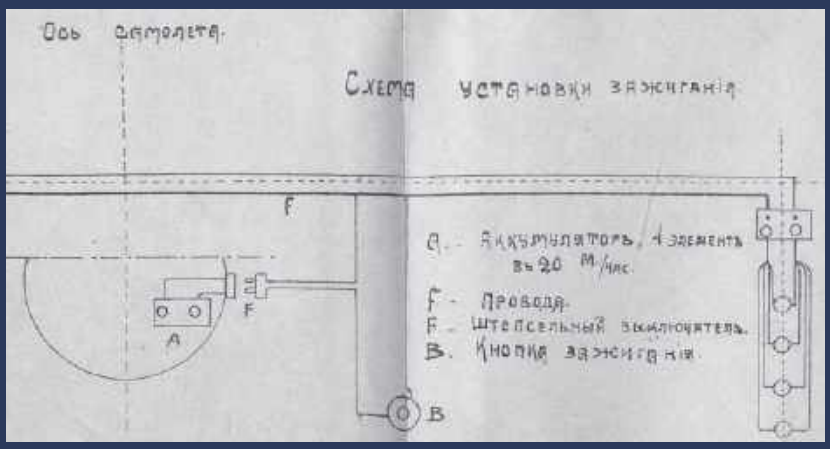

Схема электропроводки на истребителе Ньюпор при оборудовании его ракетами Ле-Приера

Истребитель Ньюпор-21 № 1341 лётчика Гренадерского авиаотряда прапорщика В.М. Каминского, на котором он ракетами Ле-Приера сжёг 2 аэростата противника. На нижнем крыле видна металлическая защита обшивки под стойками с ракетами. Каминский на фото стоит первый слева

Модель истребителя Ньюпор-21 лётчика прапорщика В.М. Каминского
Автор А.Г. Рогозин, 2012 г.

к футлярам уже крепились направляющие трубки для ракет[17].

Затем необходимо было вырезать из алюминиевого листа защиту на ту часть нижнего крыла, которая была под стойкой с ракетами. В листе надо было прорезать отверстия под стойки. Защита крепилась к нижнему крылу на лонжеронах справа и слева от основания стоек при помощи тонких винтов. Лист надо было как можно лучше пригнать к поверхности крыла[18].

Далее на самолёте монтировалась электросеть. Питание осуществлялось от аккумулятора, который размещался под сиденьем пилота и должен был быть надёжно закреплён во избежание его смещения во время полёта и пролива рабочей жидкости. В удобном для пилота месте необходимо было поместить пусковую кнопку. Затем, согласно прилагавшейся к инструкции схеме, смонтировать на аппарате всю электропроводку: подсоединить аккумулятор, возле него смонтировать штепсельный разъём, провести провода через пусковую кнопку и далее по крылу к монтажному разъёму на стойках, а от него до ракет. По окончании монтажа проводки её следовало проверить с помощью вольтметра, присоединяя его поочерёдно ко всем зажимам[19].

Далее необходимо было установить на самолёт прицельное приспособление, которое состояло из регулируемой мушки и визира. Мушка состояла из кольца с перекрещивающимися нитями на ножке. Крепилась она к капоту мотора стальной лентой. Мушку можно было регулировать по высоте и исправлять линию наводки в зависимости от результатов пробных выстрелов на земле. Визир вырезали из плотной бумаги и наклеивали на стеклянный козырёк, защищавший голову лётчика от ветра. Затем надо было предварительно отрегулировать линию наводки, которая должна была лежать в плоскости симметрии аппарата и иметь наклон на 14° вниз от оси ракетных труб. Для этого мушку закрепляли под полосой капота мотора так, чтобы вертикальная нить приходилась посредине расстояния между обеими стойками кабана (стержневая конструкция для крепления крыла над или под фюзеляжем самолёта), а горизонтальная нить была приблизительно на 110 мм выше капота. Выставляли самолёт в горизонт и с помощью клинометра измеряли угол наклона направляющих труб. Затем с его же помощью выставляли на нужный угол линию визирования визир — мушка. Отметив точку прохождения этой линии на стекле, в это место приклеивали визир так, чтобы прорезь его точно находилась в отмеченной точке[20].

Истребитель Ньюпор-21 № 1341 лётчика прапорщика В.М. Каминского
Рис. А.В. Казакова

При применении ракет хозяин аппарата всё время должен был следить за зарядом аккумулятора. Перед полётом его надо было установить на подготовленное место в самолёт и подсоединить к электросети. Затем проверялось наличие напряжения на монтажном разъёме на крыле, после чего штепсельный разъём разъединялся. Когда ракеты были вставлены хвостами (рейками) в направляющие трубки, к монтажному разъёму подсоединялись провода электрозапалов от них. Для этого брали по одному проводу от каждой ракеты, зачищали концы, свивали вместе и зажимали на разъёме. Повторяли всё со вторыми проводами ракет. Только после окончания всех работ, перед посадкой в самолёт лётчика, соединялся штепсельный разъём, и оборудование было готово к применению[21].

Как мы видим, уже во время Первой мировой войны назем-

ный технический персонал российского Военного воздушного флота освоил эксплуатацию ракетного вооружения и умел подготовить самолёты к его применению. Хоть и в небольших количествах, российские пилоты применяли ракеты на фронте. С помощью этого нового оружия они одержали несколько побед в воздухе. И этот факт необходимо отмечать в авиационно-исторической литературе и учебниках для авиационных вузов.

К сожалению, последовавшие затем Октябрьская революция и Гражданская война в России привели к тому, что про авиационные ракеты у нас в стране на некоторое время забыли. Вчерашний союзник Франция стала врагом и интервентом. Авиационные ракеты в СССР стали самостоятельно разрабатывать в начале 1930-х годов. В следующий раз отечественные ВВС использовали их в бою более чем через 20 лет после первого применения в 1917 году — в августе 1939-го на Халхин-Голе. Но тогда опыт применения и эксплуатации ракетного вооружения в ВВС Красной армии пришлось нарабатывать заново, с нуля.

Примечания

[1] *Кондратьев В.* Полотняные ракетоносцы. Применение боевых авиационных ракет в Первой мировой войне // Авиамастер. 2006. № 5. С. 46.

[2] Там же.

[3] *Хайрулин М., Степанов Б.* Краски русской авиации. 1909—1922 гг. Кн. 2. М.: Русские витязи, 2014. С. 19.

[4] MF — аббревиатура самолётов конструкции Мориса Фармана французской авиастроительной компании «Фарман».

[5] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 29. Оп. 13. Д. 425. Л. 1—13.

[6] Название Бебе носили французские истребители семейства Ньюпор-11, -21.

[7] РГВА. Ф. 29. Оп. 13. Д. 426. Л. 1—7.

[8] Инструкция для употребления ракет-мин «Ле-Приер». Пг.: ГВТУ, 1916. 23 с.

[9] *Хайрулин М., Степанов Б.* Указ. соч. С. 20, 21.

[10] **Квасников Александр Васильевич** (1892—1971) — военный лётчик Русской Императорской армии, поручик. Позже — инженер-подполковник (1947), учёный в области космических и авиационных двигателей, доктор технических наук (1958), один из создателей Московского авиационного института (МАИ) и организаторов становления и развития авиационной и ракетной техники в СССР. С 1912 по 1914 г. окончил 2 курса в Московском высшем техническом училище. С началом Первой мировой войны поступил вольноопределяющимся в Школу авиации военного времени Императорского Московского общества воздухоплавания. В июне 1915 г. произведён в чин прапорщика и удостоен звания «военный лётчик». С сентября того же года — на фронте в составе авиаотряда Гренадерского корпуса. Сбил 1 аэростат противника (ракетами). В декабре 1917 г. демобилизовался и переехал в г. Томск. Продолжил учёбу в Томском технологическом институте (ТТИ), который окончил в 1918 г. С 1922 г. — преподаватель на кафедре теплосиловых установок, с 1927 г. — заведующий кафедрой. Создал лабораторию лёгких двигателей. Принимал участие в строительстве в ТТИ самолёта и мотора местной разработки. В 1931 г. вместе со своими учениками и студентами переведён в Москву и назначен руководить работами по авиамоторной специальности в только что созданном МАИ. Руководил кафедрой авиадвигателей, из которой впоследствии образовалась кафедра теории авиадвигателей. С 1953 г. кафедра переориентирована на ракетную тематику. В 1962 г. возглавил новую кафедру № 208 — электроракетных двигателей и энергетических установок. Автор 35 книг по теории двигателей летательных аппаратов. Награждён 5 орденами Российской империи, орденом Ленина и 2 медалями СССР.

[11] Современная деревня Понара Сморгонского района Гродненской обл., Беларусь. Гренадерский као в то время базировался на аэродроме у господского двора Малиновщизна западнее г. Молодечно. От аэродрома до деревни Понара 27 км.

[12] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2008. Оп. 1. Д. 172. Л. 47; Ф. 2094. Оп. 1. Д. 8. Л. 100; *Куликов В.П.* Русская авиация в Первой мировой войне. М.: Русское авиац. о-во (РУСАВИА), 2014. С. 71, 72; *Шиуков А.* Авиация 10-й армии в летней операции 1917 г. // Вестник Воздушного флота. 1928. № 10. С. 6.

[13] РГВИА. Ф. 2008. Оп. 1. Д. 194. Л. 62.

[14] **Каминский Владимир Михайлович** (?—1968) — русский военный лётчик, прапорщик. В 1916 г. окончил Одесскую авиашколу, с октября того же года в чине старшего унтер-офицера служил лётчиком в авиаотряде Гренадерского корпуса. В 1917 г. произведён в прапорщики инженерных войск и удостоен звания «военный лётчик». Сбил 1 самолёт и 2 аэростата (ракетами) противника. В 1919 г. служил в Добровольческой армии, затем в Вооружённых силах Юга России. С 1920 г. в эмиграции в Англии, затем в США.

[15] РГВИА. Ф. 2094. Оп. 1. Д. 8. Л. 200.

[16] Там же. Л. 215.

[17] РГВА. Ф. 29. Оп. 13. Д. 425. Л. 1, 3; Д. 426. Л. 1, 4; Инструкция для употребления ракет-мин «Ле-Приер». С. 3, 6, 10.

[18] Там же. С. 3, 4.

[19] Там же. С. 4, 5.

[20] Там же. С. 5, 6.

[21] Там же. С. 6, 7.

S.V. Averchenko

«SIX ROCKETS WERE LAUNCHED, THREE OF WHICH STRUCK THE TARGET. THE AEROSTAT WAS DESTROYED»

The use of rocket weapons by the Russian Air Force in 1917

Information about author. *Sergey Averchenko — lecturer at the department of history of wars and military art of the Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovskiy and Yu.A. Gagarin, colonel, Cand. Sc. (Hist.) (city of Voronezh. E-mail: aviator1ww@mail.ru).*

Summary. *This paper, basing on archival sources, discusses the experience of Russian military aviation with the technical operation of rocket weapons during World War I. Although the use of missiles by Russian pilots in 1917 has been mentioned in aviation literature, this is the first time that the technical aspects of their operation have been explored. The weapon, which was new and unknown, was received from an ally, France, and Russian technical personnel were able to ensure its successful operation and combat use, leading to several air victories.*

Keywords: *World War I; Russian Air Force; rocket; balloon; Yves Le Prieur; operation; A.V. Kvasnikov; V.M. Kaminskiy.*

Ю.М. Лысенко

«...ВЫРОСЛИ В ГРОЗНУЮ ДЛЯ ВРАГА СИЛУ»

Бронепоезд «Комсомолец Дагестана» в боях за освобождение Северного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков (1942 г.)

Сведения об авторе. *Лысенко Юлия Михайловна — ведущий научный сотрудник Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, кандидат исторических наук (г. Махачкала. E-mail: Ljuma78@mail.ru).*

Аннотация. *Статья освещает героический вклад 19-го отдельного дивизиона бронепоездов в битве за Кавказ. Цель публикации — исследовать и систематизировать вопросы создания и боевого пути дивизиона, а особенно бронепоезда «Комсомолец Дагестана», построенного в ДАССР в период сражений на Кавказе. В статье показаны особенности постройки в республике такой сложной технической конструкции, как бронепоезд, проанализировано его участие в боях во второй половине 1942 года. Приведены основные цифры уничтоженной дивизионом немецкой техники. Отмечено, что в годы Великой Отечественной войны личный состав части проявил самоотверженность и патриотизм, многие бойцы и командиры были награждены государственными наградами. Использованы данные боевого журнала 19-го отдельного дивизиона бронепоездов, в котором показаны боевые будни личного состава осенью 1942 года. Отмечена тесная связь экипажа бронепоезда «Комсомолец Дагестана» с общественностью, железнодорожниками и руководством Дагестанской республики.*

Ключевые слова: *отдельный дивизион бронепоездов; бронепоезд «Комсомолец Дагестана»; битва за Кавказ; Дагестан; железная дорога; Великая Отечественная война.*

Тяжёлые испытания выпали на долю наших соотечественников в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., на фронте и в тылу ковали они Победу. Поэтому каждый участок самоотверженной борьбы за общее дело заслуживает внимания исследователей и общественности.

Так, в битве за Кавказ 1942—1943 гг. принимали участие все виды и рода войск. В боевых действиях хорошо зарекомендовали себя бронепоезда. Они являлись мощным средством поражения живой силы и боевой техники, могли молниеносно наносить удары и оперативно уходить от ответного огня[1]. Они успешно выполняли боевые задачи в сражениях под Москвой, Ленинградом и на других ТВД. В годы войны действовали свыше сотни бронепоездов, большинство из которых были собраны, усилены бронёй и вооружением на Урале, в Сибири. Отечественной историографией накоплено немало исследований, посвящённых истории бронепоездов в целом и отдельным из них, построенным на средства регионов или предприятий[2].

Нам бы хотелось остановиться на истории создания и боевого пути бронепоезда, построенного на деньги дагестанцев, названного «Комсомолец Дагестана» в честь комсомола республики, вошедшего в состав 19-го отдельного дивизиона бронепоездов (одбп) вначале под номером 17, а затем под номером 2.

О строительстве данного бронепоезда в годы Великой Отечественной войны упоминается лишь в обобщающих работах по истории Дагестана, в научных статьях, изданных дагестанскими историками[3]. Отдельного научного исследования, посвящённого бронепоезду, до сей поры не предпринималось.

Единство тыла и фронта в суровую лихую годину не было просто лозунгом, оно было действенным и реальным, проявлявшимся в многочисленных починах, в т.ч. в строительстве мощного и грозного оружия — самолётов, танков, бронепоездов. Жители Дагестана собрали немалые средства, на которые были построены, например, танковая колонна «Шамиль» и эскадрильи боевых самолётов, бронепоезда имени М. Гаджиева, «Комсомолец Дагестана» и т.д.

С инициативой строительства силами комсомольцев и молодёжи бронепоезда с говорящим названием «Комсомолец Дагестана» в начале осени 1941 года выступил областной комитет комсомола ДАССР. 26 октября было опубликовано постановление бюро Дагестанского обкома ВКП(б) «О постройке бронепоезда “Комсомолец Дагестана”», поддержавшее инициативу комсомола и разрешавшее 8 ноября 1941 года провести по всей республике массовый комсомольско-молодёжный воскресник, а весь заработок передать в фонд постройки бронепоезда. Для оперативного руководства была создана «тройка», в которую вошли И.И. Афонов (секретарь обкома ВКП(б) по промышленности), С.Ш. Измайлов (секретарь обкома ВЛКСМ), Худаев (начальник паровозной службы Махачкалинского отделения железной дороги)[4].

Н.Г. Кажлаев, заместитель начальника строительства бронепоезда «Комсомолец Дагестана»
Национальный музей Республики Дагестан имени А. Тахо-Годи

В республиканском архиве хранятся документы, в которых называются суммы сборов на строительство «Комсомольца Дагестана». Так, в телеграмме секретаря Буйнакского райкома ВЛКСМ Курбаналиевой от 26 января 1943 года отмечено, что «комсомольцы и молодёжь Буйнакского района внесли из своих личных сбережений на строительство бронепоездов им. Героя Советского Союза Магомеда Гаджиева и “Комсомолец Дагестана” 525 281 руб., на танковую колонну “Шамиль” — 890 000 руб., на авиазвено “Юный пионер Дагестана” — 56 000 руб., на танковую колонну им. Уллубия Буйнакского — 185 000 руб.»[5].

В воспоминаниях мастера Махачкалинского вагонного депо М.А. Шаповалова подробно описан процесс строительства бронепоезда. Он отмечал: «Трудность состояла в том, что ни инженеры, ни руководство депо не знали, с чего начать. Многие будущие строители не видели бронепоезда даже на расстоянии... Сейчас самому странно, откуда только брались смелость и смекалка!»[6].

Коллектив строителей находился на казарменном положении, люди работали по 16—18 часов в затемнённых помещениях, при высокой температуре, многие тяжёлые работы выполнялись вручную. Броневую сталь получили по распоряжению ГКО, а закалить её могли только в Сталинграде, на заводе «Красный Октябрь», куда и выехала бригада рабочих в апреле 1942 года. Поездка проходила в сложнейших условиях: враг рвался на Юг, железнодорожные составы обстреливались с самолётов, но комсомольцы Дагестана смогли выполнить поручение. Броня была надета на бронепоезд.

Приказом командующего Закавказским военным округом генерала армии И.В. Тюленева от 7 апреля 1942 года была объявлена благодарность особо отличившимся: начальнику строительства В.Г. Штурмину, его заместителям С.Ш. Измайлову и Н.Г. Кажлаеву, главному инженеру М.С. Лахно, уполномоченному обкома ВКП(б) И.И. Афонову, консультанту С.Н. Бородавко, инженерам С.А. Джамалову, Г.Ю. Омарову, К.Н. Колесниковой, мастерам М.И. Труткову, М.А. Шаповалову, В.Н. Кавтун, М.И. Лебеденко, бригадиру Ф. Звереву, слесарям В.Е. Овсеенко, Н.З. Васильеву, котельщикам Ф.Ф. Кучерову, И.А. Краснокутскому, И.П. Кривоносову, сварщику Ф.Д. Воронкову[7].

19 ноября 1942 года многие работники предприятия за проявленную самоотверженность и трудовой героизм при выполнении важного оборонного задания — строительство тяжёлого бронепоезда «Комсомолец Дагестана» Президиумом Верховного Совета СССР по представлению военного совета Закавказского фронта были награждены правительственными наградами: орденом Красной Звезды — С.А. Джамалов,

«Комсомольцы и молодёжь Буйнакского района внесли из своих личных сбережений на строительство бронепоездов им. Героя Советского Союза Магомеда Гаджиева и “Комсомолец Дагестана” 525 281 руб., на танковую колонну “Шамиль” — 890 000 руб., на авиазвено “Юный пионер Дагестана” — 56 000 руб., на танковую колонну им. Уллубия Буйнакского — 185 000 руб.»

К.Н. Колесникова; медалью «За отвагу» — И.Н. Пигарев; медалью «За боевые заслуги» — Н.Г. Кажлаев, М.А. Шаповалов, М.Е. Черепня, М.Т. Мусаев. Кроме того, грамотой военного совета армии были награждены Я.А. Гамидов, А. Латипова, М.-З. Магомедов, А. Магомедов, А.И. Эльяров[8].

К маю 1942 года строительство бепо (бепо — сокр. бронепоезд) «Комсомолец Дагестана» было почти закончено, но нерешённой до конца проблемой оставалось полное его вооружение.

31 июля 1942 года постановлением Махачкалинского городского комитета обороны бронепоезд «Комсомолец Дагестана» передавался Закавказскому фронту. Это постановление обязывало «начальника Управления связи ДАССР [М.Ф.] Тарасова, директора Электротока [Н.А.] Рыбина и начальника паровозной службы Махачкалинского отделения Орджоникидзевской железной дороги [И.А.] Худаева в трёхдневный срок закончить монтаж системы электроосвещения и связи на бронепоезде. Для оформления передачи бронепоезда Закфронту командировать в г. Тбилиси: Штурмина В.Г. — начальника строительства; Кажлаева Н.Г. — зам. нач. строительства; Джамалова С.А. — главного инженера строительства. Руководителем бригады по передаче бронепоезда назначить секретаря обкома ВЛКСМ Измайлова С.Ш. Поручить Афонову и Измайлову обеспечить своевременную отправку бронепоезда в город Тбилиси»[9]. Только к концу июля 1942 года необходимое вооружение было получено: «Установлено 2 107-мм орудия обр. 1910 года №№ 9348 и 9315, 176-мм Лендера образца 1914/15 гг. № 204(573), 1 ЗПУ-4, 1 ДА-2 на бронепаровозе... Имеется 56 гнёзд для 76-мм снарядов, 36 коробок для ЗГГУ, 524 коробки для пулемётов Максима в 4-х установках, лотки на 616 снарядов и зарядов и плюс ещё 56 гнёзд для снарядов и зарядов»[10].

Вместе с «Комсомольцем Дагестана» в состав «второго набора» 19 одбп вошёл бепо № 1 (лёгкий). Собственно, 19-й отдельный дивизион бронепоездов был сформирован на основании приказа войскам Северо-Кавказского военного округа № 0303 от 26 марта 1942 года в г. Тихорецке из состава 8-го отдельного дивизиона бронепоездов (1 бепо) и отдельного бронепоезда 7 одбп «Щорс» 9 августа 1942 года. Один бронепоезд из состава дивизиона убыл в Тбилиси, а бепо «Щорс» на линии боевого соприкосновения был разбит.

Самый первый бронепоезд в составе дивизиона был сформирован 23 июня 1941 года в г. Тбилиси. Построили его на Брянском заводе ещё до начала Великой Отечественной войны. Бронепоезд был вооружён четырьмя 76-мм пушками образца 1902 года, 12 станковыми пулемётами и двумя спаренными зенитными установками с пулемётами Максима. С 29 июня по 20 сентября 1941 года он охранял железнодорожный участок на ст. Саатлы Азербайджанской ССР, до 25 мая 1942 года — район ст. Самтредиа, затем был передислоцирован на ст. Ленинакан Армянской ССР для охраны госграницы с Турцией.

31 июля 1942 года постановлением Махачкалинского городского комитета обороны бронепоезд «Комсомолец Дагестана» передавался Закавказскому фронту

19 августа 1942 года 18-й отдельный лёгкий бронепоезд был переброшен на охрану участка ст. Червлённая — Астрахань. С 20 сентября 1942 года оборонял ст. Эльхотово и разъезд Урух, где был подбит, затем отремонтирован в г. Грозном и 1 октября 1942 года прибыл на участок Червлённая — Алпатово, где и вошёл в состав 19 одбп.

13 сентября 1942 года командиром дивизиона назначается капитан М.Ф. Иваненко, боевой офицер. 18 сентября один бронепоезд передаётся в состав 8-го отдельного дивизиона бронепоездов, таким образом, на короткий период 19 одбп остаётся... без бронепоездов. 23 сентября 1942 года управление дивизиона и управление базы убывают в распоряжение группы бронепоездов 44-й армии (моздокское направление) на ст. Червлённая, а 1 октября в состав дивизиона входят 17-й тяжёлый («Комсомолец Дагестана») и 18-й лёгкий отдельные бронепоезда[11].

«Комсомолец Дагестана» к моменту включения в состав 19-го отдельного дивизиона бронепоездов уже получил боевое крещение: 18 августа 1942 года вступил в бой на участке ст. Червлённая — ст. Алпатово, вёл также бои в сентябре.

В конце октября немецкие части предприняли ряд ожесточённых атак в районе города Нальчика. Для их отражения советское командование использовало бронепоезда. Беспрерывно в течение почти трёх месяцев (октябрь—декабрь) 19-й отдельный дивизион бронепоездов под командованием уже майора М.Ф. Иваненко, поддерживая части 10-го горнострелкового и 9-го стрелкового корпусов, участвовал в боевых операциях, сдерживая натиск немецко-фашистских войск на участке Алпатово — Терек. То неожиданными для противника огневыми налётами, то меткой стрельбой с закрытых позиций бронепоезда 19 одбп громили врага.

Приведём несколько записей из журнала боевых действий и отчёты о боевых действиях 19 одбп за осенние месяцы 1942 года:

«6 сентября 1942 г. — производил разведку с 4.00. до 7.00. утра. По высотам севернее разъезда Тепловодный, по северо-восточной окраине Солкушино вёл огонь по бронемашинам и автомашинам противника, которые после обстрела ушли в направлении на Пресный бугор. В 14.20 замечен мотоциклист противника, едущий в северо-западном направлении на Солкушино. Третьим снарядом был тяжело ранен, но подобран немцами. Исправный мотоцикл взят и доставлен в группу. С ним найдены бумаги и письма. В 16.30 бронепоезд был обстрелян крупнокалиберным миномётом с насыпного бугра, что юго-западнее 2,5 км разъезда Солкушино. Батарея была БП обстреляна и уничтожена. Израсходовано снарядов 107 мм — 59. Винтовочно-пулемётных патронов 150. 19.00 вышел на заправку в Гудермес.

К утру 17.9.42. находился на перегоне Наурская — Алпатово. В 7.00. был подвергнут бомбардировке. Повреждений нет. Убито 3 человека.

19 сентября 1942 г. — с 15.00 до 20.00 производил огневые налёты по населённому пункту Ищерская, в районе Алпатово был обстрелян тяжёлым артогнём противника. В течение 19.9.42 г. израсходовано 83 снаряда.

20 сентября 1942 г. в 17.15. на перегоне Алпатово — Наурская двумя самолётами противника сброшено 12 бомб. Повреждены: левый борт (сорвана броня), буксы контрольных платформ. Ранено 6, из которых один тяжело (к-ц Галяев умер к исходу дня).

В ночь на 21.9.42 г. произвёл три огневых налёта на ст. Ищерская. Израсходовано 53 снаряда.

19 октября 1942 г. бронепоезд выполнял поставленную задачу. 12.30 бронепоезд пристреливал цели в районе выс. 113.0 и 5-го отд. совхоза. Израсходовано 14 снарядов. В 21.30 бронепоезд обстрелял цели в районе выс. 113.0 и 5-го отд. совхоза. Израсходовано 44 снаряда. Подбито 7 танков противника, потерь нет.

П.И. Татаринцев, рядовой, воевал в составе 19-го отдельного дивизиона бронепоездов на бепо №2 «Комсомолец Дагестана»

30 октября 1942 г. ...Бронепоезд получил задачу к 4.00 31.10 выйти на участок Дарг-Кох — Эльхотово и был готовым отразить атаку танков и мотопехоты противника в направлении Эльхотово, Наурская, Радионовка»[12].

В документе отмечается: «Спаянные единой волей, окрыленные боевыми успехами, бойцы и командиры 19-го отдельного дивизиона бронепоездов стали мощной огневой поддержкой своих собратьев по борьбе — пехотинцев, миномётчиков и артиллеристов и выросли в грозную для врага силу»[13].

За период трёхмесячных боевых операций 19-м отдельным дивизионом бронепоездов на боевых участках Алпатово — Терек и Дарг-Кох — Эльхотово в составе войск Закавказского фронта было уничтожено: танков и бронемашин противника — 45; артиллерийских батарей — 7; миномётных батарей — 6; шестиствольных миномётов — 1; цистерн с горючим — 2; пикирующих бомбардировщиков Ю-87 — 3; уничтожено до полка пехоты противника. Кроме того, подавлен огонь 14 артиллерийских батарей, 1 миномётной батареи, 2 пулемётных батарей. За период боевых действий совершено 69 огневых налётов. Потери личного состава дивизиона: 2 убитых, 7 раненых[14].

В бескрайних степях, на полуразрушенных станциях и полустанках железнодорожной линии Моздок — Терек под неумолкаемый гул артиллерии и миномётов в осеннюю стужу бойцы и командиры 19-го отдельного дивизиона бронепоездов, составной частью которого стал бронепоезд «Комсомолец Дагестана», вписывали славные страницы в историю Великой Отечественной войны.

За боевые успехи были награждены орденами и медалями Союза ССР 52 бойца и командира 19-го отдельного дивизиона бронепоездов. «Комсомолец Дагестана» под командованием ст. лейтенанта Визирякина на участке Дарг-Кох — Эльхотово и в боях в районе станиц Алпатово, Ищерская и других населённых пунктов в период с 17 по 30 ноября 1942 года поддерживал наступательные операции 414-й и 416-й стрелковых дивизий с задачей подавления своим огнём артиллерийских и миномётных точек, а также прикрытия своей пехоты и борьбы с контратаковавшими танками противника.

17 ноября 1942 года немецкие танки провели три атаки на наши позиции в районе Алпатово, Ищерская. При этом часть машин сумела прорваться вглубь обороны. Командир «Комсомольца Дагестана» капитан Бобриков и его ординарец оказались окружёнными на наблюдательном пункте,

Группа строителей бронепоездов «Комсомолец Дагестана» и «Магомед Гаджиев»
Национальный музей Республики Дагестан имени А. Тахо-Годи

Стенгазета, посвящённая истории комсомола Дагестана с рисунком «Отправка бронепоезда "Комсомолец Дагестана" на фронт»
Национальный музей Республики Дагестан имени А. Тахо-Годи

Строители бронепоезда «Комсомолец Дагестана»
Железная дорога и город (из истории возникновения и развития железной дороги в Дагестане: конец XIX — середина XX века). Махачкала, 2014. С. 52.

откуда они корректировали огонь. Имея неповреждённую связь, они вызвали на себя огонь своего же бепо. В результате артналёта два танка были подожжены, а остальные отошли. Прорыв удалось ликвидировать[15].

9 декабря немецкие части отступили, разрушив при этом железную дорогу и мосты. С 10 декабря 1942 года действия бронепоездов были ограничены охраной восстановительных работ на линии разъезд Осетиновский — Ищерская.

Сыграв крупную роль в овладении Ищерским узлом сопротивления, бронепоезда дивизиона за декабрь 1942 года уничтожили: 2 бронемашины, 2 миномёта, 5 автомашин с пехотой и грузами, 5 орудий, 1 дзот и до батальона гитлеровцев. Кроме того, были отбиты 3 танковые атаки, подавлен огонь 11 артиллерийских батарей противника.

10 января 1943 года дивизион в полном составе прибыл на ст. Махачкала «для производства необходимого ремонта матчасти и приведения в порядок вооружения, а также для предоставления личному составу дивизиона возможности необходимого отдыха. Немедленно по прибытии были приняты меры по санобработке личного состава... бронепаровоз 2-го бронепоезда был направлен на ремонт в депо ст. Махачкала, где приступили к проведению занятий по боевой и политической подготовке...»[16].

Отметим, что в ряде документов, хранящихся в материалах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, подчёркивается, что работники Махачкалинского депо считали бронепоезд № 2 «своим», отношение к нему и экипажу было особенным. Личный состав дивизиона принимало руководство республики, оказывая ему всемерную помощь и поддержку.

Так, постановлением бюро Дагобкома ВКП(б) от 4 ноября 1942 года распределялись по-

дарки бойцам и командирам Красной армии, в котором отдельно были отмечены Дагестанский кавалерийский эскадрон и бронепоезд «Комсомолец Дагестана». Его боевой экипаж должен был получить фрукты, рыбопродукты, колбасы, вино, сыр, консервы и табак. В постановлении особо указывалось, чтобы подарки повезли «знатные люди». Отдел пропаганды и агитации обкома ВКП(б) направил вместе с подарками письма от коллективов предприятий, колхозов, учреждений республики[17]. Стоит отметить, что в период битвы за Кавказ бронепоезд не раз возвращался в депо Махачкалы для ремонта, где его экипаж встречали тепло и радушно. Внимание исходило как от простых рабочих, так и от высшего руководства республики. 14 ноября 1942 года издаётся постановление Дагобкома ВКП(б) «О приёме команды бронепоезда “Комсомолец Дагестана”», в котором председателю СНК А.Д. Даниялову поручается организовать приём, выделяется 10 тыс. руб.; создаётся комиссия, делегация из 12 человек, встреча проходит на высоком уровне[18].

После торжественной встречи командование 19-го отдельного дивизиона бронепоездов направило письмо руководству ДАССР, в котором благодарило за заботу, за дружбу, за культурный приём и встречу, за помощь и труд. «Мы, бойцы, командиры и политработники бронепоездов “Комсомолец Дагестана”, “Победоносный” 19-го отдельного дивизиона бронепоездов, — сообщалось в письме, — сплотимся вокруг своего командования в единую боевую семью и нанесём сокрушительный удар по врагу. Мы изо дня в день умножаем наши боевые успехи по разгрому и уничтожению заклятого, ненавистного врага — немецкого фашизма»[19]. Военные призывали своих шефов выпускать больше снарядов, мин и других боеприпасов.

В историческом формуляре 19-го дивизиона неслучайно отмечено: «Большую заботу как во время строительства бронепоезда, так и при нахождении бронепоезда на боевом участке оказали рабочие депо “Махачкала-I” и комсомол Дагестана... Когда 17-й бронепоезд возвращался с боевого участка израненный во время бомбёжек вражеской авиацией на ремонт в депо ст. “Махачкала-I”, рабочие депо и комсомольцы с любовью и заслуженно называли — “Наш бронепоезд”... Тепло встречали личный состав бронепоезда и немедленно приступали к ремонту. Через 2—3 дня “Комсомолец Дагестана” был готов и отправлялся опять на боевой участок громить... захватчиков»[20].

С особой любовью и уважением относились к бронепоездам пехотинцы: «Появление бронепоездов на боевом участке неизменно встречалось подъёмом среди бойцов и вселяло в них уверенность в своих силах. За быстроту огня пехотинцы наименовали 1-й бронепоезд “Катюшей”»[21].

Работники Махачкалинского депо считали бронепоезд № 2 «своим», отношение к нему и экипажу было особенным. Личный состав дивизиона принимало руководство республики, оказывая ему всемерную помощь и поддержку

Об осенних боях на Кавказе, в которых участвовал бронепоезд, написал очерк корреспондент ряда республиканских газет писатель Дмитрий Трунов. Он наряду с другими дагестанскими литераторами выезжал на фронт, а с бойцами «Комсомольца Дагестана» провёл несколько дней. Д. Трунов описал их участие в боевых действиях, рассказал о членах экипажа.

Позволим привести из данного очерка эпизод схватки с вражеской авиацией: «Враг, обозлённый неудачами, решил покончить с бронепоездом. В 15 часов 20 минут в небе появилось несколько чёрных точек. Наблюдатели сообщили:

— Впереди нас шесть пикирующих бомбардировщиков Ю-87.

Визирякин отдал машинисту Пигареву приказание маневрировать, а личному составу вести стрельбу по самолётам изо всех огневых средств.

Бомбардировщики приближались. Бронепоезд стремительно ринулся навстречу. Это был правильный манёвр. Бомбить по быстро движущейся цели трудно. Бронепоезд имел теперь шансы мгновенно разминуться с летящими бомбардировщиками и избежать прямых попаданий. Бронепоезд с одной стороны, самолёты с другой мчались друг к другу. Личный состав приготовился к встрече воздушных пиратов. Рёв моторов оглушил воздух.

— По воздушным целям огонь! — приказал десантникам Стаценко. Бойцы вскинули винтовки и автоматы, Мамлиев и Муфазанов приготовились стрелять по самолётам из противотанкового ружья.

Командир бронеплощадки лейтенант Чистик открыл амбразуру и вставил в неё пулемёт Дегтярёва. Военфельдшер Бартеньев схватил винтовку. Задвигалось жерло зенитной пушки командира Кузнецова. Все готовы.

Бомбардировщики начали пикировать. Было видно, как от них отрывались бомбы и с визгом летели вниз...»[22].

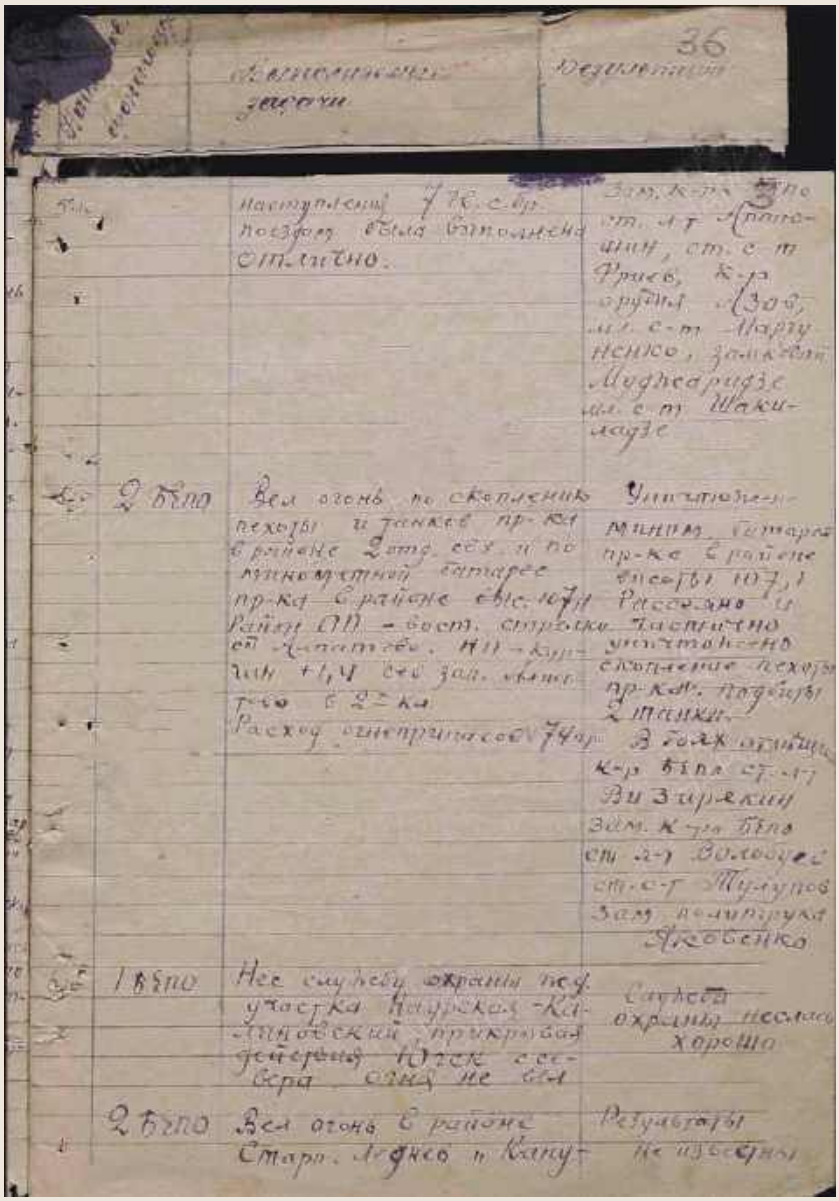
19-й отдельный дивизион бронепоездов, внёсший ве-

сомый вклад в разгром Моздокской группировки противника, после отступления фашистских войск в силу ряда обстоятельств (разрушение и минирование железнодорожных путей противником, слабые темпы восстановительных работ и т.д.) не смог участвовать вместе с общевойсковыми соединениями в дальнейших наступательных операциях.

С 1 по 9 января 1943 года бронепоезда дислоцировались на участке Ищерская — Галюгаевская. 9 января 1943 года 19-й дивизион был передислоцирован в Махачкалу, а затем в Гудермес. В марте 1943 года дивизион прибыл в Тбилиси для ремонта и перевооружения. После чего бронепоезда дивизиона под командованием майора И.М. Бобрикова были переброшены на охрану границы с Турцией, а в 1945 году расформированы. Так закончился короткий, но славный боевой путь дивизиона и его «дагестанского» бронепоезда.

В документальных источниках отмечены мужество и самоотверженность рядового и офицерского состава бронепоездов, державших оборону на Кавказе. Материалы фондов Центрального государственного архива Республики Дагестан позволяют нам узнать, как создавалось такое грозное оружие, как бронепоезд. В них содержатся наградные документы, переписка руководства республики и личного состава бронепоезда № 2 (№ 17) 19 одбп. Отмечена шефская помощь Дагестанской республики. Ни один другой бронепоезд, построенный дагестанскими железнодорожниками, не получил такого пристального внимания журналистов и историков. Связано это, на наш взгляд, с тем, что он был первым бронепоездом, на который были собраны средства жителями республики, ведь статус «первого» более значим в массовом сознании. Также боевой путь бронепоезда проходил в непосредственной близости от ДАССР, он — участник битвы за Кавказ. Собственно, активная фаза применения бепо на фронте была достаточно кратковременной, тем не менее он не затерялся среди других «номерных», номинально сохраняя своё название, пусть неофициальное, был узнаваем, возвращаясь после боёв на ремонт в родное депо. Присвоение номеров воинским подразделениям, а также их изменение нередко затрудняли их идентификацию и понимание у гражданского населения: где же «наш»? А особое наименование подчёркивало причастность к региону, усиливало патриотические чувства дагестанцев, ощущавших непосредственную сопричастность воинскому подразделению, в данном конкретном случае — бронепоезду «Комсомолец Дагестана».

Сегодня память о бронепоезде сохраняется в виде упоминаний в научных статьях и публицистических заметках, монографиях и сборниках, посвящённых событиям Великой Отечественной войны. А на стене здания Махачкалинского депо установлена мраморная табличка со сведениями о постройке «Комсомольца Дагестана».

Журнал боевых действий
ЦАМО РФ. Ф. 5680. Оп. 0693366. Д. 2. Л. 36.

Примечания

[1] Бронепоезд — это покрытый бронёй из специальных металлических материалов (стали) железнодорожный состав с артиллерийским и пулемётным вооружением. Данный «поезд» предназначен для поддержки огнём сухопутных войск и ведения боевых действий в полосе железных дорог. См.: *Ефимьев А.В., Манжосов А.Н., Сидоров П.Ф.* Бронепоезда в Великой Отечественной войне 1941—1945. М.: Транспорт, 1992. С. 7.

[2] *Ковалев И.В.* Транспорт в решающих операциях Великой Отечественной войны. М., 1969. 48 с.; *Косович С.С., Филимонов А.М.* Советские железнодорожные: военно-исторический очерк. М., 1984. 309 с.; *Куманёв Г.А.* Война и железнодорожный транспорт СССР, 1941—1945. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Наука, 1988. 367 с.; *Бураков В.В.* В битвах за Кавказ // Железнодорожный транспорт. 2015. № 8. С. 73—77; *Харламова Ю.А.* Подвиг советских железнодорожников в период битвы за Кавказ и в сражении за Сталинград // Транспортное право и безопасность. 2018. № 1(25). С. 145—151; *Коломиец М.В.* Роль и место бронепоездов Красной Армии в Великой Отечественной войне // Клио. 2017. № 8(128). С. 147—155; *он же*. Бронепоезда Красной Армии в Великой Отечественной войне. Дисс. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2019. 194 с.; *Дмитриева А.А.* Советские бронепоезда периода Великой Отечественной войны // Железнодорожные войска в истории России: материалы отраслевой научно-исторической конференции (Петергоф, 15 июня 2021 г.). Петергоф, 2021. С. 64—69; *Александров Е.М.* Бронепоезда в Великой Отечественной войне // Молодой учёный. 2024. № 23(522). С. 574—578; *Объедков С.И.* Бронепоезд № 746. История бронепоезда, построенного на средства рабочих и служащих Московского метрополитена // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 88—94; *Пудовкин С.И., Хлопотов Н.А.* К истории бронепоезда «Сталинский Урал» // Зыряновские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 6—7 декабря 2012 г.). Курган: КГУ, 2012. С. 118, 119; *Нистратов В.Ф., Мартеева Л.В.* Строительство бронепоезда «Москвич» жителями Подмосковья для Победы в Великой Отечественной войне // Молодёжь в годы Великой Отечественной войны: сборник статей преподавателей и студентов. Красково, 2020. С. 20—22; *Демина О.В.* Бронепоезда войск НКВД СССР в Сталинградской битве и обороне Кавказа // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2017. № 2. С. 41—43; *Северьянов М.Д., Кнауб В.А., Буданова Л.Ю.* Вклад Красноярского 29-го отдельного дивизиона бронепоездов в победу советского народа в годы Великой Отечественной войны // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 2(40). С. 125—128.

[3] *Суздальцева И.А.* Железная дорога Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2020. № 3. С. 119—122; *Леонтьева Е.Ю., Какагасанов Г.И., Будченко Л.И. и др.* Вклад народов Дагестана в Сталинградскую победу // Россия, Запад, Восток: диалог культур и цивилизаций: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции (Стерлитамак, 25 октября 2018 г.). Стерлитамак, 2018. С. 181—185; *Султанбеков Р.М.* Вклад трудящихся городов и районов Дагестанской АССР в Фонд обороны страны: строительство танковых колонн, бронепоездов, эскадрильи боевых самолётов в 1941—1944 гг. // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы IV Всероссийской научной конференции (5—8 июля 2023 г.). Ростов-н/Д., 2023. С. 426—432.

[4] Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф.1-п. Оп. 22. Д. 17. Л. 81.

[5] Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): документы и материалы / Сост. М.Д. Бутаев и др. Махачкала: Издательско-полиграфический центр ДГУ, 1995. С. 325.

[6] Дагестан в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания участников событий / Сост. О. Блюмфельд, М. Кичева, А. Мелешко. Махачкала, 1962. С. 99—102.

[7] ЦГА РД. Ф. 1040-п. Оп. 1. Д. 14. Л. 78.

[8] Дагестанская правда. 1942. 19 ноября. С. 1.

[9] ЦГА РД. Ф. 1040-п. Оп. 1. Д. 8. Л. 79—90.

[10] Комсомолец Дагестана. URL: https://mixxim.livejournal.com/494252.html.

[11] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 5680. Оп. 693366. Д. 2. Л. 47.

[12] Там же. Л. 18—19.

[13] Там же. Оп. 349721. Д. 1. Л.3.

[14] Там же. Л. 1.

[15] 19-й отдельный дивизион бронепоездов. URL: http://tankfront.ru/ussr/odbp/odbp19.html#5ref.

[16] ЦАМО РФ. Ф. 5680. Оп. 693366. Д. 2. Л. 132.

[17] ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 23. Д. 13. Л. 166—168.

[18] Там же. Л. 238.

[19] Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): документы и материалы. С. 591.

[20] ЦАМО РФ. Ф. 5680. Оп. 349721. Д. 1. Л. 5.

[21] Там же. Оп. 693366. Д. 2. Л. 136.

[22] *Трунов Д.М.* На бронепоезде «Комсомолец Дагестана» (три боевых дня). Махачкала: Дагосиздат, 1943. С. 11, 12.

Yu.M. Lysenko

«...THEY BECAME A POWERFUL FORCE AGAINST THE ENEMY»

The armored train Komsomolets Dagestana in the battles for the liberation of the North Caucasus from Nazi invaders in 1942

Information about author. *Yulia Lysenko — leading researcher at the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Cand. Sc. (Hist.) (city of Makhachkala. E-mail: Ljuma78@mail.ru).*

Summary. *This paper explores the heroic contributions of the 19th Separate Armored Train Division during the Battle of the Caucasus. It aims to examine and systematically analyze the division's history, focusing on the Komsomolets Dagestana armored train, which was built in the Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic during the fighting in the Caucasus. The paper describes the specific details of constructing such a complex technical structure as an armored train within the republic, and analyzes its involvement in battles during the second half of 1942. It also provides information on the number of German vehicles that the division destroyed. It is noted that during the Great Patriotic War, the personnel of the unit demonstrated dedication and patriotism, and many soldiers and commanders were awarded state decorations. The combat log of the 19th Separate Armored Train Division, which describes the daily combat life of the personnel in autumn 1942, was used as a source. The close ties between the crew of the Komsomolets Dagestana armored train, the public, railway workers, and the leadership of the Dagestan Republic are noted.*

Keywords: *separate armored train division; armored train Komsomolets Dagestana; Battle of the Caucasus; Dagestan; railway; Great Patriotic War.*

П.А. Аниконов

«ТЕМ БОЛЬШЕ НАША СЛАВА!»

Ущерб жителям и защитникам Ленинграда от действий германской дальнобойной артиллерии в 1941 году

Сведения об авторе. *Аниконов Павел Александрович — младший научный сотрудник Института истории обороны и блокады Ленинграда, заведующий отделом информационного и компьютерного обеспечения Библиотеки Российской академии наук (Санкт-Петербург. E-mail: znamensky2009@yandex.ru).*

Аннотация. *В статье на основе германских и отечественных источников рассматривается боевая деятельность в районе Ленинграда в 1941 году немецкого артиллерийского дивизиона, имевшего на вооружении одни из самых крупнокалиберных орудий, применявшихся германскими войсками для обстрела города на протяжении всей блокады. Приведены данные о его подчинённости и вооружении. В хронологическом порядке представлено описание произведённых дивизионом обстрелов Ленинграда, Кронштадтской крепости и Ораниенбаума и ущерба от них.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война 1941—1945 гг.; немецкая тяжёлая артиллерия; Ленинград; блокада; обстрел; разрушения; группа «тяжёлого настильного огня»; немецкое 240-мм орудие К 3.*

За время блокады Ленинграда в годы Великой Отечественной войны от голода, холода, бомбардировок и артиллерийских обстрелов погибли свыше миллиона горожан и военнослужащих. Память об этом будет всегда жить в сердцах наших соотечественников. Следы вражеских обстрелов и бомбардировок до сих пор хранят колонны Исаакиевского собора, гранитные набережные и ограды мостов, фасады некоторых зданий. Как память о тех трагических и героических днях в нескольких местах на стенах домов оставлены надписи: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Обстрелы немецкой артиллерией города для ленинградцев были опаснее, чем воздушные бомбардировки, т.к. падения снарядов, особенно при первых выстрелах, были неожиданными, застигавшими людей врасплох. Тяжёлыми и кровопролитными были обстрелы 1941 года, когда ещё не были в должной мере отработаны эффективные меры подавления вражеских орудий, а в Ленинграде была большая плотность населения. И тем не менее сломить волю руководства, защитников и населения города, несмотря на разрушения и потери, противнику не удалось. Ленинградцы, которых поддерживала вся страна, выстояли и победили.

В исследованиях по теме блокады Ленинграда 1941—1944 гг. большое внимание уделено действиям войск Красной армии, подвигу жителей осаждённого города, продолжавших жить, работать и бороться в невероятно тяжёлых условиях. При этом представления о немецкой артиллерийской группировке, обстреливавшей город во время осады, в частности в 1941 году, до недавнего времени имели фрагментарный характер. Кроме того, в них встречаются недостоверные сведения. Основная причина этого заключается в использовании крайне незначительного объёма документов противника, в то время как именно они являются основным источником информации о группировке и действиях вражеской артиллерии под Ленинградом. Так, например, в изданной в 1965 году книге Н.Н. Жданова «Огневой щит Ленинграда», посвящённой контрбатарейной борьбе в битве за Ленинград, при описании вооружения, целей и тактики вражеских обстрелов города был допущен ряд неточностей[1]. Неполнота информации и фактические ошибки встречаются и в других работах, касающихся темы действий немецкой артиллерии под Ленинградом в начальный период блокады города[2].

Ставшие доступными в последние годы документы немецкой группы армий «Север», 16-й и 18-й армий (А), а также входивших в них армейских корпусов (ак), позволили выяснить структуру артиллерийской группировки, производившей обстрелы Ленинграда в 1941 году, типы орудий, районы расположения огневых позиций (ОП)

и тактику действий немецких артиллеристов[3].

На основе немецких военных документов, оперативных сводок штаба местной противовоздушной обороны (МПВО) Ленинграда и штабов МПВО городских районов, документов воинских частей и соединений Ленинградского фронта (ЛФ) и Краснознамённого Балтийского флота (КБФ) в статье подробно рассмотрена боевая деятельность в районе Ленинграда в 1941 году немецкого 1-го артиллерийского дивизиона (адн) 84-го артиллерийского полка (ап), имевшего на вооружении дальнобойные орудия крупного калибра и первым начавшего обстрел города.

Первые снаряды, упавшие на Ленинград 4 сентября 1941 года, были выпущены 1 адн 84 ап, находившимся в тот момент в составе 16 А. 7 сентября этот дивизион вместе с 28 ак вышел из подчинения 16 А и вошёл в состав 4-й танковой группы[4]. 17 сентября 1 адн 84 ап был подчинён 135-му артиллерийскому командованию, которое в свою очередь с приданным 802-м артиллерийским полковым штабом особого назначения и адн было переподчинено штабу 18 А. 135-е артиллерийское командование имело в подчинении дивизионы с самыми мощными дальнобойными пушками, составившими армейскую группу «тяжёлого настильного огня».

На вооружении 1 адн 84 ап находились пушки К 3 (немецкое обозначение 24 cm K 3)[5]. Калибр орудий составлял 240-мм (по другим данным, 238-мм)[6]. На 13 сентября 1941 года в дивизионе было 3 батареи по 2 орудия[7]. Для своего времени пушка К 3 была выдающейся артиллерийской системой. Она поступила на вооружение немецкой армии в 1939 году, имела новейшую схему с двойным откатом, отличалась высоким уровнем мобильности и возможностью поворота с опоры на 360 градусов. Для пушек К 3 существовали два вида стволов: с 8 глубокими (дальнобойность до 37,5 км) и 72 обычными нарезами (дальнобойность 30,7 км)[8]. Скорострельность — 1 выстрел в 3 минуты[9]. По меньшей мере несколько пушек К 3, обстреливавших Ленинград в 1941 году, имели дальнобойность 37,5 км[10]. Боекомплект состоял из осколочно-фугасных гранат трёх типов. Вес гранаты 24-cm Gr.35 составлял 151,4 кг[11].

Огневые позиции (ОП) дивизиона под Ленинградом в 1941 году располагались: с 4 сентября по 17 сентября в районе севернее Тосно, с 20 сентября по неустановленный день — Дудергоф и с неустановленного дня до конца года — Ропша, Коцелево, Райкузи[12]. Из последних трёх районов пушки К 3 держали под прицелом бóльшую часть Ленинграда, Кронштадт и Ораниенбаум со значительной территорией плацдарма.

Хроника обстрелов

4 сентября. Дивизион обстрелял предприятия в Ленинграде[13]. Были повреждены станция Витебская-Товарная, заводы «Большевик» и «Салолин», база «Красный Нефтяник», 6 человек погибли, 22 были ранены[14].

5 сентября. При обстреле из пушек К 3 на территории города службы МПВО отметили падение 18 снарядов[15]. Были повреждены станция Навалочная, заводы «Большевик» и «Пролетарский», склад НКО № 15, больница и несколько жилых домов, убиты 38 и ранены 100 человек[16].

6 сентября. При обстреле из орудий К 3 МПВО Ленинграда отметила падение 44 снарядов. Повреждения получили заводы имени Ленина, полиграфических красок, карбюраторный, «Вена», «Фармакон», несколько жилых домов и бараков, школа, гараж, сарай и автобус[17]. Были убиты 28 и ранены 134 человека, в т.ч. беременная женщина и несколько девочек в возрасте 5—7 лет[18].

11 сентября. Дивизион обстрелял ГЭС-4 и «Казачьи казармы» (6 снарядов), а также железнодорожные пути, перекрёсток дорог и завод по производству боеприпасов в Автово (6 снарядов)[19]. Были повреждены станция Навалочная, металлосклад № 1 и механическая мастерская. Ранения получили 2 человека[20].

12 сентября. Целями для пушек К 3 были ГЭС-4 и «Казачьи казармы» (6 снарядов), завод имени Ленина, казармы на Парковой улице, станция Фарфоровская (по 6 снарядов на цель)[21]. Были повреждены станции Московская-Сортировочная, Московская-Пассажирская, Московская-Товарная и Цветочная, фабрика «Пролетарский Труд», эвакогоспиталь, несколько жилых домов, ремесленное училище. Погибли 13 и были ранены 37 человек[22].

14 сентября. Целями обстрела были железнодорожные станции Витебская-Сортировочная и Обухово, завод имени Ленина (по 3 снаряда на цель), завод по производству боеприпасов и железнодорожный перекрёсток в Автово (3 снаряда), ГЭС-4 и «Казачьи казармы» (3 снаряда)[23]. Были повреждены завод имени Ленина, станции Московская-Товарная и Московская-Пассажирская, 3 человека погибли, не менее 10 ранены[24].

15 сентября. Дивизион обстрелял перекрёсток железнодорожных путей и завод имени Егорова (3 снаряда), завод по производству боеприпасов, железную дорогу и перекрёсток дорог в Автово (3 снаряда), ГЭС-4 и «Казачьи казармы» (2 снаряда), район завода «Красная Звезда» (3 снаряда)[25].

В тот день по Ленинграду вели огонь и другие немецкие артиллерийские части. С большой вероятностью от обстрела из пушек К 3 была повреждена станция Московская-Товарная, ранены 3 человека. В районе Американского моста и станции Новый парк Октябрьской железной дороги при взрыве 2 снарядов 3 человека погибли, 6 были ранены[26].

16 сентября. Из пушек К 3 немцы обстреляли завод «Большевик» и ГЭС-1 (по 3 снаряда)[27]. При обстреле был повреждён завод «Салолин», убит 1 и ранены 8 человек[28].

Надпись на стене дома № 14 на Невском проспекте

Снаряд с выступами из боекомплекта пушки К 3 с 8 глубокими нарезами в стволе для стрельбы на предельную дальность

Очаг поражения от попадания 240-мм снаряда пушки К 3 в дом № 13 на Глазовской улице 5 сентября 1941 г.

17 сентября. Дивизион обстрелял завод имени Ленина (3 снаряда) и железнодорожную станцию Фарфоровская (3 снаряда)[29]. Повреждения получили 2 жилых дома, склад мыловаренного завода и эвакогоспиталь. Погиб 1 человек, 7 получили ранения[30].

21 сентября. Из пушек К 3 без попаданий обстреляны 2 военных корабля в порту Ленинграда[31].

22 сентября. Дивизион 11 снарядами обстрелял артбатареи в Кронштадте и линкор «Октябрьская Революция», стоявший на позиции у острова. Огонь по эсминцу и 2 канонерским лодкам вели орудия других германских артиллерийских частей[32]. Согласно журналу боевых действий (ЖБД) штаба КБФ попаданий по кораблям не было, повреждения получили док Сургина и артиллерийско-минный двор[33]. Вечером в районе ОП 1 адн 84 ап зенитным огнём отбита атака советских штурмовиков[34].

23 сентября. Дивизион 15 снарядами обстрелял линейный корабль в военной гавани Кронштадта. По немецким данным, линкор поставил дымзавесу и был отбуксирован в другое место[35]. Согласно ЖБД штаба КБФ попаданий по кораблю не было[36].

Вечером 9 снарядами без попаданий был обстрелян военный корабль у форта Пётр I[37]. В гавани Ораниенбаума из пушек К 3 обстрелян военный корабль, под обстрелом покинувший гавань[38].

24 сентября. Утром из пушек К 3 тремя выстрелами западнее Кронштадта без попаданий обстреляны 7 военных кораблей. 15 снарядами в порту Ленинграда обстрелян военный корабль, под обстрелом ушедший в укрытие.

Перед полуднем при помощи наблюдательного аэростата 18 снарядами были поражены стрелявшие батареи в Кронштадте. Небольшие корабли поставили там дымзавесу[39]. В ЖБД штаба КБФ отмечены взрывы снарядов в Средней и Угольной гаванях, в доке Сургина и в районе стоянки линкора «Октябрьская Революция»[40].

Днём 15 выстрелами обстрелян вооружённый торговый пароход в Ленинградском порту. Немцы отметили пожар и осколочное поражение на судне[41]. По данным МПВО Ленинграда, при обстреле Торгового порта от поражений осколками затонул буксир «Валиант»[42].

26 сентября. Дивизион 15 выстрелами обстрелял крейсер «Аврора» в Ораниенбауме[43]. Корабль получил пробоины левого борта от попадания снаряда и осколков[44]. При обстреле пострадали порт и гавань Ораниенбаума, на складе жидкого топлива возник пожар[45].

В порту Ленинграда 10 снарядами была приведена к молчанию наземная батарея. Совместно с другим дивизионом 20 снарядами был обстрелян линкор в гавани Кронштадта[46]. Согласно ЖБД штаба КБФ при обстреле на двух катерах и пожарном судне 3 моряка погибли, 4 были ранены[47].

Днём совместно с ещё одним дивизионом полка при корректировке стрельбы с аэростата и наземного наблюдательного поста (НП) был поражён военный корабль. Немецкие корректировщики наблюдали прямое попадание в середину корабля и взрыв, огненное облако от которого достигло высоты 900 м. Сильный пожар на корабле продолжался до ночи[48]. По данным ЖБД штаба КБФ, при обстреле в Каботажной гавани Кронштадта загорелись пирс и баржа с топливом[49].

Вечером был обстрелян военный корабль в гавани Кронштадта[50]. 2 снаряда упали у правого борта линкора «Октябрьская Революция»[51]. При обстрелах в Кронштадте повреждён док «Трёх эсминцев»[52].

27 сентября. Дивизион при корректировке стрельбы с аэростата произвёл 5 выстрелов по линкору в гавани Кронштадта. Немцы отметили задымление цели[53]. Снаряд попал в сторожевой катер «Буря», ранения получили несколько человек[54]. 1 снаряд взорвался рядом с эсминцем «Славный», на котором несколько человек были ранены[55].

В гавани Ораниенбаума 10 выстрелами из пушек К 3 немцы при корректировке стрельбы с аэростата и использовании инструментальной разведки обстреляли крейсер «Аврора»[56]. Корабль получил подводную пробоину[57]. При обстреле одно судно получило незначительные повреждения[58]. Вечером 2 выстрелами без попаданий были обстреляны 4 эсминца у форта Александр I[59]. Также вечером 6 советских истребителей совершили безрезультатную атаку на немецкий наблюдательный аэростат.

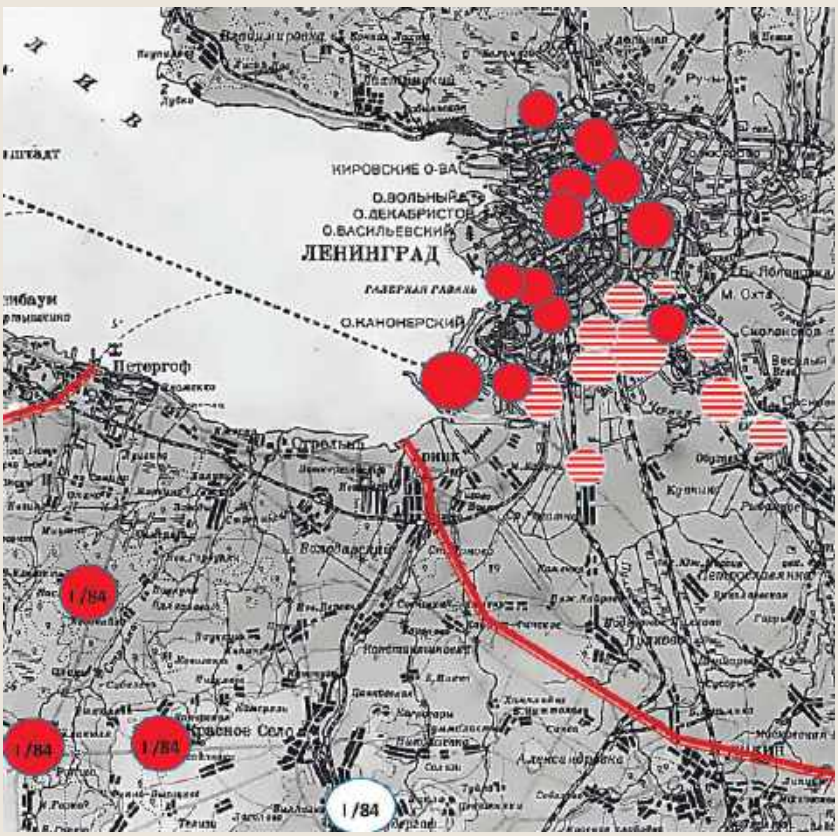
28 сентября. Днём дивизион совместно с другими артиллерийскими частями совершил огневой налёт на гавань Ораниенбаума[60]. В порту были повреждены несколько складов и шоссейная дорога, разрушена эстакада угольной гавани[61].

С помощью самолёта-корректировщика 10 снарядами из пушек К 3 был обстрелян склад боеприпасов юго-западнее батареи в Большой Ижоре. Немцы наблюдали пожар[62].

29 сентября. В ночь на 29 сентября дивизион беспокоящим огнём 10 снарядами обстрелял Кронштадт. 15 снарядами с оптической корректировкой был обстрелян линкор «Октябрьская Революция»[63]. МПВО КБФ в Кронштадте отметила 33 разрыва снарядов. Корабли не пострадали. На Морском заводе был повреждён подъёмный кран[64]. Рядом с линкором «Октябрьская Революция» отмечены падения 6 снарядов[65].

30 сентября. В полдень 1 и 2 адн 84 ап совершили огневой налёт (по 6 снарядов) по району порта Ораниенбаума. Немцы наблюдали большой взрыв. При последующем беспокоящем огне (по 3 снаряда) наблюдался большой пожар, продолжавшийся до вечера включительно[66].

По Ораниенбауму днём вели огонь и другие артиллерийские батареи противника. По крейсеру «Аврора» было выпущено

Места ОП 1 адн 84 ап и зоны обстрелов из его пушек территории Ленинграда в 1941 г. Кружки с красной штриховкой — зоны обстрела с ОП у Тосно

Ствол пушки К 3 при транспортировке на железнодорожной платформе

Начальный этап сборки пушки К 3 на огневой позиции

Подготовка к заключительной стадии сборки пушки К 3

до 70 снарядов, имелось 6 попаданий, возник пожар[67].

Вечером при совместном огневом налёте 1 адн 84 ап выпустил 6 снарядов по порту Ораниенбаума[68]. В тот день при обстрелах порт получил ряд повреждений[69].

1 октября. Днём дивизион 15 снарядами обстрелял портовые сооружения в Ораниенбауме[70]. Снаряды попали в транспорты № 507 (на борту имелись раненые) и № 516 (попали 3 снаряда, возник продолжительный пожар). Транспорт № 516 затонул, частично закрыв при этом вход в гавань[71]. Порт Ораниенбаума получил ряд повреждений[72].

3 октября. Утром дивизион выпустил 7 снарядов по стрелявшему линкору «Октябрьская Революция». Корабль прекратил огонь. 2 выстрелами был приведён к молчанию стрелявший военный корабль у Южного форта № 4. Около полудня группа «тяжёлого настильного огня» участвовала в совместном огневом налёте на город и порт Кронштадта (по 20 снарядов на адн)[73]. Затем 3 часа адн вели по ним беспокоящий огонь (по 5 снарядов на адн)[74]. Повреждения получили Морской завод, портовая электростанция и несколько зданий в городе[75].

4 октября. Утром орудия К 3 10 выстрелами без попаданий обстреляли два эсминца у форта Александр I[76].

5 октября. Утром дивизион в ходе 2 стрельб выпустил 11 снарядов по крейсеру класса «Киров» в гавани Кронштадта. Огонь корректировался с аэростата[77]. Вечером 4 советских истребителя обстреляли и подожгли немецкий наблюдательный аэростат[78].

6 октября. Вечером 14 снарядами из пушек К 3 был обстрелян Южный форт № 1. Немцы наблюдали попадания. Затем дивизион вёл пристрелочный огонь по Северному форту № 3. Стрельбы корректировались батареей оптической разведки. Позже 5 снарядами были обстреляны лодки, выходившие из гавани Кронштадта. Перед

полуночью огневым налётом из 5 выстрелов был подавлен стрелявший Южный форт № 1[79].

7 октября. Во второй половине дня из пушек К 3 семью снарядами был обстрелян ведший огонь линкор «Октябрьская Революция», который поставил дымовую завесу и продолжил стрельбу. Вечером 7 выстрелами с оптической корректировкой был обстрелян Южный форт № 2[80].

9 октября. Утром из пушек К 3 15 снарядами был обстрелян ведший огонь северный форт № 4. Немцы наблюдали 4 попадания. Днём без повреждений обстреляны линкор «Октябрьская Революция» и несколько эсминцев[81].

15 октября. Ночью 1 адн 6 орудиями К 3 совместно с другими артиллерийскими частями 20 выстрелами без корректировки совершил огневой налёт на завод имени Молотова в Кировском районе[82]. Были повреждены несколько зданий рядом с заводом, убиты и ранены несколько человек[83].

31 октября. Днём из 2 пушек К 3 шестью снарядами без корректировки были обстреляны казармы на Красноармейских улицах и военный склад на Обводном канале[84]. Были повреждены несколько жилых домов, убиты не менее 7 человек и ранены не менее 19[85].

22 ноября. Днём из 4 пушек К 3 20 выстрелами без корректировки обстрелян завод имени Ворошилова. Примерно в то же время другие артбатареи обстреляли находившийся рядом завод «Судомех»[86]. Несколько снарядов без ущерба взорвались на заводе имени Ворошилова, были повреждены близлежащие здания и предприятия, погибли 4 и получили ранения 11 человек[87].

24 ноября. Днём дивизион 4 орудиями без корректировки 20 снарядами обстрелял «Московские казармы» на пр. Карла Маркса[88]. Были повреждены несколько жилых домов, заводы № 218 и 380, железнодорожный путь и трамвайные провода. Погибли 14 человек, 44 получили ранения[89].

25 ноября. Вечером из 4 пушек К 3 без корректировки 15 снарядами обстрелян мельничный комбинат имени Ленина[90]. Были повреждены дом, база № 2 «Заготзерно», трамвайный провод. Убиты 4 человека и ранены 6[91].

26 ноября. Вечером из 2 пушек К 3 по заводу «Красный Октябрь» без корректировки были выпущены 40 снарядов[92]. Были повреждены заводы «Красногвардеец» и имени К. Маркса, фабрика «Красный Маяк», 6-й овощекомбинат, 2 жилых дома. Погибли 14 человек, 29 были ранены[93].

28 ноября. Утром из 4 пушек К 3 без корректировки 20 снарядами был обстрелян завод имени ОГПУ (Государственный оптико-механический завод)[94]. Были повреждены трамвайный парк имени Блохина, фабрики имени Самойловой и «1 мая», Гренадерский мост, баржа, дом и ремесленное училище. Прямым попаданием разрушен купол Сампсониевского собора[95]. Были убиты 3 человека, 20 ранены.

30 ноября. Днём дивизион из 4 пушек К 3 с оптической корректировкой выпустил 15 снарядов по Новой Голландии. Почти одновременно ещё один дивизион обстреливал расположенные рядом заводы[96]. Были повреждены завод «Судомех» и жилой дом, 3 человека убиты и 18 ранены[97].

Днём 1 адн 84 ап из 4 пушек К 3 15 снарядами без корректировки обстрелял завод «Русский Дизель»[98]. Перед этим другой дивизион выпустил 15 снарядов по находившемуся рядом заводу «Двигатель»[99]. При обстрелах были повреждены несколько домов, водопровод, трамвайные пути и провода. Погибли 14 человек, 40 ранены[100].

3 декабря. Около полудня 3 пушки К 3 без корректировки выпустили 20 снарядов по Комендантскому аэродрому. Немцы отметили задержку вылета транспортного самолёта. Днём из 3 орудий К 3 10 снарядами без корректировки аэродром был снова обстрелян[101]. Наблюдатели МПВО Ленинграда после первого обстрела отметили падение 19 снарядов на территории аэродрома. Разрушений и пострадавших не было[102].

12 декабря. Днём дивизион из 2 пушек К 3 со звуковой корректировкой 20 снарядами обстрелял завод № 189 имени Орджоникидзе[103]. В то же время по заводу вёл огонь еще один артдивизион[104]. Завод был повреждён, погибли 4 и были ранены 13 человек[105]. 1 снаряд попал в эсминец «Сильный», находившийся у стенки завода[106]. На корабле было выведено из строя орудие, убиты 2 и ранены 7 человек[107].

13 декабря. Днём дивизион со звуковой корректировкой выпустил 15 снарядов по фабрике «Комсомолка»[108]. По территории фабрики попали от 1 до 6 снарядов, был разрушен цех. Кроме того, был разрушен забор у больницы Эрисмана, повреждены 3 дома, Дом культуры на Кировском пр., водопровод. При обстреле 13 человек были убиты, 27 ранены[109].

18 декабря. Днём дивизион 2 орудиями К 3 без корректировки, выпустив 14 снарядов, принял участие в совместном с другими артбатареями огневом налёте на район Ленинграда с казармами на улице Воинова, училищем ВМФ, автомобильной мастерской и складом боеприпасов[110]. Были повреждены военный гараж, ремонтно-механический завод, более 20 зданий, водопровод, 8 троллейбусов, возник 1 пожар. Погибли или получили ранения десятки человек[111].

21 декабря. Днём дивизион 2 орудиями принял участие в совместном с другими артиллерийскими подразделениями огневом налёте на район города с казармами у зоопарка, Петропавловской крепостью и её кронверком, заводом «Знамя Труда», киностудией «Ленфильм», бывшим заводом минеральных вод и «Еврейским кварталом». Все дивизионы без корректировки выпустили 63 снаряда[112]. Минимум по 1 снаряду попали в

Пушка К 3 на огневой позиции. Рядом лежат срубленные деревья, использовавшиеся в качестве маскировки

Бойцы осматривают дальнобойное немецкое орудие, обстреливавшее Ленинград с Вороньей горы
Фото Д. Трахтенберга

Германское дальнобойное орудие — трофей советских войск
1944 г.

Петропавловскую крепость и завод «Знамя Труда»[113]. Были повреждены более 20 зданий, мост Строителей, канализация, трамвайный поезд. В доме № 4/6 на Малой Пушкарской улице возник сильный пожар[114]. Всего 21 декабря при артобстреле и бомбардировке в Ленинграде погибли 73 человека, 223 получили ранения, большинство стали жертвами обстрела (среди них один из крупнейших ботаников СССР Е.В. Вульф)[115].

Результаты обстрелов и основные выводы

1 адн 84 ап в 1941 году выпустил по Ленинграду минимум 176 снарядов в сентябре, 26 — в октябре, 145 — в ноябре, 79 — в декабре, т.е. минимум 426 снарядов. При обстрелах погибли 148 человек, ранения получили 472 человека (без учёта жертв от совместных огневых налётов).

Точность стрельбы дивизиона на околопредельные расстояния была незначительной, однако при любом обстреле наносился сопутствующий ущерб и поражались объекты, не являвшиеся его непосредственной целью. Различные повреждения были нанесены десяткам заводов и фабрик, железнодорожной инфраструктуре, общественным учреждениям, многим жилым домам. Обстрелы вместе с налётами вражеской авиации привели к минимизации деятельности Комендантского аэродрома[116].

С 22 сентября по 9 октября 1941 года по Кронштадту, кораблям у города и фортам дивизион выпустил минимум 233 снаряда. В Кронштадте различные разрушения получили несколько промышленных и жилых зданий и судов. Постоянные артиллерийские обстрелы вынуждали командование КБФ принимать меры противодействия — вести контрбатарейную борьбу, использовать дымы для маскировки важных объектов (этот метод защиты показал себя как весьма эффективный), применять светомаскировку и т.д. Обстрелы гаваней и фортов Кронштадта стали одной из причин перево-

да части сил КБФ на зимовку в Ленинград[117]. За весь 1941 год немецкой артиллерией по Кронштадту были выпущены 2040 снарядов разных калибров[118].

С 23 сентября по 9 октября 1941 года по Ораниенбауму, кораблям у города и целям на плацдарме из пушек К 3 были выпущены около 70 снарядов. Был нанесён ущерб порту Ораниенбаума, нескольким судам, крейсеру «Аврора».

Крупнокалиберная дальнобойная артиллерия стала для немцев важным инструментом выполнения различных боевых задач в районе Ленинграда с первых дней блокады города. Из пушек К 3 в 1941 году подвергалась обстрелу практически вся территория Ленинграда за исключением самой северной и восточной частей города. Из пушек К 3 немцы вели огонь также по целям в Кронштадте и на Ораниенбаумском плацдарме, в т.ч. расположенным далеко от линии фронта. Эффективность применения этих орудий зависела от ряда условий, в первую очередь от параметров целей обстрела и возможности корректировки.

Большая дальнобойность пушек К 3 позволила противнику расположить их ОП вне зоны эффективного ответного огня советской артиллерии, т.к. проводившаяся в тот период частями ЛФ и КБФ контрбатарейная борьба в силу разных причин была ещё слабо налажена и давала незначительный эффект[119]. Это положение стало постепенно меняться с конца февраля 1942 года, когда немецкие артиллерийские части, проводившие обстрелы Ленинграда, стали ощущать всё более мощное и результативное противодействие с нашей стороны[120].

Германские пушки К 3 были наиболее современными и мощными на то время орудиями полевой тяжёлой артиллерии, вобравшими в себя последние достижения немецкой инженерной мысли и индустрии, расчёты были хорошо подготовлены и обеспечены всем необходимым для нанесения максимальных разрушений противной стороне. И ущерб нашей стране, Ленинграду, его защитникам и жителям они нанесли значительный. Но добиться своих целей немецкие захватчики так и не смогли. «Да, нам далась победа нелегко. Да, враг был храбр. Тем больше наша слава!» — так писал поэт и писатель Константин Симонов.

В 2022 году Санкт-Петербургский городской суд в открытом процессе признал геноцидом блокаду Ленинграда оккупационными властями, войсками нацистской Германии и их пособниками в 1941—1944 гг. Общее число жертв блокады составило не менее 1 093 842 человек, а сумма ущерба превысила 35 трлн руб.[121]

В заключение следует отметить, что советские полевые орудия особой мощности активно действовали на различных участках советско-германского фронта с середины Великой Отечественной войны. Так, под Ленинградом немеркнущей славой покрыла себя 10-я батарея 152-мм пушек Бр-2 73-го армейского артиллерийского полка под командованием старшего лейтенанта В.Ф. Амеличева. Подвергаясь периодическим обстрелам из артиллерии крупных и сверхкрупных калибров, а также бомбардировкам, наши артиллеристы в течение двух месяцев вели эффективный огонь по важным тыловым целям немецких захватчиков[122]. Последние выстрелы советской полевой артиллерии особой мощности в ходе Великой Отечественной войны прозвучали во время Берлинской наступательной операции, в ходе которой наши орудия вели сокрушительный огонь по наиболее мощным узлам сопротивления гитлеровцев[123].

Примечания

[1] *Жданов Н.Н.* Огневой щит Ленинграда. М.: Воениздат, 1965. С. 50—56, 62.

[2] *Перечнев Ю.Г.* Советская береговая артиллерия: история развития и боевого применения 1921—1945 гг. М.: Наука, 1976. С. 126; Краснознамённый Балтийский флот в Великой Отечественной войне советского народа 1941—1945 гг.: оборона Прибалтики и Ленинграда (1941—1944 гг.). Кн. 1. М.: Наука, 1990. С. 289; *Дзенискевич А.Р. [и др.]* Непокорённый Ленинград: краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Наука, 1974. С. 153.

[3] *Аниконов П.А.* Артиллерийские обстрелы Ленинграда. 1941 год. СПб.: Скифия, 2023. 688 с.

[4] Национальный архив США (NARA). Т. 314. R. 784. Fr. 001196.

[5] Ibid. T. 312. R. 803. Fr. 8458753.

[6] *Шунков В.Н.* Энциклопедия артиллерии особой мощности. Минск: Харвест, 2004. С. 214; Вооружение германской артиллерии / Под. ред. В.И. Хохлова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во оборонной промышленности, 1943. С. 164, 165.

[7] NARA. T. 312. R. 765. Fr. 8412237.

[8] *Шунков В.Н.* Указ. соч. С. 212—214.

[9] *Fleischer W.* Schwere Artillerie im Einätz. Waffen-Arsenal, Sonderband S-77. S. 45.

[10] NARA. T. 312. R. 803. Fr. 8458733.

[11] *Fleischer W.* Op. cit. S. 45.

[12] NARA. T. 312. R. 784. Fr. 8436041, 8436162; R. 796. Fr. 8451513.

[13] NARA. T. 311. R. 53. Fr. 7066113; Битва за Ленинград. 1941—1944 / Сост. И.П. Барбашин, А.И. Кузнецов, В.П. Морозов и др.; под общ. ред. С.П. Платонова. М.: Воениздат, 1964. С. 65.

[14] *Кончаев Б.И., Скрябин М.Е.* В борьбе с огнём (страницы истории). Л.: Стройиздат, 1984. С. 26, 27; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 4886. Оп. 11. Д. 7. Л. 22, 23.

[15] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 3. Л. 21—23; Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 217. Оп. 1221. Д. 201. Л. 32.

[16] ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 201. Л. 32; ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 7. Л. 107—112; Д. 3. Л. 21—23.

[17] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 7. Л. 115—118; Д. 3. Л. 25—27.

[18] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 3. Л. 24—29; Д. 7. Л. 115—118; Акт Ленинградской городской комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда и ущербе, нанесённом хозяйству и культурно-историческим памятникам города за период войны и блокады // Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Л.: ОГИЗ, 1945. С. 11; *Буров А.В.* Блокада день за днём. Л.: Лениздат, 1979. С. 51, 52.

[19] NARA. T. 314. R. 784. Fr. 001231.

[20] ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 201. Л. 46; ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 7. Л. 39.

[21] NARA. T. 314. R. 786. Fr. 000275.
[22] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 3. Л. 64—67; ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 201. Л. 40.
[23] NARA. T. 314. R. 786. Fr. 000299.
[24] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 3. Л. 74—76, 78—81; ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 201. Л. 42.
[25] NARA. T. 314. R. 786. Fr. 000323.
[26] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 3. Л. 80.
[27] NARA. T. 314. R. 786. Fr. 000337.
[28] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 3. Л. 83.
[29] NARA. T. 314. R. 786. Fr. 000353.
[30] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 3. Л. 90.
[31] NARA. T. 314. R. 786. Fr. 8436099.
[32] Ibid. Fr. 8436080.
[33] Архив Военно-морского флота (филиал ЦАМО, г. Гатчина) (АВМФ). Ф. 161. Оп. 43. Д. 102. Л. 67—69; Ф. 2. Оп. 1. Д. 527. Л. 90.
[34] NARA. T. 312. R. 784. Fr. 8436080.
[35] Ibid. Fr. 8436067.
[36] АВМФ. Ф. 161. Оп. 43. Д. 102. Л. 70.
[37] NARA. T. 312. R. 784. Fr. 8436060; АВМФ. Ф. 161. Оп. 43. Д. 102. Л 72.
[38] NARA. T. 312. R. 784. Fr. 8436060.
[39] Ibid. Fr. 8436041, 8436048.
[40] АВМФ. Ф. 161. Оп. 43. Д. 102. Л. 75.
[41] NARA. T. 312. R. 784. Fr. 8436048.
[42] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 3. Л. 138, 139.
[43] NARA. T. 312. R. 784. Fr. 8436013.
[44] *Поленов Л.Л.* Крейсер «Аврора». Л.: Судостроение, 1987. С. 218, 219.
[45] АВМФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 527. Л. 97.
[46] NARA. T. 312. R. 784. Fr. 8436013.
[47] АВМФ. Ф. 161. Оп. 43. Д. 102. Л. 80.
[48] NARA. T. 312. R. 784. Fr. 8436006.
[49] АВМФ. Ф. 161. Оп. 43. Д. 102. Л. 80, 81.
[50] NARA. T. 312. R. 784. Fr. 8436006.
[51] АВМФ. Ф. 1144. Оп. 06510. Д. 23. Л. 45.
[52] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 527. Л. 90.
[53] NARA. T. 312. R. 784. Fr. 8435996.
[54] АВМФ. Ф. 161. Оп. 43. Д. 102. Л. 83; Ф. 2. Оп. 1. Д. 527. Л. 90.
[55] Там же. Ф. 1144. Оп. 06510. Д. 110. Л. 43.
[56] NARA. T. 312. R. 784. Fr. 8435996.
[57] *Поленов Л.Л.* Указ. соч. С. 216, 218.
[58] АВМФ. Ф. 161. Оп. 43. Д. 102. Л. 83.
[59] NARA. T. 312. R. 784. Fr. 8435989.
[60] Ibid. Fr. 8435979.
[61] АВМФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 527. Л. 97.
[62] NARA. T. 312. R. 784. Fr. 8435979.
[63] Ibid. Fr. 8435961.
[64] АВМФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 527. Л. 123.
[65] Там же. Ф. 1144. Оп. 06510. Д. 23. Л. 48.
[66] NARA. T. 312. R. 784. Fr. 8435937, 8435944.
[67] Ibid.
[68] Ibid. T. 312. R. 784. Fr. 8435930.
[69] АВМФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 527. Л. 97.
[70] NARA. T. 312. R. 784. Fr. 8435927.
[71] АВМФ. Ф. 161. Оп. 43. Д. 102. Л. 92.
[72] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 527. Л. 98.
[73] NARA. T. 312. R. 784. Fr. 8435877.
[74] Ibid. Fr. 8435876.
[75] АВМФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 527. Л. 91.
[76] NARA. T. 312. R. 784. Fr. 8435854.
[77] Ibid. Fr. 8435839.
[78] Ibid. Fr. 8435830.
[79] Ibid. Fr. 8435809, 8435801.
[80] Ibid. Fr. 8435790.
[81] NARA. T. 312. R. 784. Fr. 8435754; АВМФ. Ф. 1144. Оп. 6510. Д. 23. Л. 61.
[82] NARA. T. 312. R. 803. Fr. 8458752.
[83] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 4. Л. 133, 134; Д. 12. Л. 6, 7.
[84] NARA. T. 312. R. 803. Fr. 8458753.
[85] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 12. Л. 210; Д. 4. Л. 219.
[86] NARA. T. 312. R. 803. Fr. 8458820, 8458887; T. 314. R. 784. Fr. 001694; T. 312. R. 796. Fr. 8451733. ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 5. Л. 182—188, Л. 190—196.
[87] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 5. Л. 193, 194.
[88] NARA. T. 312. R. 803. Fr. 8458887.
[89] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 5. Л. 206, 207, 209, 210, 213, 214.
[90] NARA. T. 312. R. 803. Fr. 8458887.
[91] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 5. Л. 220.
[92] NARA. T. 312. R. 803. Fr. 8458887.
[93] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 5. Л. 232, 233, 234.
[94] NARA. T. 312. R. 803. Fr. 8458887.
[95] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 5. Л. 257—260.
[96] NARA. T. 312. R. 803. Fr. 8458887.
[97] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 5. Л. 282.
[98] NARA. T. 312. R. 803. Fr. 8458887.
[99] ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12480. Д. 300. Л. 66.
[100] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 5. Л. 278—286.
[101] NARA. T. 312. R. 803. Fr. 8458888.
[102] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 5. Л. 310.
[103] NARA. T. 312. R. 803. Fr. 8458884.
[104] Ibid.
[105] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 6. Л. 45.
[106] АВМФ. Ф. 161. Оп. 43. Д. 103. Л. 98.
[107] ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 102. Л. 257.
[108] NARA. T. 312. R. 803. Fr. 8458884.
[109] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 6. Л. 50, 51.
[110] NARA. T. 312. R. 803. Fr. 8458883.
[111] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 6. Л. 72—76, 78—81.
[112] NARA. T. 312. R. 803. Fr. 8458911.
[113] ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 6. Л. 87.
[114] «Забвению не подлежит»: сборник / Сост. А.П. Изам, Т.В. Пыженкова, Я.В. Прокопчик. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 51, 52; Ленинград в осаде: сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941—1944. СПб.: Лики России, 1995. С. 369.
[115] ЦГА СПБ. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 6. Л. 108; *Вульф Е.В.* Историческая география растений: история флор земного шара. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1944. С. 3.
[116] *Лебедев В.В.* Комендантский аэродром в годы Великой Отечественной войны // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тезисы докладов XXXVI международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН: сборник. Санкт-Петербург, 21—24 апреля 2015 г. СПб.: Санкт-Петербургский филиал ФГБУ науки института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова Российской академии наук (СПбФИИЕТ РАН), 2015. С. 108—110.
[117] Там же. С. 88, 89.
[118] Там же. С. 87.
[119] *Дзенискевич А.Р. [и др.]* Указ. соч. С. 154.
[120] NARA. T. 312. R. 807. Fr. 8464049, 8464050; R. 825. Fr. 8485638, 8485774, 8485776, 8485823, 8485828, 8485853, 8485859, 8485923, 8485991, 8485995, 8486005, 8486017, 8486023, 8486037, 8486044.
[121] *Кикнадзе В.Г., Романько О.В., Саенко А.С. [и др.]* Геноцид народов России. Преступления против советского мирного населения и военнопленных в годы Великой Отечественной войны: монография / Под ред. В.Г. Кикнадзе. М.: Прометей, 2024. С. 91, 92.
[122] ЦАМО РФ. Ф. 10768. Оп. 1. Д. 33. Л. 25 об.—33; Д. 34. Л. 2—7 об.; *Жданов Н.Н.* Указ. соч. С. 131—134.
[123] *Воробьёв Ф.Д.* Последний штурм (Берлинская операция 1945 г.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1975. С. 314, 329, 335.

P.A. Anikonov

«THE GREATER OUR GLORY!»

The impact of German long-range artillery on residents and defenders of Leningrad in 1941

Information about author. *Pavel Anikonov — junior research fellow at the Institute of the History of the Defense and Siege of Leningrad, head of the department of information and computer support at the Library of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg. E-mail: znamensky2009@yandex.ru).*

Summary. *This paper, based on German and Russian sources, examines the combat operations of a German artillery division in the Leningrad region during the siege of 1941. The division was equipped with some of the largest caliber guns used by the German forces to bombard the city. Information about its subordination and armaments is provided, as well as a chronological description of its shelling of Leningrad, Kronstadt Fortress, and Oranienbaum. The paper also discusses the damage caused by these attacks.*

Keywords: *The Great Patriotic War of 1941—1945; German heavy artillery; Leningrad; blockade; shelling; destruction; heavy flat fire group; German 240-mm K3 gun.*

«НЕОСПОРИМЫЙ РЕСУРС ПОБЕДЫ — ДРУЖБА И СПЛОЧЁННОСТЬ НАРОДОВ СССР»

Книга памяти и славы народов России и Казахстана

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне ковалась неимоверными ратными и трудовыми усилиями всех братских наций и народностей, составлявших в те роковые годы великую необъятную страну. Достойный вклад в её достижение как на полях сражений, так и в глубоком тылу внесла Республика Казахстан.

В книге* , которую написал профессиональный казахстанский военный, выпускник докторантуры Военной академии Генерального штаба ВС РФ, один из постоянных авторов «Военно-исторического журнала» полковник А.К. Аккузинов, скрупулёзно, обстоятельно и доходчиво систематизированы и обобщены цифры, факты, красноречивые эпизоды этого громадного напряжения всего казахстанского народа, его свершений и жертв, принесённых на общий алтарь Победы.

Автором использованы документы и материалы, состоящие из четырёх групп документальных источников и материалов, хранящихся в государственных и ведомственных архивах Республики Казахстан, Республики Узбекистан и Российской Федерации, а также иного происхождения.

Книга охватывает не только период военных лет. Она касается и довоенного переустройства экономики советского Казахстана в контексте преобразований в СССР в целом, мобилизационных реформ, масштабных социополитических мероприятий. Особое место в ней занимает история грандиозных эвакуационных работ, передислокации многих объектов оборонной и прочей промышленности СССР с его западных территорий вглубь страны, в Казахстан. Этот всенародный подвиг достоин не только восхищения и благодарности потомков — он имеет непреходящую поучительную ценность на все времена.

Автор приводит малоизвестные драматические детали конкретных сражений, оборонительных и наступательных операций Великой Отечественной войны, в которых героическое участие принимали посланцы Казахстана. Как отмечает в своём обращении к читателям Д.А. Абаев, Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Казахстан в Российской Федерации, Асет Кайролдинович «показывает многонациональность состава ратных и трудовых героев Казахстана, конкретными фактами подтверждает неоспоримый ресурс Победы — дружбу и сплочённость народов СССР» (с. 3—4).

Как представитель молодого поколения военного корпуса Казахстана автор книги с большим сыновним уважением и любовью пишет о ветеранах Великой Отечественной, вспоминая в том числе и о представителях собственного достойного рода, сложивших головы на полях сражений. Он отдаёт дань памяти и скорби всем не вернувшимся с кровавых рубежей, тем неимоверным лишениям, которые народ Казахстана понёс вместе со всеми народами Советского Союза в годы Великой Отечественной войны.

«Это книга памяти и славы. Она очень познавательна и по-хорошему фактографична. Уверен, книга интересна для всех, кто интересуется историей Второй мировой войны, кому дорога память о тех трагических днях и годах. Она будет полезна для всех, кто сегодня осуществляет деятельность по укреплению оборонных потенциалов Казахстана и России, дружбы и сотрудничества наших братских народов», — отмечает Даурен Абаев.

Исследование предназначено для использования в образовательной деятельности при изучении всеобщей и военной истории, а также в текущей и перспективной работе специалистами по изучению опыта Великой Отечественной войны, при совершенствовании имеющихся или при разработке новых нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность органов государственного и военного управления, а также в музейной и мемориальной работе.

Книга будет полезна всем, кто интересуется историей Великой Отечественной войны и кто использует её непреходящий опыт в просветительской деятельности и воспитательной работе с наследниками Великой Победы.

Обложка книги

* *Аккузинов А.К.* Плечом к плечу. Вклад Казахстана в достижение победы СССР в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.): опыт и уроки. М.: Восточный экспресс, 2025. 432 с.

В.С. Азин

«ЧАСТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ПРОВОДИЛИ ПРЯМО В КАЗАРМЕ, МЕЖДУ СБИТЫМИ ИЗ ДОСОК НАРАМИ»

Город Вольск — кузница военных кадров для фронта, для Победы

Сведения об авторе. *Азин Владимир Сергеевич — преподаватель Вольского военного института материального обеспечения (г. Вольск. E-mail: Vladimir.Azin777@yandex.ru).*

Аннотация. *Особенностью многих городов Советского Союза, располагавшихся в годы Великой Отечественной войны относительно далеко от фронта, стало насыщение их территорий эвакуированными военными предприятиями, госпиталями, военно-учебными заведениями. Их роль в обеспечении Победы неоспорима. Неувядаемой славой покрыли себя многие и многие трудовые коллективы: от сельских кооперативов до комплексных комбинатов типа Магнитки. Так, предприятия Урала поставляли фронту танки и артиллерийские системы, сталь и прокат; Поволжье — миномёты, стрелковое оружие, боеприпасы, другое необходимое имущество и вооружение. И в этом самоотверженном труде участвовала вся страна: всё для фронта, всё для Победы! В статье анализируется роль военно-учебных заведений города Вольска в системе подготовки военных кадров в период Великой Отечественной войны. На основе архивных документов и воспоминаний ветеранов раскрываются перечень и специфика существовавших в период с 1941 по 1945 год военных училищ, школ, курсов подготовки и совершенствования специалистов, в т.ч. эвакуированных в г. Вольск с началом военных действий из западных районов страны. Кроме того, рассмотрено участие военно-учебных организаций Вольска в подготовке военных специалистов из числа добровольцев из других стран.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; Вольск; специальная подготовка; школа младших специалистов; авиамеханики; высшие военно-учебные заведения; военное училище; переформирование; приказы наркома обороны.*

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. стала самым тяжёлым испытанием для всех народов Советского Союза, которым пришлось заплатить очень высокую цену, чтобы защитить свою страну, задушить фашистского зверя в его же логове и своими неисчислимыми жертвами и потерями заслужить право носить высокое звание народа-победителя. И об этом главным образом говорят не только скупые строки документов, но и память отцов и дедов, переданная нам, современникам, как самое дорогое и сокровенное наследство. Они, наши предки, завещали нам беречь мир, не допустить тех многомиллионных жертв, как среди мирных граждан, так и среди солдат и офицеров Красной армии, которых только в числе безвозвратных потерь второй категории значится 8 668 400 человек[1].

До войны в СССР была создана сеть военно-учебных заведений, в стенах которых готовили командиров, ставших впоследствии настоящими профессионалами своего дела. К лету 1941 года на территории Советского Союза функционировали 204 военных училища, 68 курсов повышения квалификации, в которых проходили обучение порядка 300 тыс. курсантов[2].

Одним из регионов, где было сосредоточено большое количество организаций военного образования, стала Саратовская область. Здесь располагались 32 военно-учебных заведения различного типа (училища, школы, курсы подготовки). Причём значительная их часть дислоцировалась не только в самом Саратове, являвшемся областным центром (на него приходилось порядка 10 военно-образовательных учреждений), но и в близлежащих населённых пунктах[3].

Среди городов Саратовской области следует выделить Вольск, на территории которого в период Великой Отече-

ственной войны одновременно функционировали несколько военно-учебных заведений. Каждое из них внесло большой вклад в подготовку первоклассных военных кадров, а потому их история заслуживает внимания.

Надо подчеркнуть особенность Вольска — история города неразрывно связана со становлением и развитием Военно-воздушных сил. Ещё с 1928 года в соответствии с приказом наркома обороны от 13 июля № 211 в зданиях бывшего Вольского кадетского корпуса разместилась Объединённая школа лётчиков и авиатехников (ОВШЛАТ)[4]. Данное военно-учебное заведение за период своего существования подготовило большое количество специалистов ВВС РККА, в числе которых 39 человек были удостоены высокого звания Героя Советского Союза[5].

Незадолго до начала Великой Отечественной войны, 5 февраля 1941 года, был подписан приказ наркома обороны № 49 «О переименовании военно-авиационных школ и училищ и переводе их на новые штаты». Организационные изменения, в частности, коснулись и Вольского военного авиационно-технического училища авиамехаников имени Ленинского Краснознамённого комсомола (так стала впоследствии называться ОВШЛАТ). 1 марта 1941 года она была переименована в 1-ю Вольскую военную авиационную школу авиационных механиков (1 ВВАШАМ) имени Ленинского Краснознамённого комсомола с переводом на штат № 20/31-Б[6].

В обновлённом военно-учебном заведении стала осуществляться подготовка сержантского состава — механиков, основной задачей которых являлось обслуживание авиационной техники. Срок обучения в школе составлял один год[7].

Интерес при изучении архивных документов 1-й Вольской авиационной школы вызывает тот факт, что именно в её стенах на материальной части учебных самолётов Як-1 и Пе-2 первыми в Советском Союзе стали обучать курсантов[8]. При этом конструкция данных самолётов сильно отличалась от изучавшихся ранее образцов И-16 и ДБ-3. Несмотря на это, благодаря накопленной в короткие сроки учебно-материальной базе курсанты довольно быстро осваивали новую авиационную технику. За заслуги в деле подготовки авиамехаников 20 августа 1944 года школе было вручено Боевое Красное Знамя.

С начала войны и до 4 апреля 1942 года начальником школы был военинженер 1 ранга С.П. Хадеев, а затем до 1949 года 1 ВВАШАМ руководил инженер-полковник С.Х. Христюк, ранее занимавший должность начальника учебного отдела школы.

Однако 1 ВВАШАМ была не единственным военно-учебным заведением Вольска, где шла подготовка специалистов, занимавшихся обслуживанием авиационной техники. Так, на территории бывшего Вольского женского епархиального училища разместилась 2-я Вольская военная авиационно-техническая школа, которая была создана 17 августа 1938 года. После подписания приказа НКО № 49 и создания на базе ВВАТУ 1 ВВАШАМ военно-учебное заведение было переименовано во 2-ю Вольскую военную авиационную школу авиамехаников (2 ВВАШАМ) с переводом на штат № 20/31-А[9].

Руководили школой во время войны такие военачальники, как военинженер 1 ранга И.М. Щелочинин (с 7 августа 1938 по 4 апреля 1942 г.), подполковник Ф.С. Акулов (с 4 апреля 1942 по 27 июля 1944 г.), подполковник Н.А. Гусев (с 27 июля 1944 по 25 октября 1949 г.).

С началом войны в этих школах шла усиленная подготовка младших специалистов для авиации. Занятия проводились в несколько смен. Распорядок дня был строго регламентирован. Курсанты-авиамеханики быстро осваивали свои будущие специальности.

Несмотря на общую загруженность, на базе обеих школ смогли разместиться и другие военно-учебные заведения. Одними из них стали школы младших авиаспециалистов. Так, согласно приказу первого заместителя начальника Генерального штаба РККА генерала В.Д. Соколовского от 16 июля 1941 года №141 на территории 1-й и 2-й Вольских школ авиамехаников были дислоцированы 12 и 14 дивизионные школы младших авиационных специалистов (авиамотористов) — ШМАС[10]. Известно, что 12 ШМАС была сформирована в г. Орше (Витебская обл. Белорусской ССР), а 14 ШМАС формировалась в посёлке Монино Московской области[11].

Во 2-й Вольской военной авиационной школе авиамехаников осуществлялась массовая подготовка военнослужащих-женщин. Так, начиная с мая—июня 1942 года школа приступила к подготовке 278 девушек по специальности «авиационное вооружение», а с размещением на её территории личного состава и имущества 6-й Школы младших авиационных специалистов под командованием подполковника Бурлакова в школу прибыли ещё 307 девушек-курсантов[12].

О том, как проходило обучение девушек в школах младших специалистов, вспоминает ветеран Великой Отечественной войны Юлия Филипповна Кузнецова, которая в числе многих девушек добровольцем отправилась на фронт: «Когда началась война, я училась в медицинском техникуме. Окончила его в конце 1941 года. И вскоре мы с подругой пошли в военкомат проситься на фронт. Нас не взяли. Но тут начался набор в Вольскую школу младших авиаспециалистов, прибористов, оружейников. И туда нас с подругой приняли. Обучение сначала предполагалось полугодовое. Но нас ускоренным курсом выпустили через три месяца»[13].

Значительную роль 1-я и 2-я Вольские военные школы авиамехаников сыграли в подготовке

военнослужащих-добровольцев для иностранных военных формирований, которые бок о бок, плечом к плечу в составе Красной армии вели упорную борьбу против фашистов.

Так, 17 марта 1944 года на базе 1-го польского армейского корпуса была развернута 1-я Польская армия. Однако малоизвестен тот факт, что согласно «Справке о славянских военных формированиях на территории СССР» на момент 13 июня 1944 года около 60 военнослужащих из состава 1-й Польской армии проходили обучение в стенах 2-й Вольской военной школы авиамехаников[14].

Кроме 1-й Польской армии, на территории СССР создавались и другие иностранные формирования. Одними из самых многочисленных были подразделения, укомплектованные представителями Чехословакии. Например, 7 августа 1944 года из стен 2-й военной школы авиамехаников были выпущены 11 выходцев из Чехословакии[15]. Всего же по состоянию на июнь 1944 года в Вольске проходили обучение 20 военнослужащих Чехословацкого корпуса[16].

С.Х. Христюк

и 2-й Вольских военных школ авиамехаников, могут говорить факты поощрения постоянного состава наградами тех государств, военнослужащие которых проходили обучение в их стенах. Например, 30 июня 1945 года по просьбе чехословацкого правительства к награждению

Значительную роль 1-я и 2-я Вольские военные школы авиамехаников сыграли в подготовке военнослужащих-добровольцев для иностранных военных формирований

На территории Вольска проходили обучение и представители одного из ближайших союзников СССР — Монгольской Народной Республики (МНР). И здесь необходимо упомянуть, что для обучения в 1-ю Вольскую военную школу авиамехаников согласно приказу № 690 от 6 сентября 1942 года о принятии монгольских командиров и цириков в военно-учебные заведения Красной армии были зачислены 10 человек — граждан МНР[17].

О том, насколько высоким был уровень подготовки иностранных военнослужащих в стенах 1-й

орденами Чехословакии были представлены должностные лица из числа постоянного состава 2 ВВАШАМ: преподаватель капитан С.Г. Бочаров, старший инструктор старший техник-лейтенант Н.Н. Куршев, старший преподаватель инженер-капитан П.Н. Судаков[18].

Наряду с обучением специалистов для авиации Вольск был важнейшим центром подготовки военных кадров для частей и подразделений химической защиты. Незадолго до начала войны в городе располагалось 1-е Бердичевское пехотное училище, которое приказом НКО СССР от 27 марта 1941 года № 127 было преобразовано в Вольское военное училище химической защиты с общей численностью 1600 курсантов[19]. Данное военно-учебное заведение было размещено в 20 км от города в посёлке Шиханы-1 на территории военно-химического полигона[20]. Ранее, до размещения училища, здесь дислоцировалось Вольское танковое училище лёгких танков, ставшее впоследствии в связи с передислокацией Сызранским танковым училищем.

С началом войны в связи с неудачами летне-осенней кампании 1941 года, когда столица нашей Родины оказалась под угрозой захвата немецкими войсками, в соответствии со сложившейся обстановкой первый заместитель начальника Генерального штаба В.Д. Соколовский 11 июля подписал приказ № 117 начальнику штаба Приволжского военного округа о переотправке коммунистов и комсомольцев в военные училища. Согласно данному приказу Вольское военное училище химической защиты должно было отправить 500 коммунистов и комсомольцев в распоряжение Подольского пехотного училища[21]. Позднее именно в Подольском пехотном и артиллерийском училищах будет сформирован тот самый полк подольских курсантов, покрывших себя неувядаемой славой при обороне Ильинского рубежа в Битве за Москву.

Сокращённая программа обучения, а также недостаточная материальная база не могли не отразиться на результатах подготовки специалистов. И постоянный, и переменный состав работал в тяжёлых условиях военной поры. До нас дошли воспоминания ветеранов войны, входивших в то время в постоянный и переменный состав училища: «Занятия в основном были практические, в поле, но питание было скудным… На занятия уходило всё время, кроме 8 часов сна. Учили тому, что необходимо было на войне. Готовились и к отражению химического нападения,

готовили огнесмеси, снаряжали огнемёты, днём и ночью проводили огнеметание, ставили дымовые завесы. Химической техники недоставало, да и других пособий практически не было. Аудиторий и классных комнат не было. Часть теоретических занятий проводили прямо в казарме, между сбитыми из досок нарами»[22].

При этом в училище совершенствовалась методика проведения занятий, шла работа над улучшением учебно-материальной базы, что приводило к желаемым результатам.

За всю историю существования данного училища его начальниками были: полковник А.Ф. Болотов (с 17 мая по 4 сентября 1941 г.), полковник (с апреля 1943 г. — генерал-майор) М.Ф. Доронин (с 5 сентября 1941 г. по 29 апреля 1943 г.), полковник В.С. Духарев (с 29 апреля по 27 ноября 1943 г.).

6 января 1943 года был подписан приказ народного комиссара обороны № 25, согласно которому вводились новые знаки отличия — погоны. И здесь особый интерес вызывают знаки отличия для военно-химических учебных заведений, в частности для Вольского училища химзащиты. Как известно, во время Великой Отечественной войны в СССР функционировали три военно-химических училища: Вольское, Калининское и Харьковское. И поэтому на погонах курсантов были размещены соответствующие буквы «В», «К» и «Х»[23].

В качестве училища химзащиты войск военно-учебное заведение просуществовало до 8 октября 1943 года, пока постановлением Государственного комитета обороны № 4286 оно не было переформировано в Вольскую высшую офицерскую школу, укомплектованную по штату № 17/491, с численностью переменного состава 1100 человек и 350 человек постоянного состава. Срок обучения стал составлять 1,5 года[24]. Начальником школы был назначен генерал-майор К.А. Мацкевич[25]. Дальнейшее её укомплектование осуществлялось за счёт личного состава Калининского училища технических войск и кадров Главного военно-химического управления[26].

В ноябре 1945 года в состав Вольской высшей офицерской школы вошло расформированное Краснознамённое военное Харьковское училище химической защиты. Поэтому она получила наименование Краснознамённая высшая офицерская техническая школа РККА. В 1954 году школа сменила место дислокации — была преобразована в Центральные курсы усовершенствования офицерского состава химических войск и переведена в г. Саратов[27].

Во время войны город Вольск был одним из тех регионов, где осуществлялась подготовка снайперов. С 16 марта по 27 августа 1944 года на его территории размещалась 3-я окружная школа отличных стрелков снайперской подготовки (3 ОШОССП), прибывшая в город из лагеря Суслонгер Марийской АССР. Начальником школы в период её дислокации в Вольске был подполковник Ф.В. Евстигнеев[28]. Наряду с 3 ОШОССП с 13 февраля по 15 ноября 1944 года в Вольске дислоцировалась 6-я Окружная школа отличных стрелков снайперской подготовки (6 ОШОССП). После завершения передислокации 6-я школа снайперов приняла личный состав и имущество 5 ОШОССП. Почти всё время пребывания в Вольске школой руководил подполковник П.Н. Павлов[29]. Обе школы готовили снайперов по краткосрочным программам. По выпуску военнослужащим присваивалось воинское звание ефрейтора[30].

С началом Великой Отечественной войны многие военно-учебные заведения были эвакуированы. Подобная судьба постигла и Могилёвское военное пехотное училище, которое было сформировано 1 января 1940 года (г. Могилёв, Белорусская ССР). Формированием училища занимался исполнявший обязанности его начальника (начальник строевого отдела) майор М.Т. Субботин. После передислокации на станцию Привольская 24 июня 1941 года оно было переименовано в Вольское пехотное училище, однако в последующем приказом народного комиссара обороны от 3 сентября № 0337 ему было возвращено первоначальное наименование[31].

Во время нахождения данного военно-учебного заведения на территории Вольска отмечалась низкая обеспеченность его переменного состава вооружением и материальными средствами. Так, например, по результатам проверки был составлен акт, согласно которому на 2000 курсантов в училище недоставало 1520 винтовок, 22 станковых пулемёта, 1238 пар кирзовых сапог[32].

Вольское военное училище химической защиты должно было отправить 500 коммунистов и комсомольцев в распоряжение Подольского пехотного училища

В период Великой Отечественной войны начальниками училища были: полковник М.И. Щадрин (с 8 января по 5 ноября 1941 г.), генерал-майор М.С. Евстигнеев (с 17 ноября 1941 г. по 30 сентября 1943 г.), генерал-майор В.П. Брынзов (с 27 октября 1943 г. по 13 октября 1944 г.), полковник И.И. Муров (с 13 октября 1944 г. по 1 августа 1945 г.)[33]. Необходимо особенно подчеркнуть, что в Вольске был похоронен один из его начальников — генерал-майор М.С. Евстигнеев (могила и памятник расположены в городском сквере).

Учебный аэродром 1-й Вольской военной школы авиамехаников

Практические занятия в 1-й Вольской военной школе авиамехаников

Здания 2-й Вольской военной школы авиамехаников в период Великой Отечественной войны

Как и многие города, находившиеся далеко от линии фронта, Вольск известен своим вкладом в оказание медицинской помощи раненым бойцам. Здесь наряду с эвакогоспиталями размещалась военная школа санитарных инструкторов Приволжского военного округа, сформированная 3 июня 1942 года. В её стенах обучали основам санитарной тактики (тактика выноса раненых с поля боя), способам оказания первой медицинской помощи, а также работе в госпиталях, что вполне позволяли имевшиеся условия. Находилась школа на территории моторно-тракторной станции Вольска. Её начальником был подполковник медицинской службы В.Г. Смирнов[34]. Стоит отметить, что школа санинструкторов тесно взаимодействовала с 2 ВВАШАМ. Так, она находилась на партийно-политическом обеспечении политотдела 2-й школы авиамехаников, а её личный состав ввиду продолжительного ремонта пищеблока состоял в ней на продовольственном снабжении. Данное военно-учебное заведение прекратило своё существование в середине мая — начале июня 1944 года, когда было объединено с 11-й школой санинструкторов и передислоцировано в город Казань[35].

Таким образом, на территории сравнительно небольшого по своим размерам города Вольска Саратовской области во время Великой Отечественной войны функционировало достаточно много военно-учебных заведений. В их число входили передислоцированные на его территорию как до начала войны, так и в период боевых действий.

В данных военно-учебных заведениях осуществлялась подготовка военнослужащих для различных видов и родов войск. Кроме того, на территории Вольска проходили обучение граждане других государств, таких как Польша, Чехословакия, Югославия и Монголия. Эти факты подтверждают то, что сравнительно небольшой

провинциальный город сыграл значимую роль в подготовке военных кадров для Красной армии, а значит, оказал ценную помощь в победе над жестоким и беспощадным врагом.

Современному поколению важно помнить уроки прошлого, особенно в настоящее непростое для России время. Опыт подготовки военных кадров в ходе Великой Отечественной войны не утратил своего значения и сегодня, когда в условиях Специальной военной операции российские Вооружённые силы надёжно отстаивают мир и национальные интересы нашего государства.

Примечания

[1] *Филимошин М.В.* Людские потери Вооружённых сил СССР // Мир России. 1999. № 4. С. 94, 95.

[2] *Самусь В.Н., Савик С.А.* Подготовка офицерских кадров для Красной армии в годы Гражданской войны и в межвоенный период (январь 1918 г. — июнь 1941 г.) // Идеологические аспекты военной безопасности. 2011. № 1. С. 59.

[3] *Голуб Ю.Г., Данилов В.Н.* Саратов — город трудовой доблести // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20. Вып. 4. С. 427.

[4] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4 (Управление делами при Народном комиссариате обороны СССР). Оп. 3. Д. 3069. Л. 135.

[5] Вольское высшее военное училище тыла (военный институт): исторический очерк к 80-летию образования / Под ред. генерал-майора М.М. Горбунова. Вольск: ВВВУТ(ВИ), 2008. С. 224.

[6] Сборник приказов Народного комиссара обороны СССР (1941—1944) о присвоении наименований частям, соединениям и учреждениям Красной Армии. М., 1945. С. 9.

[7] Вольское военное: исторический очерк / Под общ. ред. Е.С. Громова. Вольск: Вольское высшее военное училище тыла, 1998. С. 53.

[8] История 1-го Вольского военного авиационно-технического училища имени Ленинского Краснознамённого комсомола. 1928—1958. Вольск: 1-е ВВАТУ, 1958. С. 47.

[9] Сборник приказов Народного комиссара обороны СССР (1941—1944)... С. 10.

[10] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 48а (Шифровальное управление). Оп. 3408. Д. 29. Л. 65.

[11] *Гарибян Г.И.* Прерванный полёт. Саратов: Волга-Принт, 2022. С. 70, 71.

[12] ЦАМО РФ. Ф. 60337. (2-я Вольская военная авиационная школа механиков). Оп. 35753. Д. 3. Л. 23—24.

[13] *Шабалина И., Кузнецова Ю.* «Мы воевали не за ордена и медали, а за Родину» // Самарская газета. 2023. № 234(7554). 4 ноября. С. 7.

[14] Великая Отечественная война. 1941—1945: документы и материалы. Т. VI. Освобождение Европы. М.: Ретроспектива, 2015. С. 210.

[15] ЦАМО РФ. Ф. 60337. Оп. 35753. Д. 3. Л. 26.

[16] Освободительная миссия Советских Вооружённых сил в Европе во Второй мировой войне: документы и материалы. М.: Воениздат, 1985. С. 172.

[17] Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13(2—2). Приказы народного комиссара обороны СССР, 22 июня 1941—1942 г. М.: Терра, 1997. С. 296, 297.

[18] Великая Отечественная война. 1941—1945: документы и материалы. Т. VI. С. 245.

[19] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 64. Л. 115—120.

[20] *Лашин С.А.* Из истории военно-химических учебных заведений России. Саратов: Буква, 2015. С. 30.

[21] Русский архив: Великая Отечественная. Т. 23(12—1). Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны, 1941 г.: документы и материалы. М.: Терра, 1997. С. 75.

[22] *Чугунов Е.А., Бакин А.Н., Горошинкин М.В.* Учили тому, что необходимо было на войне: к 100-летию со дня рождения профессора генерал-майора К.М. Николаева // Военно-исторический журнал. 2023. № 11(763). С. 77.

[23] *Лашин С.А.* Указ. соч. С. 168.

[24] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Государственный комитет обороны СССР (ГКО). Оп. 1. Д. 160. Л. 153.

[25] *Лашин С.А.* Указ. соч. С. 173.

[26] ЦАМО РФ. Ф. 60202. Краснознамённая высшая офицерская школа химических войск. Оп. 591383с. Д. 1. Л. 6. Л. 1.

[27] *Лашин С.А.* Указ. соч. С. 173.

[28] ЦАМО РФ. Ф. 60792. 3-я Окружная школа отличных стрелков снайперской подготовки. Оп. 36106. Предисловие. Л. 1—2.

[29] Там же. Д. 2. Л. 4.

[30] Там же. Ф. 60795. 6-я окружная школа отличных стрелков снайперской подготовки. Оп. 36111. Предисловие.

[31] Там же. Ф. 60044. Могилёвское военное пехотное училище. Оп. 35412. Д. 1. Л. 1—2.

[32] *Постников С.В.* Воинские части Великой Отечественной войны на территории Вольского района // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2020. № 1(18).

[33] ЦАМО РФ. Ф. 60044. Оп. 282685. Д. 1. Л. 32.

[34] Там же. Ф. 61502. Школа санитарных инструкторов ПриВО. Оп. 36232. Д. 4. Л. 32.

[35] Там же. Ф. 61510. 11-я школа санинструкторов ПриВО. Оп. 36233. Д. 6. Л. 8.

V.S. Azin

«SOME OF THE THEORETICAL CLASSES WERE HELD RIGHT IN THE BARRACKS, BETWEEN PLANK BUNKS»

The city of Volsk: a forge for military personnel for the front and victory

Information about author. *Vladimir Azin — lecturer at the Volsk Military Institute of Logistics (city of Volsk. E-mail: Vladimir.Azin777@yandex.ru).*

Summary. *A characteristic feature of many Soviet cities located relatively far from the front during the Great Patriotic War was the presence of evacuated military enterprises, hospitals, and military educational institutions on their territory. Their contribution to ensuring Victory is undeniable. Many work collectives, from rural cooperatives to integrated factories like Magnitka, earned unfading glory. For example, enterprises in the Urals supplied the front with tanks and artillery systems, as well as steel and rolled metal. The Volga region provided mortars, small arms, ammunition, and other essential equipment and weapons. The entire nation united in this selfless endeavor, giving everything for the front, everything for Victory! This paper explores the role of military educational institutions in the city of Volsk during the Great Patriotic War, drawing on archival records and veteran recollections. It presents a comprehensive list and detailed description of the military academies, schools, and training and advanced training courses that existed from 1941 to 1945, including those that were relocated to Volsk from western regions at the onset of the war. Additionally, it examines the involvement of these institutions in training military personnel from foreign countries.*

Keywords: *Great Patriotic War; Volsk; special training; school for junior specialists; aircraft mechanics; higher military educational institutions; military school; reorganization; orders of the People's Commissar of Defense.*

А.А. Татаров

«КРАСНАЯ АРМИЯ ЯВЛЯЕТСЯ ГОРАЗДО ЛУЧШЕЙ БОЕВОЙ СИЛОЙ В ПЛАНЕ УПРАВЛЕНИЯ, ЧЕМ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ»

Американская военная миссия П. Хэрли под Сталинградом и на Кавказе (1942 г.)

Сведения об авторе. *Татаров Азамат Амурович — доцент кафедры всеобщей истории Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, кандидат исторических наук (г. Нальчик. Email: azamat.tatarov9090@mail.ru).*

Аннотация. *Статья посвящена миссии личного представителя президента США Ф.Д. Рузвельта бригадного генерала Патрика Хэрли, посетившего в ноябре—декабре 1942 года участки советско-германского фронта под Сталинградом и на Кавказе. Исследование базируется на двух отчётах П. Хэрли, опубликованных в официальной исторической серии сборников дипломатических документов США, и других отечественных и зарубежных материалах. Отмечается, что непосредственное знакомство с ходом боевых действий позволило генералу составить объективное представление о стойкости Красной армии и её решающем вкладе в борьбу со странами «оси». В то же время подчёркивается, что данная миссия олицетворяла двойственность американо-советского альянса. Признавая военные усилия СССР, П. Хэрли допускал стратегические риски дальнейшего расширения советского влияния к югу от Кавказа, что впоследствии стало одним из факторов послевоенного геополитического противостояния.*

Ключевые слова: *Патрик Хэрли; американская военная миссия; разведка и дипломатия США; Великая Отечественная война; советско-германский фронт; Сталинград; Юго-Западный фронт; Закавказский фронт; битва за Кавказ; Нальчикско-Орджоникидзевская операция; операция «Вельвет»; И.В. Сталин; Ф.Д. Рузвельт; В.М. Молотов; ленд-лиз; второй фронт; Иран.*

Визит личного представителя президента США Ф.Д. Рузвельта бригадного генерала Патрика Хэрли[1] в СССР остаётся в тени более масштабных сюжетов в советско-американских отношениях, таких как открытие второго фронта или программа ленд-лиза. Вместе с тем в современной российской историографии наметился устойчивый интерес к деятельности военных миссий обеих стран[2], а также к формированию американского взгляда на ключевые сражения Великой Отечественной войны[3].

Миссия П. Хэрли освещается в научной литературе, как правило, довольно кратко, при этом основной акцент делается на первой сталинградской поездке. К примеру, авторы сборника документов «Путь к Великой Победе: СССР в войне глазами западных современников» подчёркивают, что для Ф.Д. Рузвельта личный представитель стал ценным источником информации о положении дел под Сталинградом, который дополнял данные устоявшихся разведывательных каналов[4]. Более детально сталинградский этап поездки П. Хэрли рассматривают Д.С. Ибрагимов[5], а также И.В. Быстрова, обратившая внимание на то, что передвижения американской делегации находились под строгим контролем со стороны органов госбезопасности СССР[6]. Подробным описанием первой поездки отличается статья В.С. Христофорова. Особую ценность ей придаёт анализ документов из Центрального архива ФСБ России, на основе которых автор реконструирует восприятие миссии советской стороной[7].

В мемуарах бывшего командующего Закавказским фронтом И.В. Тюленева кратко затронут приезд представителя Ф.Д. Рузвельта в Орджоникидзе (Владикавказ), однако о личной встрече с ним ничего не говорится. При этом приводится отрывок диалога, который вели американец и «молодой автоматчик, видимо, сибиряк»[8]. Но в целом кавказский этап миссии П. Хэрли в отечественной историографии практически не изучен, не считая случаев простого упоминания его приезда, как, например, в статье В.П. Сидоренко[9].

В зарубежной историографии можно отметить документально-биографическую работу Д. Лобека[10], уделившего осо-

бое внимание обеим поездкам П. Хэрли.

Итак, ещё в начале октября 1942 года Ф.Д. Рузвельт запланировал отправку в СССР бригадного генерала Патрика Хэрли, который до возвращения в Новую Зеландию в качестве американского представителя должен был по возможности ознакомиться со стратегическим положением на советско-германском фронте[11]. Важно отметить, что П. Хэрли не действовал по инструкциям и отчётной системе Госдепартамента, что отражало стремление президента использовать в качестве своего личного эмиссара доверенное лицо. Миссия была глобальной: посещение Египта, СССР, Среднего Востока и Китая для детальной инспекции основных театров Второй мировой войны, а на финише — убеждение правительств Австралии и Новой Зеландии в прочности позиций союзников в борьбе с блоком «оси».

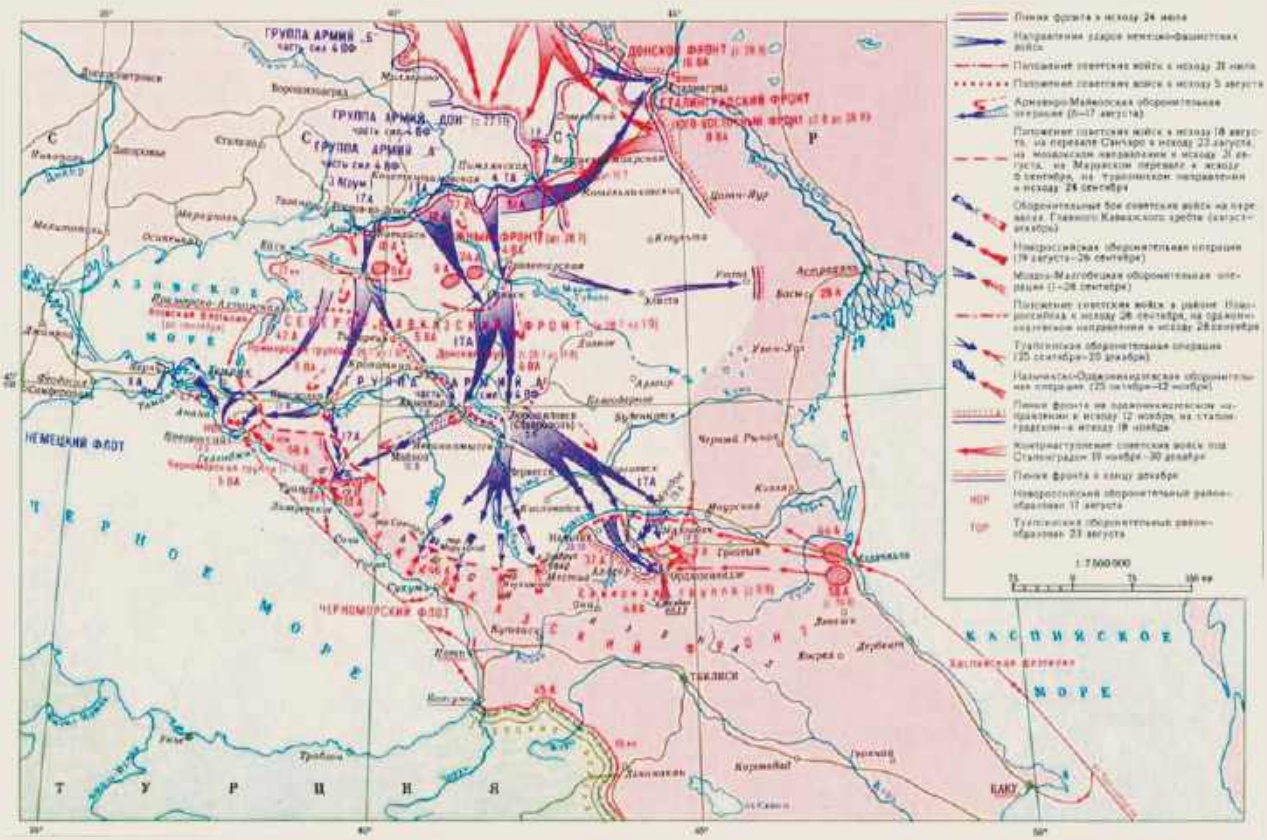
Это был не первый подобный случай в 1942 году. В конце августа У. Уилки[12] посетил

П. Хэрли
Художник Ф.Т. Хатченс, 1932 г.

практически те же территории Африки и Евразии, что и П. Хэрли впоследствии. Подобными дипломатическими вояжами Ф.Д. Рузвельт стремился продемонстрировать странам «оси» то, что союзники обладают достаточным контролем над воздушным пространством для свободного осуществления таких перелётов. 17 сентября 1942 года У. Уилки, вылетев из Тегерана, прибыл в СССР, и ему предоставили возможность посетить прифронтовую зону в районе Ржева. 23 сентября 1942 года на встрече В.М. Молотова, У. Уилки и У. Стэндли[13] обсуждалась ситуация на Кавказе. Советская сторона заверила партнёров в том, что регион, равно как и Сталинград, будет успешно защищён[14]. Затем в разговоре с американским гостем И.В. Сталин дал понять, что положение СССР на фронте, в особенности под Сталинградом, усложняется снижением поставок по ленд-лизу: персидский маршрут работал на 40—50 проц., а северный — лишь на 15—20 проц.[15]

В целом миссия У. Уилки оставила у советского руководства двойственное впечатление. С одной стороны, она проходила на фоне глубокого разочарования Москвы, вызванного официальным отказом союзников

Оборонительный этап битвы за Сталинград и Кавказ (вторая половина 1942 г.)

от открытия второго фронта в самый критический для СССР период войны, о чём И.В. Сталина лично уведомил У. Черчилль во время своего визита в августе 1942 года. С другой — наше правительство было заинтересовано в демонстрации реальной картины фронта и героических усилий Красной армии.

В июле Советский Союз с результатом в 34 проц. вышел на первое место, обойдя сами США (33 проц.), в ответе на вопрос о том, какая страна вносит наибольший вклад в борьбу с державами «оси». К ноябрю этот показатель вырос до 44 проц.

В свою очередь летом—осенью 1942 года американское руководство с возраставшим вниманием следило за положением СССР. Стремительное наступление вермахта воспринималось как угроза «критического ослабления» Красной армии. За этой формулировкой, использовавшейся в Комитете начальников штабов США (Joint Chiefs of Staff), скрывалось опасение полного развала Восточного фронта и последующей переброски сил вермахта на другие театры военных действий[16].

Особую тревогу вызывало смещение линии фронта в сторону Южного Кавказа: это создавало угрозу интересам союзников в нефтеносных областях Ирана и Ирака. В октябре 1942 года Комитет начальников штабов США составил меморандум «Возможности и намерения стран “оси” на Ближнем Востоке», в котором уже было подсчитано, что на захват всего Кавказа немцам потребуется три и более месяцев, и они смогут начать полномасштабное вторжение в Иран после февраля 1943 года[17].

Но усилились и позиции тех, кто настаивал на необходимости оказать СССР решительную поддержку в критический момент. Примечательно, что ход битвы за Сталинград и Кавказ уже в первые месяцы оказал заметное влияние на общественное мнение в Соединённых Штатах. Согласно данным ежемесячных общенациональных опросов, проводившихся ФБР, доля американцев, уверенных в возможности послевоенного союза между США и СССР, возросла с 43 проц. в июле до 51 проц. в августе 1942 года[18]. Более того, в июле Советский Союз с результатом в 34 проц. вышел на первое место, обойдя сами США (33 проц.), в ответе на вопрос о том, какая страна вносит наибольший вклад в борьбу с державами «оси»[19]. К ноябрю этот показатель вырос до 44 проц., а 80 проц. респондентов дали утвердительный ответ на вопрос о целесообразности послевоенного сотрудничества с СССР[20].

Соединённые Штаты и Великобритания в тот период активно прорабатывали возможность отправки на Кавказ собственных авиационных соединений (операция «Вельвет»). Серьёзный всплеск тревоги у союзников вызвала Нальчикско-Орджоникидзевская оборонительная операция советских войск (25 октября — 12 ноября 1942 г.), на начальном этапе которой немецко-фашистским войскам удалось прорвать оборону 37-й армии в Кабардино-Балкарии и создать реальную угрозу ключевым коммуникациям, связывавшим Северную Осетию с Закавказьем. С другой стороны, обнадёживающим сигналом стало начало советского контрнаступления под Сталинградом 19 ноября. Спустя два дня для финального согласования деталей плана операции «Вельвет» в Москву прибыла специальная миссия во главе с П. Драммондом и Э. Адлером. Однако советская сторона не спешила давать окончательное согласие, мотивируя это тем, что нашим войскам были нужны сами самолёты без американских и британских экипажей[21].

По мнению начальника штаба ВВС РККА Ф.Я. Фалалеева, которое он выразил в записке И.В. Сталину 22 ноября, существовала веская причина отклонить предложение союзников: «Наметившиеся крупные успехи на Юго-Западном и Сталинградском фронтах и истощение ударной силы противника на Северном Кавказе создают благоприятную обстановку для нас. Наличие же 300 англо-американских самолётов дают им (союзникам. — **Прим. авт.**) не только возможность, но и право трубить о том, что частью успехов Красная армия обязана наличию их авиационных сил в Советском Союзе»[22].

В условиях сочетания союзничества и подозрительности Ф.Д. Рузвельт активно стремился организовать новую очную инспекцию положения в СССР. По замыслу личное вручение И.В. Сталину письма от президента США от 5 октября 1942 года во время визита П. Хэрли должно было продемонстрировать открытость и укрепить доверие советской стороны. 8 октября П. Хэрли встретился с советским послом М.М. Литвиновым в Вашингтоне, и примечательно, что генерал отказался показывать ему текст письма[23].

Формальные процедуры и подготовка миссии заняли продолжительное время. П. Хэрли встретился с И.В. Сталиным 14 ноября 1942 года. Сталин дал согласие на посещение линии активных боевых дей-

ствий. В тот же день П. Хэрли написал Ф. Рузвельту о том, что делегация сможет посетить и Кавказ[24].

Исполняющий обязанности военного атташе США в СССР подполковник Р. Парк, присоединившийся к миссии, позднее отмечал, что советское командование до приезда П. Хэрли неохотно делилось какой-либо информацией о ходе операций и лишь усилия «динамичной личности» генерала позволили американцам добиться беспрецедентного доступа и воочию увидеть происходившее на фронте[25]. Про личностный фактор вспоминал и У.Д. Леги[26]: «Он не раскрыл причину этой миссии, но был полон решимости получить как можно больше информации о России. Ему повезло больше, чем большинству американцев... Я думаю, он видел больше русских военных операций и диспозиций, чем кто-либо, кто бывал там до того времени. Пэт (прозвище Хэрли. — **Прим. авт.**) был моим старым другом, и, зная его агрессивный характер и его смелость, я подозреваю, что во многие места он попадал, просто “выбивая ворота”»[27].

Первым этапом миссии стал визит на участок Юго-Западного фронта, откуда началась наступательная операция под Сталинградом, вылившаяся 23 ноября в окружение 6-й армии Ф. Паулюса. 27 ноября П. Хэрли, а также подполковник Р. Парк и майор ВВС США Дж. Генри вылетели на место, рассчитывая провести здесь четыре дня. В итоге поездка продлилась 10 дней; суровые погодные условия сместили плановые сроки. Группа вернулась в Москву 7 декабря 1942 года.

П. Хэрли подготовил для Ф.Д. Рузвельта отчёт по итогам первой поездки. Он отметил, что официальные лица и военные были вежливы и отзывчивы: «Они, казалось, даже стремились предоставить нам информацию, которую мы запрашивали, касающуюся их

Бои под Сталинградом
Фото А.Б. Капустянского, 1942 г.

Расчёт советской 76-мм дивизионной пушки у завода «Красный Октябрь» в Сталинграде
Фото Г. Зельмы, 1942 г.

Оборона Туапсе
Фото А. Меужева, сентябрь 1942 г.

операций, их логистики снабжения и их стратегии».

Первым пунктом посещения стал город Серафимович северо-западнее Сталинграда. Здесь американцам рассказали о начале наступления через Дон. Затем делегация посетила штаб 21-й армии генерал-лейтенанта И.М. Чистякова в Голубинской, ознакомилась с картами района боевых действий, информацией о транспортных и снабженческих проблемах, положении авиации. Одновременно члены делегации стали свидетелями попыток немецких транспортных самолётов обеспечить снабжение окружённых войск Ф. Паулюса.

В советских офицерах П. Хэрли снова отмечал такие черты, как отзывчивость, вежливость и откровенность

Отдельное внимание П. Хэрли уделил в отчёте посещению штаба 51-й гвардейской дивизии[28] генерал-майора Н.Т. Таварткиладзе, ударного соединения 21-й армии, сделавшего блестящий рывок на 120 км за 12 дней. По возвращении в Серафимович состоялась встреча с командующим Юго-Западным фронтом генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным, который подробно изложил общие планы наступления и ликвидации немецко-фашистских войск, окружённых в районе Сталинграда. Он был убеждён в том, что при надлежащем снабжении и транспорте Красная армия способна добиться окончательной победы.

Американцы имели также возможность увидеть поля сражений и военнопленных, преимущественно румын, однако П. Хэрли в отчёте выразил некоторые сомнения в том, что в окружении находились крупные немецкие силы. Касательно румынских войск отмечалось, что они «были гораздо ниже по уровню, чем советские войска», и «в основном оснащены второсортным оружием и конной артиллерией».

Глава американской делегации отметил значительные улучшения в управлении советскими войсками (передовые тактики, различные свидетельства изобретательности в тылу, принцип единоначалия и введение института замполитов вместо комиссаров)[29]. В ходе бесед с советскими офицерами обсуждались проблемы открытия второго фронта и ленд-лиза.

В заключение П. Хэрли отметил в отчёте: «Я прихожу к выводу, что Красная армия является гораздо лучшей боевой силой в плане управления, чем в начале войны. Однако её проблемы со снабжением и транспортом становятся и будут становиться более острыми. Это приводит к неизбежному выводу, что поражение армий “оси” в России должно зависеть всё больше и больше от помощи поставками из Соединённых Штатов»[30].

На обратном пути в Москву по недавно освобождённой от оккупантов дороге произошёл трагический инцидент — два грузовика в голове колонны подорвались на минах. Осколки упали на машину с П. Хэрли и его сопровождающими, но они остались невредимыми. По возвращении в столи-

Бои под Моздоком
Художник Ф.П. Усыпенко, 1950 г.

цу снова состоялась встреча с И.В. Сталиным. Генерал спросил, будет ли ему разрешено узнать, «что происходит между линией противника и нефти»[31]. Согласие было получено, но отбытие на Кавказ задержалось из-за непогоды, и самолёт с делегацией вылетел лишь 16 декабря.

28 декабря П. Хэрли покинул Кавказ и отправился в Тегеран, откуда выслал Ф.Д. Рузвельту второй отчёт. Вторая поездка дала достаточно материалов для донесения службе американской военной разведки G-2: эту задачу, как и после инспекции Юго-Западного фронта, взяли на себя члены делегации. По пути на юг самолёт сопровождал защитный эскорт из 4—8 истребителей. В советских офицерах П. Хэрли снова отмечал такие черты, как отзывчивость, вежливость и откровенность.

Первым пунктом посещения стал Баку, где американцы имели возможность осмотреть ключевые объекты нефтяной промышленности. Затем делегация направилась самолётом в Тбилиси, где располагался штаб Закавказского фронта. Попутно П. Хэрли успел заметить на местных аэродромах несколько американских бомбардировщиков «Бостон» A-20 и «Митчелл» B-25, поставленных по программе ленд-лиза.

От начальника штаба Закавказского фронта генерал-майора С.Е. Рождественского были получены подробные сведения о силах фронта и тактическом положении. Делегация продолжила путь на автомобиле по Военно-грузинской дороге в сторону Орджоникидзе, который несколькими неделями ранее удалось отстоять от последней попытки немцев прорваться к Грозному и Баку. Именно в тот период П. Хэрли стал непосредственным свидетелем освобождения Алагира и в целом перехода стратегической инициативы в руки советского командования.

Оценка П. Хэрли обороноспособности Красной армии была достаточно подробной и подчёркивала усилия армии и населения: «Город Орджоникидзе был слабо укреплён на момент немецкой атаки. Пока мы там находились, всё гражданское население, и мужчины, и женщины, вручную рыли противотанковые рвы и строили артиллерийские огневые позиции и пулемётные дзоты. Мы были поражены объёмом и характером работ, выполняемых простыми гражданами. Население этой области было вовлечено в оборонительные работы не меньше, чем сама армия... Город теперь хорошо укреплён, но его оборонительные позиции обеспечены не полностью. У русских наблюдается нехватка всех видов вооружения, за исключением винтовок. Горные перевалы также укреплены, но вдоль военной дороги остаются позиции, на которых не установлено орудий. Для защиты Орджоникидзе и ключевых перевалов через Кавказский хребет имеющееся оружие приходится постоянно перемещать с одной позиции на другую в зависимости от направления и силы ожидаемой атаки». Это был один из немногих зафиксированных эпизодов, который мог вызывать сомнения в Вашингтоне относительно прочности советской обороны.

П. Хэрли также запросил информацию о других участках фронта. Советское командование гарантировало оборону Туапсе и блокирование пути для немецко-фашистских войск к Чёрному морю южнее Кавказского хребта. Было рассказано о стабильном положении на линии Кизляр — Астрахань и сохранении заводской зоны Новороссийска в руках Красной армии. Эти детали убедили делегатов в том, что положение немцев на Кавказе хуже, чем могло показаться изначально. Несмотря на уязвимость Грозного, оборонительная мощь и подготовка советских войск оценивались как достаточные для того, чтобы не допустить прорыва противника через горные перевалы.

В своём отчёте П. Хэрли не обошёл проблему отправки англо-американских войск на Кавказ: «Советские офицеры постоянно повторяли, что они не хотят видеть иностранные военные формирования в кавказском регионе. Без каких-либо колебаний они озвучивали причины такой позиции, все из которых сводились к единому выводу — абсолютному недоверию к любым иностранным державам вблизи своих нефтяных ресурсов. Армейские представители подробно и логично разъяснили нам исторический опыт России, который и сформировал это глубокое недоверие к зарубежным государствам в вопросах, касающихся её нефтяных богатств».

«Советские офицеры постоянно повторяли, что они не хотят видеть иностранные военные формирования в кавказском регионе»

Отчёт для Ф.Д. Рузвельта завершался оптимистичными выводами: на Кавказе имелось (1) достаточное количество военных сил для защиты нефтяных месторождений на текущий момент, но (2) при полномасштабном наступлении немецко-фашистских войск СССР не мог гарантировать оборону региона; (3) при таком сценарии вооружение и

ресурсы, необходимые для защиты региона, должны были поступить из Соединённых Штатов. П. Хэрли опасался того, что (4) советские военачальники, воодушевлённые последними успехами, могут предпринять крупномасштабное наступление без надёжных резервов. Однако эти успехи одновременно показали, что (5) «моральный дух, физическая сила и общее отношение офицеров и солдат Красной армии были превосходными». Наконец, в отчёте отмечалось, что (6) война на всём советско-германском фронте скорее всего достигла критической фазы — захват нефтяных месторождений немцами даст Берлину возможность «продолжать войну неопределённое время», а оборонительный успех СССР на Кавказе, с другой стороны, может «ослабить мощь Германии на других участках фронта»[32].

В апреле 1943 года П. Хэрли встретился в Тегеране с советским послом А.А. Смирновым и, вспомнив о поездке под Сталинград и на Кавказ, отметил высокий боевой дух и готовность Красной армии сражаться до конца. Он также подчеркнул, что президент Ф.Д. Рузвельт был доволен отчётной информацией. Как оказалось, последняя изначально вызвала недоверие в американском генштабе, и П. Хэрли пришлось доказывать, что мнение об усталости Красной армии неверное[33].

В ноябре 1943 года состоялся разговор П. Хэрли и временного поверенного в делах СССР в Иране М.А. Максимова, в ходе которого американец пояснил, что встречи с И.В. Сталиным и впечатления от поездки сделали его твёрдым сторонником открытия второго фронта[34]. Это сыграло не последнюю роль в определении внешнеполитического курса Ф.Д. Рузвельта на фоне выбора между первоочередной борьбой с Японией в Азии или же с Германией в Европе.

Вместе с тем скудные данные об использовании поставок по ленд-лизу в отчётах П. Хэрли стали неприятной темой для американской администрации. Как отметил посол У. Стэндли в беседе с В.М. Молотовым в марте 1943 года, генерал лично сообщил ему, что во время своих поездок по фронту не увидел никаких свидетельств боевого применения советскими войсками американских самолётов или танков[35]. Это наблюдение, сделанное прямым свидетелем, ставило под сомнение эффективность программы помощи и её реальный вклад в успехи Красной армии.

Было бы неверно воспринимать П. Хэрли исключительно как адвоката советских интересов, в чём его упрекали некоторые соотечественники. Стоило генералу обратить взор на территории, представлявшие стратегический интерес для американцев, как дух союзничества в его оценках уступал место трезвому учёту геополитического соперничества. В письмах Ф.Д. Рузвельту в мае 1943 года, подробно докладывая о поездке по ближневосточным территориям, П. Хэрли отметил, что здесь престиж США выше, чем у их союзников, Великобритании и СССР, всё ещё использующих методы «колониальной эксплуатации»[36]. Говоря про то, что «Россия и США — традиционные друзья»[37], П. Хэрли беспокоился о росте просоветских настроений в Иране. СССР, по его мнению, стремился получить контроль над страной и «долгожданный доступ к незамерзающему порту» в качестве альтернативы Черноморским проливам[38].

Повторная поездка в октябре 1943 года в Иран снова внушила П. Хэрли опасения относительно роста советского влияния и столкновения интересов держав на Ближнем Востоке. Стремление СССР обезопасить кавказский рубеж с юга и установить контроль над северными провинциями Ирана он расценивал как часть более масштабного плана — получения коридора к Персидскому заливу, возможно, ещё до окончания войны с Германией[39].

П. Хэрли и его сопровождающие оказались в числе немногих иностранных военных представителей, получивших разрешение стать свидетелями текущих боевых операций Красной армии. Подобный уровень доверия к американской делегации был обусловлен взвешенными стратегическими расчётами советского руководства. Москва стремилась наглядно продемонстрировать не только возможности для продолжения и наращивания поставок по ленд-лизу, но в первую очередь — переломный характер ситуации на южном фланге Восточного фронта. Уникальный доступ к информации в режиме реального времени должен был убедить Вашингтон в кардинальном изменении хода войны и в способности СССР добиться победы собственными силами.

Данная миссия стала и важным элементом разведки и дипломатии США в критический период Второй мировой войны. Личное наблюдение П. Хэрли за ходом Сталинградской битвы и обороной Кавказа предоставили американскому руководству ценную информацию о реальной мощи и устойчивости Красной армии. Однако размышления П. Хэрли также высветили недоверие СССР к иностранному военному присутствию у своих границ, особенно в нефтеносных регионах. По мере смещения фокуса на Ближний Восток, особенно Иран, оценки генерала стали более скептическими, отражая крепнувшие опасения США относительно послевоенных амбиций СССР и будущего геополитического соперничества.

Примечания

[1] **Патрик Джей Хэрли** — до описываемых событий занимал ряд крупных должностей, в частности, военного министра США (1929—1933 гг.) и посла США в Новой Зеландии (апрель—август 1942 г.).

[2] *Зайцев Ю.М.* «Я никогда не обсуждаю публично любые интерпретации истории…». Деятельность бригадного генерала ВС США Филипа Рис Файмонвилла на посту руководителя миссии ленд-лиза в Москве (1941—1943) // Военно-исторический журнал. 2019. № 4. С. 38—46; *Хрулёва И.Ю.* Советская военная миссия в США (июль 1941 — февраль 1942 г.): первые договорённости по ленд-лизу // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2021. № 6. С. 112—125.

[3] *Акименко А.Е.* «В знак уважения русского духа…». Сталинградская битва в письмах американских граждан // Военно-исторический журнал. 2018. № 1. С. 45—48; *Буранок С.О., Тулузакова М.И.* Визуализация битвы за Сталинград в обществе США // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. № 2. С. 46—60.

[4] Путь к Великой Победе: СССР в войне глазами западных современников: документы и материалы / Под ред. А.В. Торкунова. М.: Аквариус, 2015. С. 307.

[5] *Ибрагимов Д.С.* Противоборство. М.: ДОСААФ, 1989. С. 459—461.

[6] *Быстрова И.В.* СССР и США в годы Второй мировой войны: роль личных контактов в сотрудничестве // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2016. № 2 (4). С. 59.

[7] *Христофоров В.С.* Бои под Сталинградом глазами американского генерала (28 ноября — 7 декабря 1942 г.) // Труды Института российской истории. Вып. 11. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2013. С. 135—156.

[8] *Тюленев И.В.* Крах операции «Эдельвейс». Орджоникидзе: Ир, 1975. С. 107, 108.

[9] *Сидоренко В.П.* Деятельность войск НКВД СССР на Северном Кавказе в 1941—1943 гг. (к 75-летию Великой победы Советского народа) // Russian Colonial Studies. 2019. № 4. С. 119.

[10] *Lohbeck D.* Patrick J. Hurley. Chicago: Henry Regnery Company, 1956. P. 173—184.

[11] Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в 2 т. Т. II. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 г. — декабрь 1945 г.). М.: Госполитиздат, 1958. С. 30, 31.

[12] Бывший политический оппонент Ф.Д. Рузвельта от республиканцев на выборах президента США в 1940 г.

[13] Посол США в СССР в 1942—1943 гг.

[14] Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1942. Vol. III Europe. Washington: United States Government Printing Office, 1961. P. 649. Интернет-ресурс: https://search.library.wisc.edu/digital/AKVXXSCOOMJAPA8P/pages.

[15] Документы внешней политики СССР. Т. 25. 1942. В 2 кн. Кн. 2. 2 января — 30 декабря 1942 г. Тула: Гриф и К, 2010. С. 211, 212.

[16] *Печатнов В.О.* Сталинградская битва и проблема второго фронта // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2(29). С. 87.

[17] National Archives and Records Administration (NARA). Collection FDR-FDRMRP: Map Room Papers (Roosevelt Administration). Series: Message Files. Container ID: 25. Presidential Trips — Conferences: Strategic Studies, Vol. 1. Prepared by the Joint Chiefs of Staff: Axis-Iberian Peninsula. NAID 27579865. P. 100.

[18] NARA. Collection FDR-FDRPSF: President's Secretary's File (Franklin D. Roosevelt Administration). Series: Subject Files. Container ID: 155 (Part 2). Office of War Information — Survey of Intelligence, September 1942. NAID 16620619. P. 95.

[19] Ibid. December 1942. NAID 16620625. P. 128.

[20] Ibid. P. 129.

[21] *Пригодич Н.Д.* Англо-американские военно-воздушные силы на Кавказе в годы Великой Отечественной войны: подготовка операции «Вельвет» и крах её реализации // Новейшая история России. 2018. Т. 18. № 3. С. 575—577.

[22] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 83. Оп. 1. Д. 24. Л. 60.

[23] Foreign Relations of the United States… P. 654. URL: https://search.library.wisc.edu/digital/AKVXXSCOOMJAPA8P/pages.

[24] Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США… С. 37.

[25] *Быстрова И.В.* Указ. соч. С. 58.

[26] Начальник штаба при главнокомандующем армией и флотом США в 1942—1949 гг.

[27] *Leahy W.D.* I Was There: The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman: Based on His Notes and Diaries Made at the Time. London: Victor Gollancz Ltd, 1950. P. 150.

[28] До 23 ноября 1942 г. — 76-я стрелковая дивизия.

[29] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 г. «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / Под ред. Ю.И. Мандельштам. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1956. С. 200, 201.

[30] Foreign Relations of the United States… P. 668—673. URL: https://search.library.wisc.edu/digital/AKVXXSCOOMJAPA8P/pages.

[31] *Lohbeck D.* Op. cit. P. 179, 180.

[32] Foreign Relations of the United States… P. 679—682. URL: https://search.library.wisc.edu/digital/AKVXXSCOOMJAPA8P/pages.

[33] Документы внешней политики СССР. Т. 26. 1943. В 2 кн. Кн. 1: Январь—август. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2016. С. 330.

[34] Там же. С. 342.

[35] *Standley W.H., Ageton A.A.* Admiral Ambassador to Russia. Chicago: H. Regnery Co., 1955. P. 345.

[36] NARA. Collection FDR-FDRPSF: President's Secretary's File (Franklin D. Roosevelt Administration). Series: Subject Files. Container ID: 138. Hurley, Patrick J. NAID 16620246. P. 3.

[37] Ibid. P. 21.

[38] Ibid. P. 20.

[39] *Leahy W.D.* Op. cit. P. 221.

A.A. Tatarov

«THE RED ARMY IS A MUCH BETTER FIGHTING FORCE IN TERMS OF COMMAND AND CONTROL THAN IT WAS AT THE BEGINNING OF THE WAR»

Patrick J. Hurley's American military mission to Stalingrad and the Caucasus in 1942

Information about author. *Azamat Tatarov — assistant professor of the department of general history of the Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov, Cand. Sc. (Hist.) (city of Nalchik. Email: azamat.tatarov9090@mail.ru).*

Summary. *This paper explores the purpose of Brigadier General Patrick J. Hurley, a personal envoy of President Franklin D. Roosevelt of the United States, who visited the Soviet-German front near Stalingrad and the Caucasus in November and December 1942. The research is based on two reports by Hurley, which were published in the official historical compilation of US diplomatic documents, as well as other domestic and foreign sources. His firsthand experience of the fighting enabled him to gain a comprehensive understanding of the strength of the Red Army and its crucial role in the battle against the Axis powers. It is important to emphasize that this mission demonstrated the complex nature of the American-Soviet alliance. While acknowledging the Soviet Union's military assistance, Hurley also recognized the potential dangers of further Soviet expansion beyond the Caucasus. This subsequently had a significant impact on the post-war geopolitical landscape.*

Keywords: *Patrick J. Hurley; American military mission; US intelligence and diplomacy; Great Patriotic War; Soviet-German front; Stalingrad; Southwestern Front; Transcaucasian Front; Battle of the Caucasus; Nalchik-Ordzhonikidze operation; Operation Velvet; Joseph V. Stalin; Franklin D. Roosevelt; V.M. Molotov; Lend-Lease; Second Front; Iran.*

А.В. Попов

«НЕОБХОДИМА ПОВСЕДНЕВНАЯ ЗАБОТА О САНИТАРНОМ СОСТОЯНИИ ВОЙСК...»

Создание первой полевой передвижной прачечной для Красной армии в 1930-е годы

Сведения об авторе. *Попов Александр Валентинович — председатель научно-технического комитета Департамента ресурсного обеспечения Министерства обороны РФ, полковник, кандидат военных наук (Москва. E-mail: aleksandr7popoff@mail.ru).*

Аннотация. *Статья, являющаяся одной из цикла публикаций результатов исследования истории создания образцов военной техники — технических средств вещевой службы отечественных Вооружённых сил, посвящена разработке в Красной армии первой полевой механизированной прачечной. Целью работы являлось комплексное исследование предпосылок, управленческих, технологических и технических решений, процессов и результатов создания образца военной техники на основе анализа опубликованных и архивных документов. Источниковой базой исследования послужили публикации военных специалистов в периодических изданиях — Интендантском журнале Военного министерства Российской империи, Интендантском журнале Красной армии (с 1942 г. — Тыл и снабжение Красной армии), архивные документы Российского государственного военного архива и Центрального архива Министерства обороны РФ, часть которых вводится в научный оборот впервые. По результатам исследования сделаны выводы о полученном позитивном опыте разработки полевой прачечной как основы научно-технического задела в данном классе военной техники, что сыграло важную роль в дальнейшем развитии механизации прачечного дела в войсках в XX веке.*

Ключевые слова: *Красная армия; интендантская служба; военно-санитарная служба; банно-прачечное обслуживание; механизированная прачечная; технологическое оборудование; испытания.*

«Бичом солдата в боевой обстановке являются насекомые. Они беспокоят его, не давая возможности укрепить силы и отдохнуть во время сна, а главное — паразиты, как теперь точно установлено наукой, являются разносчиками целого ряда заразных болезней. Бороться с этим бичом солдата очень важно»[1].

Так писал более 110 лет назад Интендантский журнал, выходивший в ту пору в Российской империи. Эти слова не потеряли актуальности и сегодня, когда мы ведём разговор о сохранении здоровья военнослужащих. Одним из действенных инструментов борьбы за него является банно-прачечное обслуживание войск, заключающееся в регулярной помывке личного состава со сменой нательного и постельного белья, стирке белья и обмундирования и при необходимости их дезинфекции, дезинсекции и ремонте в банно-прачечных предприятиях.

На наш взгляд, излишне останавливаться на необходимости обеспечения личной гигиены военнослужащих для поддержания высокой боеспособности войск, но вместе с тем интересны отдельные государственные и межведомственные решения, направленные на снижение заболеваемости бойцов в мирное, а особенно в военное время, за счёт применения достижений науки и техники в прачечном деле.

Проанализировав исторические источники, опубликованные документы, справочную и учебно-методическую литературу, можно сделать вывод, что исторические исследования создания такого класса образцов военной техники, как «прачечные полевые», ранее не проводились. Широкому читателю доступны лишь фрагментарные упоминания о полевых прачечных в контексте их состава, тактико-технических характеристик, а также применения в истории фронтовой и тыловой военной повседневности[2].

Развитие механизации стирки белья и обмундирования в вооружённых силах, безусловно, было связано с развитием прачечного дела в конце XIX — начале XX века в гражданском секторе, когда в США и Германии были разработаны первые стиральные машины с ручным, а впоследствии и с электрическим приводом[3].

По нашему мнению, наиболее интересной с точки зрения всестороннего анализа содержания стационарных войсковых прачечных и описания решений механизации технологического процесса стирки белья и одежды в начале XX века является статья В. Сахарова «Стирка белья в войсках», опубликованная в Интендантском журнале (№ 3, 5, 1907 г.)[4]. В ней с учётом повышения экономической эффективности обосновывается целесообразность штатного предназначения войсковых прачечных на примере ротных и полковых предприятий. Исходя из объёма стиравшегося белья, стоимости оборудования и помещений, а также требовавшихся трудозатрат автор делает вывод о целесообразности строительства именно полковых механизированных стационарных прачечных с постоянным обслуживающим персоналом.

Описанные техническая оснащённость и технологический процесс прачечных на территории Варшавского военного округа (Уяздовского военного госпиталя, Варшавского Суворовского кадетского корпуса и гостиницы Бристоль в г. Варшаве) позволили сделать вывод о высокой производительности и механизации процессов стирки за счёт применения технологического оборудования иностранного производства с электрическим приводом и использования пара как основного теплоносителя.

В заключение В. Сахаров отмечал: «Остается пожелать, чтобы у нас в России возникло производство стирочных машин, которые получаются еще из-за границы».

Однако отечественные стиральные машины в тот период производились, и не в единичных экземплярах. В качестве примеров можно привести следующие документально подтверждённые факты:

— испытания «паромойки “Иона”» производства фирмы «Крыштофъ Брунъ и Сынъ» и производства Акционерного общества «І.А.Іонъ» в лейб-гвардии Семёновском полку, Технической артиллерийской школе и Санкт-Петербургском орудийном заводе;

— предложение П. Зифельда, собственника патента на прачечные машины «Ниагара», изготавливавшиеся в четырёх загрузочных типоразмерах, Главному интендантскому управлению военного ведомства для рекомендации войскам покупки оборудования его конструкции[5].

Также на основе изученных документов можно сделать вывод, что прачечные с импортным механическим технологическим оборудованием довольно широко применялись в медицинских учреждениях военного ведомства:

Петербургский военный округ — Клинический военный госпиталь, Клиника душевных и нервных болезней, Петербургский Александровский Семеновский военный госпиталь;

Варшавский военный округ — Новогеоргиевский военный госпиталь, Брест-Литовский военный госпиталь, Уяздовский военный госпиталь;

Московский военный округ — Московский военный госпиталь;

Одесский военный округ — Одесский военный госпиталь;

Киевский военный округ — Киевский военный госпиталь;

Туркестанский военный округ — Ташкентский военный госпиталь;

Виленский военный округ — Виленский военный госпиталь, Двинский военный госпиталь[6].

В этой связи небезынтересно посмотреть, как же обстояло дело со стиркой белья в действующей армии. Данный вопрос довольно широко освещён в исследованиях современности[7].

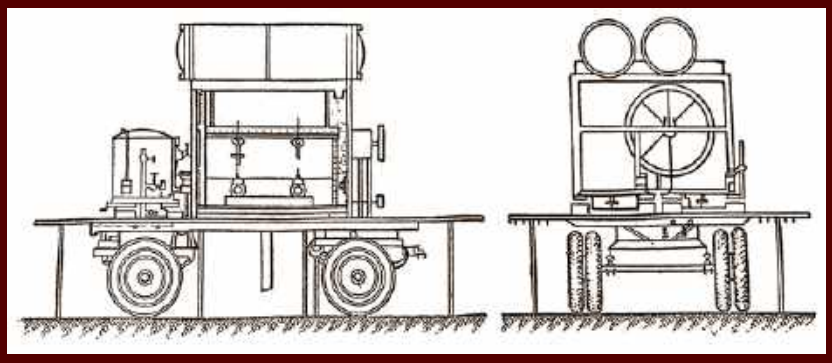
И в дополнение приведём предложения старшего врача 1-й гвардейской дивизии Бакалейкина, описанные в Интендантском журнале (№ 6, 1915 г.): «Идея моя в том, чтобы воспользоваться для стирки белья походными кухнями. Если в большой котел, назначенный для варки каши, вставить еще один металлический котел такой же величины, то этот второй котел мог бы служить для варки и стирки белья. Оба котла были бы совершенно изолированы и в разные часы дня и ночи могли бы быть отапливаемы огнем походной кухни. Оба металлических котла легко держать в большой чистоте, благодаря постоянному огню кухни»[8].

«Идея моя в том, чтобы воспользоваться для стирки белья походными кухнями. Если в большой котел, назначенный для варки каши, вставить еще один металлический котел такой же величины, то этот второй котел мог бы служить для варки и стирки белья»

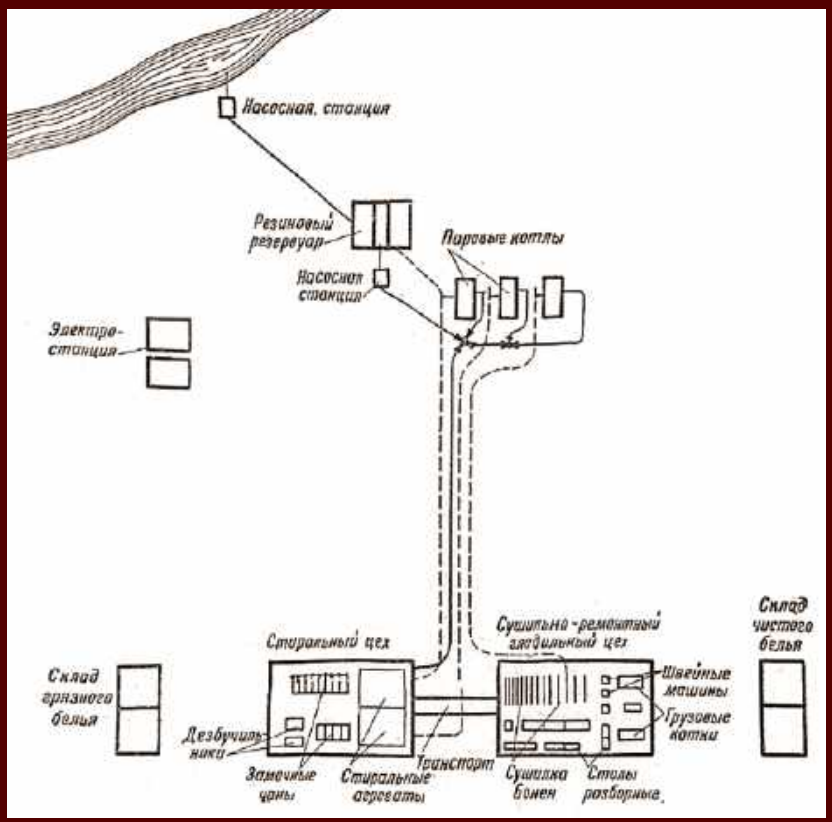
Данное предложение подтверждает выводы об отсутствии механизированных средств стирки белья в русской армии на театрах воен-

Почтовая карточка «Походная жизнь. Стирка белья»
М.: Изд. Д. Хромовъ и М. Бахрахъ. № 211.

Стиральный агрегат ПМП в рабочем положении
Интендантский журнал. 1940. № 2. С. 135.

Примерная схема расположения цехов ПМП на местности
Интендантский журнал. 1940. № 2. С. 133.

ных действий начала XX века и необходимости иметь такие походные средства как одну из основ борьбы с сыпным тифом и другими инфекционными заболеваниями, переносимыми насекомыми-паразитами.

Таким образом, учитывая положительный опыт и особенности применения как стационарных прачечных с новейшим оборудованием, так и банно-прачечных поездов (БПП) в Русско-японскую, Первую мировую и Гражданскую войны, резонно вставал вопрос о приближении функциональных механизированных сил и средств к воюющим войскам. Немаловажную роль играло также повышение подвижности и манёвренности войск, что требовало соответствующей мобильности армейского и войскового тыла.

Придерживаясь контекста исследования, мы не будем останавливаться на достаточно изученных и освещённых в исторической литературе нашедших широкое применение в военных конфликтах первой половины XX века передвижных прачечных (банно-прачечных) отрядах, механических и ручных прачечных по причине оснащения этих подразделений полумеханическим и ручным оборудованием[9]. В то же время необходимо обратиться к вопросу о видимой достаточности применения БПП в войсках, для чего приведём несколько немаловажных факторов использования данного специфичного подвижного состава:

1. БПП размещались только на железнодорожных станциях, которые, во-первых, имели большую загруженность в ходе военных действий, во-вторых, являлись объектами повышенного огневого воздействия противника.

2. БПП с точки зрения районов применения могли обслуживать во фронтовом тылу только проходившие людские пополнения и расположенные в непосредственной близости ты-

ловые войсковые части и организации, а никак не основную массу войск в районах армейского и войскового тыла[10].

3. Потребление воды БПП составляло до 220 т в сутки, что требовало как дополнительных подвижных железнодорожных единиц для подвоза и кратковременного хранения воды, так и достаточно мощных проверенных источников[11].

4. Требовалось оборудование и (или) задействование подъездных путей для транспорта, доставлявшего как расходные материалы и топливо, так и значительные объёмы грязного и выстиранного белья и обмундирования, которое необходимо было доставить в стирку и из стирки, что приводило к дополнительному отрыву значительного количества автомобильного или гужевого транспорта[12].

Учитывая означенные факторы, достижения науки, технического прогресса и наращивание мощностей советской промышленности, создание образца подвижной военной техники, предназначенной для стирки белья и обмундирования, для войск было более чем актуальным и своевременным. В первой половине 1930-х годов в СССР была создана научная, технологическая и техническая основа для этого.

Во-первых, в промышленных масштабах выпускалась типовая линейка механического прачечного оборудования, обеспечивавшего технологический процесс стирки, производство которого было начато с 1932 года на перепрофилированном Благовещенском заводе сельхозмашиностроения имени П.В. Точисского и переименованном в том же году в Благовещенский завод банно-прачечного оборудования (Благовещенский завод).

Во-вторых, Академия коммунального хозяйства имени К.Д. Памфилова совершенствовала технологическое оборудование путём разработки новых технических требований к стиральным машинам, центрифугам, каткам и каландрам[13].

В-третьих, Военно-хозяйственным управлением Рабоче-крестьянской Красной армии (ВХУ) была проведена работа по созданию первого советского двухосного прицепа — «автоприцепки» под монтаж механизированных агрегатов интендантской службы[14].

Принимая во внимание указанные выше предпосылки, разработка ПМП-37 была начата после реформирования военно-хозяйственной системы Красной армии в 1935 году, заключавшегося в расформировании единого органа интендантского снабжения — ВХУ Красной армии и формировании двух самостоятельных центральных органов военного управления — Управления обозно-вещевого снабжения Красной армии (УОВС) и Управления продовольственного снабжения Красной армии (приказ НКО СССР от 13 августа 1935 г. № 0145).

УОВС продолжило развитие механизированных агрегатов интендантской службы, в т.ч. механизированных средств для прачечного обслуживания войск, по причине передачи в 1935 году задач «банно-прачечного дела» и распорядительных функций в ведение интендантской службы.

Также необходимо добавить, что в марте 1940 года УОВС было разделено на Управление вещевого снабжения Красной армии (УВС) и Управление обозно-хозяйственного снабжения Красной армии (УОХС), на последнее из которых были возложены функции «заготовок и распределения механагрегатов» вплоть до 1948 года[15].

Важно отметить, что задачи организации банно-прачечного обслуживания и обеспечения банно-прачечным имуществом войск в хронологических рамках исследования неоднократно переходили от органов интендантского снабжения в Санитарную службу Красной армии и обратно[16]. Как следствие, структурно-функциональные «исторические качели» имели негативное последствие при создании полевой прачечной, организацией доработки и проведением испытаний которой руководили в течение 6 лет УОВС, СУ, УОХС, Главное военно-санитарное управление (ГВСУ) Красной армии.

Структурно-функциональные «исторические качели» имели негативное последствие при создании полевой прачечной, организацией доработки и проведением испытаний которой руководили в течение 6 лет УОВС, СУ, УОХС, Главное военно-санитарное управление (ГВСУ) Красной армии

Всё же документы свидетельствуют о том, что ПМП-37 была «разработана и построена УОВС РККА», а образец, выпущенный единственной серийной партией, был доработан УОХС[17].

Первая полевая механизированная прачечная проектировалась и конструировалась Благовещенским заводом по тактико-техническим требованиям УОВС. Причём поставка промышленно выпускавшихся автоприцепов 2АП-37, электромоторов к стиральным машинам, центрифугам и механическим грузовым каткам, паровых котлов, палаток ПАХ и подсобного назначения, элементов паро- и водоком-

муникаций осуществлялась заказчиком, а прачечное оборудование выпускалось непосредственно на заводе[18].

Исходя из технологического процесса, который должен был включать операции приёмки, замочки, бучения, стирки, полоскания, отжима, сушки, сортировки, ремонта, катания и глажения белья, проектировавшаяся прачечная состояла из следующих структурных элементов:

— стиральный цех (СЦ), состоявший из двух автоприцепов 2АП-37 со смонтированными на каждом из них стиральной машиной загрузочной массой 80 кг, 2 центрифугами ёмкостью 12 кг, паровыми и водяными гребёнками, баками для холодной и горячей воды ёмкостью по 550 л и переносного вспомогательного оборудования — 10 брезентовых резервуаров для замочки белья по 1000 л каждый, 2 дезбучильников на 4 колёсах ёмкостью 40 кг каждый;

— сушильно-гладильный цех (СГЦ), комплектовавшийся переносным оборудованием — сушилки с элементами Бонена, столы для укладки белья, 3 швейные машины с ножным приводом, 2 электрических утюга и 2 грузовых механических катка на 4 колёсах;

— склады грязного и чистого белья, размещавшиеся в 4 палатках;

— подсобные цеха: а) котельно-насосный цех с центробежным насосом производительностью 10—12 м^3/ч и 2 паровыми котлами локомобильного типа 4ЛП-20 (на твёрдом топливе), смонтированными на автоприцепах 2АП-37; б) электростанция, состоявшая из агрегата ТЭС-1, смонтированная на тракторном прицепе.

В комплект ПМП также входили системы резиновых паропроводных и водопроводных шлангов на соединительных «американских» гайках; механический транспортёр, устанавливавшийся между стиральным и сушильно-гладильным цехами; 2 палатки типа «ПАХ» для размещения в них СЦ и СГЦ; 3 резиновых резервуара ёмкостью 6000 л каждый и кухня трёхкотельная, смонтированная на «автоприцепке»[19].

Таким образом, в прачечной достигалась механизация процессов стирки, отжима и частично глажения и транспортировки белья, были применены современные источники тепловой энергии и механизмы подачи воды для технологического оборудования, что, на наш взгляд, несмотря на кажущуюся громоздкость прачечной, являлось прорывным шагом в развитии исследуемого класса военной техники. Применённые же в опытном образце инженерные, технические решения и структурно-функциональные схемы учитывались в последующем при создании более поздних образцов полевых механизированных прачечных.

Вполне обоснованно, исходя из количества производственных единиц прачечной, временный штат ПМП-37 включал 104 человека, но впоследствии в 1940 году был увеличен по ходатайству УОХС на 20 человек, что обусловливалось повышением производительной мощности прачечной

Таблица 1

Количественная характеристика штатного личного состава ПМП

№ п/п	Структурное подразделение	Количество личного состава, чел.	
		Временный штат 1938 г.	Временный штат (военного времени) 1940 г.
1	Управление	6	8
2	Секретариат ВКП(б) и ВЛКСМ	2	—
3	Производственные отделения: стиральный цех сушильно-гладильный цех склад чистого белья склад грязного белья	 15 45 2 2	 22 47 3 3
4	Котельно-насосный цех	16	20
5	Электростанция	7	9
6	Слесарно-ремонтный цех	—	4
7	Хозяйственное отделение	6	8
Итого:		**101**	**124**

Составлена по: Акт о испытаниях ПМП-37. 1 августа 1938 г. // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37860. Оп. 1. Д. 344. Л. 15—25; Доклад УОХС РККА по обоснованию временного штата (военного времени) ПМП. 1940 // Там же. Д. 337. Л. 59—69.

до 2,7 т при трёхсменной работе и введением в штат водителей автомобилей (автомобиль легковой М-1 — 1 ед., автомобиль грузовой (1,5 т) ГАЗ АА — 1 ед., автомобиль грузовой (3 т) ЗИС-5 — 9 ед.) (табл. 1).

Следующим этапом были мероприятия по практической апробации изделия, и в соответствии с директивой Генерального штаба Красной армии от 14 мая 1938 года № 5/011159 на территории Ленинградского военного округа (ЛенВО) в период с 27 июня по 27 июля 1938 года были проведены войсковые испытания ПМП-37, по итогам которых было сделано заключение, что «прачечная может быть введена на снабжение в РККА». Акт по результатам испытаний был подписан 1 августа 1938 года, и опытный образец поступил на санитарный склад ЛенВО.

Примечательно, что в состав комиссии по проведению испытаний входили представители как интендантской службы, так и военно-санитарной службы центральных органов военного управления и ЛенВО, на территории которого проходили испытания.

Испытаниями были опробованы два варианта развёртывания прачечной:

— первый вариант — одно отделение размещалось в одной палатке с сосредоточением всех технологических процессов (замачивание, стирка, сушка, ремонт и глажение);

— второй вариант — два отделения размещались в двух палатках, в первой производились технологические процессы замачивания и стирки, во второй — сушка, ремонт и глажение.

Здесь же отметим, что комиссия отдала приоритет второму варианту, при котором можно было сократить численность обслуживающего персонала.

За месяц испытаний в прачечной было выстирано 28 т белья, обмундирования и специальной одежды, пробег при передислокации составил 220 км и было произведено 6 развёртываний и свёртываний прачечной, чем были подтверждены основные тактико-технические характеристики по требованиям заказчика (табл. 2).

В ходе испытаний был вскрыт ряд конструктивных и эксплуатационных недостатков прачечной: в первую очередь необходимость замены паровых котлов 4ЛП-20 на более мощные; сушилок для белья с элементами Бонена на сушильные машины камерного или барабанного типов; переноса базы монтажа электростанции с тракторного на автомобильный прицеп. Была определена необходимость ряда других, менее значительных доработок компоновки и конструкции узлов и агрегатов прачечной.

Также комиссия выдвинула предложение о проведении повторных всесторонних войсковых испытаний в зимних условиях 1938—1939 гг. для проверки эксплуатационных характеристик при отрицательной температуре окружающего воздуха[20].

По итогам испытаний под руководством СУ на мощностях мастерских Научно-исследовательского испытательного санитарного института Красной армии (НИИСИ) был произведён ремонт опытного образца прачечной и начата работа по проектированию парового котла «КАП» и нового сушильного агрегата[21]. Причём уже в 1939 году НИИСИ должен был изготовить и поставить опытную партию котельных агрегатов и сушилок для обеспечения сборки на Благовещенском заводе 5 комплектов ПМП по договору с СУ.

Однако ввиду материальных и финансовых затруднений НИИСИ эта работа не была

На территории Ленинградского военного округа (ЛенВО) в период с 27 июня по 27 июля 1938 года были проведены войсковые испытания ПМП-37, по итогам которых было сделано заключение, что «прачечная может быть введена на снабжение в РККА»

Таблица 2

Основные тактико-технические характеристики ПМП-37 по результатам испытаний

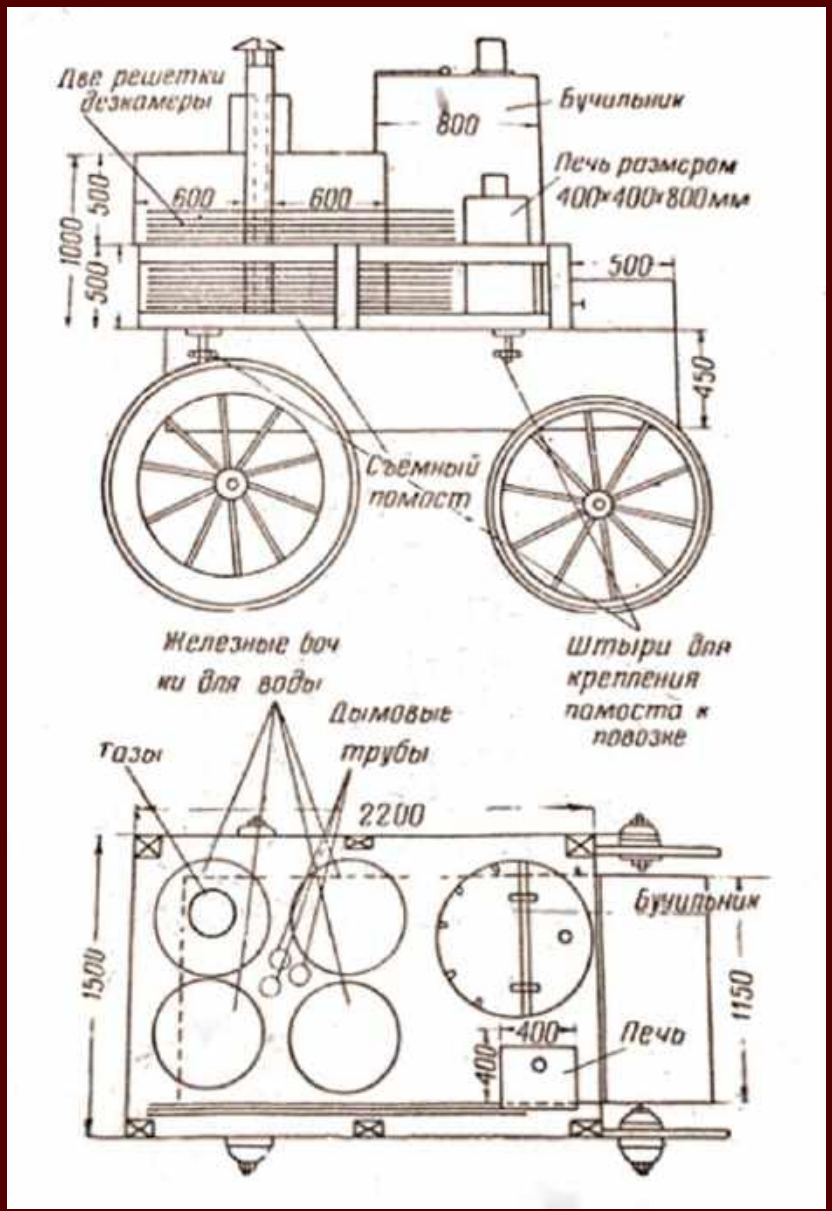
Показатель	Значение
Производительность за 8 ч работы, кг	900
Скорость перемещения, км/час днём ночью	 17* 23
Время развёртывания, мин.	90
Время свёртывания, мин.	45—60

Составлена по: Акт о испытаниях ПМП-37. 1 августа 1938 г. // РГВА. Ф. 37860. Оп. 1. Д. 344. Л. 15—25.

* Сокращение скорости в дневное время обусловливалось остановками каждые 15—20 мин марша в связи с закипанием воды в радиаторах транспортных автомобилей.

Бани и дезинфекционная камера вблизи позиций

Банно-прачечный и дезинсекционный агрегат. Разработка рационализаторов Красной армии
Тыл и снабжение Красной армии. 1943. № 11—12. С. 37.

завершена, и на момент передачи задач банно-прачечного обслуживания в ведение УОВС согласно приказу НКО СССР от 16 марта 1939 года № 148 мероприятия находились на следующих стадиях:

— был разработан технический проект парового котла, изготовлен опытный образец, произведены полигонные лабораторные испытания, разработаны рабочие чертежи котельного агрегата «ПАК»;

— по договору с Государственной конторой по проектированию бань и прачечных Главного управления бань и прачечных Народного комиссариата коммунального хозяйства РСФСР (НККХ) был разработан проект и создан опытный образец сушилки для белья[22].

Также в проект плана работы НИИСИ на 1940 год были включены мероприятия по переработке конструкции стиральной и гладильной машин для полевых условий, которым не суждено было осуществиться. Важно заметить, что сметой на 1940 год было предусмотрено изготовление 50 комплектов ПМП, что выполнено не было, и об этом речь ниже.

Что же касается зимних испытаний ПМП, то под руководством СУ Красной армии они проведены не были, а опытный образец после произведённого силами НИИСИ ремонта был отправлен для эксплуатации в войска[23].

Смена заказчиков разработки ПМП негативно сказывалась на итогах и сроках работы. Приведём только тот факт, что в 1940 году УОХС при проработке вопроса о работе «КАП» не только на древесном топливе, но и на угле и жидком топливе, НИИСИ, заканчивавший изготовление котлов, категорически отказался рассматривать предложения по изменению их конструкции[24]. «Несмотря на трёхкратное обращение в Санитарное управление, котёл не переделывается, и время уходит»[25].

Поэтому было принято решение организовать на мощностях завода имени III-го Коммунистического интернационала монтаж имевшихся котлов 4ЛП-20, переоборудованных для работы как на твёрдом, так и на жидком топливе.

Совместными усилиями органов военного управления и советской промышленности в 1940 году была завершена доработка ПМП и организовано проведение испытаний, которые первоначально предусматривали «организацию специальной воинской части “Походная механизированная прачечная (ПМП)”» в составе Московского военного округа. Однако главным интендантом Красной армии генерал-лейтенантом интендантской службы А.В. Хрулёвым было принято решение (6 декабря 1940 г.) «организовать испытания за счёт прикомандированных, а стирку организовать женским трудом»[26].

В новой прачечной помимо включения третьего парового котла 4ЛП-20 для повышения паропроизводительности и электростанции КЭС-12-36 для гарантированного обеспечения электрических приборов был выполнен ряд других доработок и изменений комплектации. Были изменены нагревательные элементы сушилок системы Бонена, дополнительно включены по 2 палатки в склады грязного и чистого белья, брезентовые ёмкости для замочки белья были заменены на резиновые. В комплект прачечной был введён слесарно-ремонтный цех в составе автомастерской лит. «Б»-1 и придавалась автоцистерна для горючего на базе ЗИС-5.

В то же время аналогичные разработки велись и в армиях зарубежных государств. В периодическом издании ГИУ Красной армии был опубликован ряд информационных обзоров, посвящённых иностранным армейским полевым прачечным, а именно:

— прачечный комбинат английской армии, который представлял собой автопоезд из 9 трёхтонных грузовых автомобилей «Austin» со смонтированным на них технологическим и вспомогательным оборудованием, штабного автомобиля и цистерны для питьевой воды на базе автомобиля «Morris Commercial». Комбинат был укомплектован стиральными машинами роторного типа, сушильными барабанами, паровыми котлами «Clarcson» с электродвигателем, вентилятором и топкой, работавшей на жидком топливе, дизельным двигателем «Fowler-Sanders» с приводом на динамо[27];

— полевые прачечные американской армии, одна из которых была смонтирована на 10 четырёхколесных автомобильных полуприцепах, на каждом из которых устанавливались стиральная машина, экстрактор и два шкафа для сушки белья с паровым отоплением. В комплект входили силовая установка с дизельным двигателем, паровой котёл на жидком топливе и кипятильник[28]. Вторая прачечная установка была смонтирована на трейлере. Технологическое прачечное оборудование состояло из автоматической стиральной машины, центрифуги и сушильного аппарата, а паросиловая установка была представлена паровым котлом горизонтального типа с системой конденсации и контрольными приборами, четырёхцилиндровым бензиновым двигателем и генератором, водогрейной установкой на 700 л. Нагрев воды до 40°С и сушка белья осуществлялись паром, а работу стиральных машин и центрифуги обеспечивало электричество. Также было отмечено, что для стирки белья в данной установке уже применялось порошкообразное синтетическое моющее средство[29].

Каковы же итоги разработки ПМП? На основе изученных архивных документов можно сделать вывод, что о широком применении ПМП в годы Великой Отечественной войны говорить нельзя ввиду их незначительного выпуска советской промышленностью. Так, по причине отсутствия необходимой производственной базы по линии Наркомата коммунального хозяйства РСФСР, на которое народно-хозяйственным планом возлагалось производство прачечных, заказ 1940 года на ПМП-37 полностью размещён не был, на Карачаровском механическом заводе был выпущен лишь один комплект прачечной, который подвергался дальнейшим войсковым испытаниям[30].

На 1941 год планировалось выпустить 25 комплектов ПМП-37, но развязанная фашистской Германией война внесла кардинальные коррективы в планирование народно-хозяйственного строительства, и по решению Совета народных комиссаров СССР в третьем квартале 1941 года должны были быть выпущены только 10 комплектов[31].

Отметим, что по состоянию на 16 сентября 1941 года ГИУ в ГВСУ при передаче задач и функций банно-прачечного обслуживания войск были переданы только две имевшиеся ПМП, одна из которых функционировала на Ленинградском фронте (первый опытный образец ПМП-37) в составе 175-го механического прачечного отряда (МПО), а вторая (образец выпуска 1940 г.) проходила испытания на территории Московского военного округа[32].

Также необходимо добавить, что на тот момент в интересах Северо-Западного фронта действовали 164, 118 и 119 МПО, для первого из которых предназначалась испытывавшаяся на ст. Алабино ПМП, а в двух последующих стирка производилась вручную[33].

Производство первой и единственной партии прачечных в 10 комплектов было организовано на Перовском механическом заводе, и в 1942 году они поступили в действую-

щую армию. Из краткого отчёта ГВМУ о работе в период Великой Отечественной войны следует, что на ПМП было выстирано 24,4 тыс. т белья (14 проц. от общего объёма) (см. диаграмму).

Подтверждение выводов о преимуществе в банно-прачечном обслуживании ручного труда находим также в Инструкции по банно-прачечному и дезинфекционному обслуживанию войск 1942 года: «Стирку белья в полевых условиях организуют с помощью простейших ручных прачечных... в полевых прачечных отрядах стирку производят с помощью полумеханического прачечного оборудования или вручную»[34].

Здесь необходимо отметить и совместную работу военных специалистов Интендантской и Военно-санитарной служб Красной армии, направленную на механизацию и повышение мобильности сил и средств банно-прачечного обслуживания. Как пример можно привести образец банно-прачечного и дезинсекционного агрегата, который мог оборудоваться силами войск и размещаться на пароконных санях либо повозках[35].

Таким образом, по результатам проведённого исследования сделаны следующие выводы:

— в 1930-х годах были созданы предпосылки для выпуска подвижных технических средств стирки белья, дававших возможность удовлетворить потребность войск в мобильных механизированных средствах, имевших высокую производительность и отвечавших новым требованиям, предъявлявшимся к мобильности войск, формам и способам ведения военных действий;

— Великая Отечественная война 1941—1945 гг. в первую очередь дала импульс развитию вооружения и средств поражения, отодвинув развитие военной техники Интендантской службы на второй план;

— в то же время был получен колоссальный положительный опыт применения разнообразных сил и средств материально-технического обеспечения действующей армии, на основе которого и проводилась дальнейшая разработка военной техники послевоенного периода.

Учитывая освещённые в исследовании исторические перипетии взаимодействия органов военного управления, в качестве одного из выводов считаем уместным привести экспертную оценку бригврача, профессора Т.Е. Болдырева: «Необходима повседневная забота о санитарном состоянии войск... К сожалению, имеются случаи, когда командование войсковых частей мало или вовсе не интересуется этим, когда работники интендантской службы сваливают всю ответственность на работников санитарной службы, а последние умывают руки или выступают лишь в роли консультантов. Пора наконец покончить с “теоретическими” спорами об ответственности за санитарное состояние войск, а тех, кто упорно отстаивает свои “принципиальные” позиции, надо отдавать в руки военного суда, который быстро определит ответственность каждого»[36].

И в заключение в контексте роли органов военного управления назовём организаторов и исполнителей разработки ПМП-37: руководитель УОВС корпинтендант Д.И. Косич и непосредственные участники разработки прачечной бригинженер Я.П. Зылев и военинженер А.П. Мастеров[37].

Диаграмма

Составлена по краткому отчету Главного военно-медицинского управления Красной Армии о работе в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 67. Оп. 12020. Д. 5. Л. 85.

Примечания

[1] Интендантский журнал. 1915. № 6. С. 85.

[2] См., например: *Шаронов А.Н., Целыковских А.А.* Особенности вещевого обеспечения частей и соединений в Афганистане // Вестник ВАМТО. 2022. № 4(32). С. 26—36; Материально-техническое обеспечение Вооружённых сил СССР в послевоенный период (1945—1962 гг.) / Под общ. ред. С.К. Шойгу. М., 2022. 436 с.; *Блинков Г.Б.* Основные выводы по организации банно-прачечного обслуживания в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Научный вестник Вольского военного института материального

обеспечения: военно-научный журнал. 2021. № 2(58). С. 97—107; Энциклопедия. XXI век. Оружие и технологии России. Т. 17. «Средства тылового обеспечения». М., 2008; Банно-прачечное обслуживание войск / Под общ. ред. Н.Г. Симоненко. М.: Воениздат, 1973. 493 с.

[3] *Медведева Н.А.* Краткая история прачечного дела: фундаментальные и прикладные научные исследования // Сборник трудов по материалам XV Международного конкурса научно-исследовательских работ. Уфа, 2024. С. 56—68.

[4] *Сахаров В.* Стирка белья в войсках // Интендантский журнал. 1907. № 3. С. 40—44; № 5. С. 39—47.

[5] Архив базы (опытно-испытательной) в/ч 54169 (БОИ в/ч 54169). Журналы Технического Комитета Главного интендантского управления. 1909. № 1—60. С. 4—7.

[6] Там же. № 61—106. С. 101—106.

[7] См., например: *Гладких П.Ф., Корнюшко И.Г., Локтев А.Е.* Очерки истории отечественной медицины. Кн. 3. Медицинская служба русской армии накануне и в ходе Первой мировой войны 1906—1917 гг. Уфа, 2006. С. 247, 248; *Мошкин А.Н., Валяев Я.В.* Проблемы санитарно-гигиенической службы российской армии в годы Первой мировой войны // Via in tempore. История. Политология. 2014. № 8(179); *Рудой Н.А.* Деятельность Красного Креста во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2012. № 6.

[8] Интендантский журнал. 1915. № 6. С. 86.

[9] Передвижные прачечные отряды периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. оснащались ручными стиральными машинами ёмкостью 12 кг, разборными бучильниками ёмкостью 30 кг, кипятильниками самоварного типа, ручными выжималками, катками и приспособлениями для сушки белья.

[10] В 1943—1944 гг. с июня по октябрь БПП с фронтов прикомандировывались к вещевым складам НКО в городах Ярославль, Киров, Вологда, Уфа, Горький, Куйбышев, Саратов, Челябинск для стирки собранного из войск зимнего обмундирования и тёплых вещей. В среднем каждый поезд стирал 1,5 т в сутки, а за указанный период в БПП было выстирано свыше 1200 т обмундирования // Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 84. Оп. 12403. Д. 1067. Л. 180.

[11] *Зылев Я.П.* Пересмотреть организацию банно-прачечного обслуживания войск // Интендантский журнал. 1941. № 1. С. 84—88.

[12] Стирка белья, включая обмундирование и специальную одежду, на одного военнослужащего в месяц — 5,46 кг. Потребность в стирке стрелкового полка — до 17,3 т в месяц. Потребность в транспорте для перевозки данного количества вещевого имущества могла составить до 12 машинорейсов в месяц. См.: *Карпинский Н.Н.* Вещевое довольствие Рабоче-крестьянской Красной армии // Война и техника. М., 1926. С. 48.

[13] Справочник по банно-прачечно-дезинфекционному делу в РККА. Л.: Биомедгиз, 1934. С. 22—24.

[14] *Зылев Я.П.* Механизированные агрегаты интендантской службы // Интендантский журнал. 1940. № 1. С. 119—129.

[15] ЦАМО РФ. Ф. 85. Оп. 723308-1. Д. 1. Л. 7.

[16] В 1935 г. «банно-прачечное дело» было передано от СУ Красной армии в УОВС Красной армии; в 1938 г. задачи банно-прачечного обслуживания войск были переданы из УОВС Красной армии СУ Красной армии; в 1939 г. задачи банно-прачечного обслуживания были переданы из СУ Красной армии УОВС Красной армии; в 1941 г. задачи банно-прачечного обслуживания были переданы из ГИУ Красной армии Главному военно-санитарному управлению Красной армии.

[17] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37860. Оп. 1. Д. 344. Л. 10, 16; ЦАМО РФ. Ф. 84. Оп. 12391. Д. 111. Л. 16.

[18] РГВА. Ф. 37860. Оп. 1. Д. 337. С. 203.

[19] *Мастеров А.П.* Механизация прачечного дела в полевых условиях // Интендантский журнал. 1940. С. 132—136; РГВА. Ф. 37860. Оп. 1. Д. 337. Л. 230.

[20] РГВА. Ф. 37860. Оп. 1. Д. 337. Л. 15—25.

[21] Там же. Л. 137.

[22] Там же. Л. 187—194.

[23] Там же. Л. 189, 295.

[24] Там же. Л. 136 об., 141 об.

[25] Там же. Д. 303. Л. 194.

[26] Там же. Д. 337. Л. 288.

[27] *Адрианов М.* Полевой прачечный комбинат // Интендантский журнал. 1941. № 2. С. 82.

[28] *Неклюдов Д.* Передвижные агрегаты американской армии // Тыл и снабжение Красной армии. 1942. № 11—12. С. 67.

[29] Американская прачечная установка // Там же. 1945. № 7. С. 47.

[30] ЦАМО РФ. Ф. 85. Оп. 12330. Д. 48. С. 9.

[31] Там же. Ф. 84. Оп. 12391. Д. 111. Л. 16.

[32] Там же. Л. 21.

[33] Там же. Л. 22.

[34] Инструкция по банно-прачечному и дезинфекционному обслуживанию войск. М.: Медгиз, 1942. 43 с.

[35] *Суетин Г., Фролов Н.* Банно-прачечный и дезинсекционный агрегат // Тыл и снабжение Красной армии. 1943. № 11—12. С. 37, 38.

[36] *Болдырев Т.* Банно-прачечное дезинфекционное обслуживание войск // Там же. 1941. № 11—12. С. 59—61.

[37] **Косич Дмитрий Иосифович** (1886—1937 гг.) — в 1917 г. окончил Иркутскую школу прапорщиков, службу проходил командиром Петроградского полка; в 1924—1926 гг. — начальник штаба Монгольской народной армии, награждён высшим орденом Монголии — Орденом Драгоценного жезла (Эрдэнийн Очир одон); с 1927 г. — начальник снабжения СКВО; с 1932 г. — помощник командующего войсками МВО по снабжению; с 1935 г. — начальник УОВС; в 1937 г. репрессирован (расстрелян); в 1956 г. посмертно реабилитирован.

Зылев Яков Петрович (1892—1952 гг.) — проходил военную службу в Русской Императорской армии в звании подпоручика, в Красной армии с 1918 г.; до 1935 г. занимал различные должности научно-технического состава в ВХУ; с 1935 г. — начальник отдела УОХС; с 1940 г. занимал различные должности в Техническом комитете ГИУ. В середине 1930-х гг. под его руководством были разработаны механические агрегаты для ремонта армейской обуви. За проделанную работу и достигнутые результаты Якову Петровичу было присвоено учёное звание «профессор».

A.V. Popov

«DAILY CARE FOR THE SANITARY CONDITIONS OF TROOPS IS ESSENTIAL...»

The creation of the first mobile field laundry for the Red Army in the 1930s

Information about author. *Aleksandr Popov — chairman of the scientific and technical committee of the Department of resource provision, the Ministry of Defense of the Russian Federation, colonel, Cand. Sc. (Mil.) (Moscow. E-mail: aleksandr7popoff@mail.ru).*

Summary. *This paper, which is part of a series examining the evolution of military equipment — the technical tools used by the Russian military-focuses on the creation of the first field-based mechanized laundry in the Red Army. The goal of this study is to thoroughly analyze the background, administration, technological and technical aspects, procedures, and outcomes of this military equipment model's development, drawing on published and archival materials. The research was conducted using publications by military experts from journals such as the Quartermaster's Journal of the Russian Empire's Military Ministry and the Quartermaster's Journal of the Red Army, which after 1942 became known as the Logistics and Supply of the Red Army. Additionally, archival documents from the Russian State Military Archives and the Central Archives of the Russian Federation's Ministry of Defense were utilized, with some of these documents being introduced into scientific circulation for the first time. The study revealed that the positive experiences gained through the development of field laundry systems were instrumental in advancing the mechanization of laundry in the military during the 20th century, laying the groundwork for future scientific and technological advancements in this area of military equipment..*

Keywords: *Red Army; quartermaster service; military sanitary service; bath and laundry services; mechanized laundry; technological equipment; testing.*

Ю.Г. Ещенко

«В СЛУЧАЕ ОТХОДА НАШИХ ЧАСТЕЙ ОСТАЮЩИЕСЯ НЕФТЕЁМКОСТИ ПОДОРВАТЬ...»

Эвакуация предприятий нефтяной промышленности на территорию Прикаспийской нефтегазоносной провинции в 1941—1942 гг.

Сведения об авторе. *Ещенко Юлия Геннадьевна — старший научный сотрудник Центра изучения истории Нижнего Поволжья советского периода Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева, кандидат исторических наук, доцент, соискатель учёной степени доктора исторических наук (г. Астрахань. E-mail: pushistik_yuliya@mail.ru).*

Аннотация. *Начало Великой Отечественной войны поставило перед партийно-государственным руководством СССР задачу экстренной эвакуации значительного количества промышленных объектов. Одной из ключевых отраслей для сохранения производственно-оборонного потенциала являлась нефтяная промышленность. В статье анализируется процесс перемещения предприятий нефтяной отрасли на территорию Прикаспийской нефтегазоносной провинции (территориально представленную Нижним Поволжьем и западными областями Казахской ССР) в 1941—1942 гг. На основе постановлений и распоряжений чрезвычайных органов власти (Государственного комитета обороны, Совета по эвакуации при СНК СССР), хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации и Российском государственном архиве социально-политической истории, выявлены регионы, откуда вывозились нефтяные объекты, а также особенности эвакуации их на предприятия Прикаспийской нефтегазоносной провинции, связанные с превращением части рассматриваемой территории из тыловой зоны в линию фронта. Констатируется, что специфика нефтепромышленного развития данной территории и ставка правительства на ускоренное освоение ресурсов Волго-Уральской нефтегазоносной провинции предопределили второстепенную роль Прикаспийской нефтегазоносной провинции в приёме эвакуировавшихся объектов советской нефтяной отрасли.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война 1941—1945 гг.; Прикаспийская нефтегазоносная провинция; нефтяная промышленность; эвакуация; чрезвычайные органы власти; Главнефтесбыт; Л.М. Каганович; Н.М. Шверник; М.И. Кормилицын.*

Начало боевых действий на советско-германском фронте 22 июня 1941 года обернулось для РККА серьёзными потерями и быстрым отступлением от государственной границы. Вопрос об эвакуации объектов промышленности, в т.ч. нефтяной, в этих условиях стал жизненно важным для страны. Проблемы эвакуации оборонных и других производств, людских ресурсов, сельскохозяйственной техники, инвентаря, продовольствия и скота неоднократно рассматривались историками. Имеющиеся работы можно разделить по проблемно-хронологическому принципу.

В первую очередь это исследования советского периода, представленные рядом обобщающих монографических и диссертационных работ по истории нефтяной отрасли страны, в т.ч. в годы Великой Отечественной войны. В них содержится аналитический и статистический материал, даётся оценка как дореволюционного, так и советского опыта работы нефтяной промышленности[1], проанализированы технико-экономические показатели добывающей отрасли и значение нефтепродуктов для оборонной промышленности и фронта[2], послевоенное восстановление экономики, социальное положение нефтяников[3] и т.д.

В современной российской историографии следует выделить исследования по созданию[4], структуре и основным направлениям деятельности[5], составу советских чрезвычайных органов власти[6], управлявших перемещением материальных и людских ресурсов[7], — Государственного комитета обороны (ГКО), Совета по эвакуации при СНК СССР и созданного при нём Управления по эвакуации населения[8] и др.

Другим крупным тематическим блоком является организация вывоза населе-

ния из прифронтовых зон под угрозой оккупации. Историками проанализированы вопросы обеспечения жильём и трудоустройства эвакуированных[9], деятельность местных органов власти по приёму прибывавшего населения[10], сложности транспортировки значительного числа людей в тыл[11], региональные аспекты решения вопросов размещения и снабжения гражданского населения в Марийской АССР[12], Казахской ССР[13], Татарской АССР[14], Алтайском крае[15], Саратовской области[16] и других регионах.

Ещё одна группа публикаций представлена исследованиями по эвакуации промышленных предприятий, изучение которой осуществлено в отраслевом разрезе. Так, предметами исследований стали перемещение в тыл предприятий целлюлозно-бумажной, сульфитно-спиртовой и гидролизной промышленности[17], текстильной и лёгкой[18], нефтяной промышленности[19] и т.д. Рассмотрены практические проблемы запуска перемещённых заводов — разукомплектованность и потери оборудования при транспортировке, неподготовленность строительных площадок для приёма крупных предприятий, нехватка рабочей силы[20], а также ликвидация оставшихся у зоны боевого соприкосновения объектов при приближении противника[21].

Также следует отметить монографии[22] и диссертационные работы[23] по истории отечественной нефтяной отрасли, касавшиеся проблем военной экономики и эвакуации предприятий в контексте решавшихся авторами задач.

Исходя из проведённого историографического обзора, сформулируем цель исследования, заключающуюся в анализе процесса эвакуации объектов нефтяной промышленности на территорию Прикаспийской нефтегазоносной провинции в первый период Великой Отечественной войны.

В качестве источниковой базы нами привлекались нормативно-правовые и распорядительные документы центральных чрезвычайных органов власти — ГКО и Совета по эвакуации, представленные как неопубликованными архивными документами, так и опубликованными в тематических сборниках материалами по истории Великой Отечественной войны. Отдельно следует отметить документы Совета по эвакуации при Совете народных комиссаров СССР, хранящиеся в одноимённом фонде Государственного архива Российской Федерации, отражающие, в числе прочего, осуществление эвакуации предприятий и учреждений Наркомата нефтяной промышленности и Главнефтесбыта при СНК СССР.

В первые дни войны при СНК СССР был создан Совет по эвакуации, на который возлагалась задача перемещения людских ресурсов и производственных мощностей ключевых отраслей промышленности из прифронтовых районов под угрозой оккупации. Первоначально во главе Совета стоял Л.М. Каганович, но в начале июля 1941 года в связи с кадровыми перестановками в чрезвычайных органах власти и с назначением Кагановича уполномоченным ГКО по воинским перевозкам руководство Советом по эвакуации перешло к одному из его заместителей — Н.М. Швернику[24]. 11 июля 1941 года при Совете по эвакуации была создана группа инспекторов по контролю за проведением эвакуации предприятий во главе с А.Н. Косыгиным[25]. 25 декабря 1941 года Совет по эвакуации был расформирован с передачей его аппарата Комитету по разгрузке железных дорог под руководством А.И. Микояна[26], однако уже через полгода, в июне 1942 года, чрезвычайный орган по эвакуации был восстановлен в виде Комиссии по эвакуации при ГКО СССР под председательством Н.М. Шверника[27].

Стратегия советского руководства в нефтяной сфере после начала боевых действий была очевидной и в значительной степени безальтернативной. Требовалось резко увеличить добычу нефти, приложив все усилия для ввода в эксплуатацию новых промыслов в восточных районах страны, а также максимально сохранить технический и кадровый потенциал стратегически важной отрасли, эвакуируя мощности в регионы, куда проникновение врага было маловероятным. Партийно-государственные управленческие структуры стремились (что не всегда удавалось) организовать перемещение предприятий в те места, где была возможность в ускоренном порядке осуществить монтаж оборудования и наладить производство благодаря наличию объектов и кадров соответствующих отраслей промышленности и специализации. Для эвакуации предприятий нефтяной промышленности были выбраны удалённые от линии фронта регионы Волго-Уральской нефтегазоносной провинции («Второе Баку») и Прикаспийской нефтегазоносной провинции.

Территориальные рамки Прикаспийской нефтегазоносной

провинции в административно-территориальном делении рассматриваемого периода включали в себя регионы Нижнего Поволжья (Саратовскую и Сталинградскую обл., Калмыцкую АССР), а также западные области Казахской ССР (Гурьевскую, Актюбинскую, Западно-Казахстанскую и Мангышлакскую обл.).

В Прикаспийской нефтегазоносной провинции на тот момент наиболее освоенным и разведанным являлся Урало-Эмбинский нефтяной район Казахской ССР. Нефтедобыча и нефтепереработка в регионах Нижнего Поволжья либо отсутствовали, либо были представлены эпизодически, и их расширение относится уже к послевоенному периоду. Однако Волго-Каспийская транспортная магистраль имела важное значение для переброски нефтепродуктов из Бакинского нефтяного района через астраханский порт и обладала развитой инфраструктурой для хранения и перекачки нефти и нефтепродуктов. Для увеличения пропускной способности нижневолжского пути в условиях нараставшего объёма нефтеперевозок как водным транспортом, так и железнодорожным, сюда были направлены многочисленные резервуары и оборудование нефтяных баз Главнефтесбыта при СНК СССР с западных территорий страны.

Военно-хозяйственный мобилизационный план на III квартал 1941 года предусматривал капитальное строительство в восточных нефтяных районах, в т.ч. за счёт мощностей эвакуированных предприятий[28]. Так, при переносе предприятий нефтяного машиностроения с запада страны на территорию Прикаспийской нефтегазоносной провинции были отправлены завод нефтяной аппаратуры имени Петрова (из Баку в Сталинград); завод имени Петровского по выпуску передвижных буровых станков (из посёлка Нью-Йорк на Донбассе в Гурьев). Перебазировавшиеся заводы Наркомнефти были объявлены ударными стройками, которые требовалось завершить не позже II квартала 1942 года. Для монтажа оборудования из Баку в Орск была передислоцирована строительно-монтажная контора № 1 треста «Азнефтезаводстрой»[29].

Ввиду отсутствия необходимого количества металлических ёмкостей для хранения светлых нефтепродуктов в «неугрожаемых» районах и наличия пустующих ёмкостей в Одессе и Херсоне заместитель начальника Главнефтесбыта М.И. Кормилицын обратился к уполномоченному ГКО по снабжению обозно-вещевым имуществом, продовольствием и горючим А.И. Микояну с предложением перебросить резервуары вглубь страны[30].

Помимо этого согласно разработанному плану эвакуировалось во внутренние районы страны оборудование нефтяных баз из Харьковской, Сталинской, Ростовской, Ворошиловградской и Запорожской областей. В северные районы Прикаспийской нефтегазоносной провинции на саратовские нефтебазы перевозились железные резервуары, паровые котлы и регенерационные установки, а также тарные нефтепродукты из Сталинской (из Артёмовска, Иловайска, Мариуполя, Славянска) и Ворошиловградской (из Сватово, Старобельска, Луганска, Лисичанска) областей[31]. Сталинград стал ещё одной точкой назначения для предприятий и ресурсов Главнефтесбыта при СНК СССР и Главного управления государственных материальных резервов. Сюда были направлены преимущественно крымские нефтебазы из Армянска, Джанкоя и Симферополя[32].

Для эвакуации нефтяного оборудования из Украинской ССР по распоряжению председателя Совета по эвакуации Наркоматом путей сообщения в первой половине октября для перевозки оборудования и материалов Главнефтесбыту были выделены «55 вагонов на южной железной дороге, 11 вагонов на южно-донецкой железной дороге (изначально в тексте указано 30 вагонов, исправлено вручную. Это свидетельствует, что согласование показателей осуществлялось в спешном порядке, а значительное уменьшение количества планировавшихся к выдаче вагонов говорит о нехватке подвижного состава. — **Прим. авт.**), 7 вагонов на северо-донецкой железной дороге (изначально в тексте указано 40. — **Прим. авт.**), 8 вагонов по сталинской железной дороге (для подвозки оборудования из крымских нефтебаз в порт Феодосия) и 33 вагона по железной дороге имени Ворошилова (изначально в тексте указано 83. — **Прим. авт.**)»[33]. От Феодосии до Новороссийска транспортировка нефтяного оборудования осуществлялась морским путём, для чего Наркомату морфлота было дано предписание выделить тоннаж в размере не менее 800 т. Из Новороссийска до Сталинграда перемещение грузов выполнялось забронированными вагонами по железной дороге имени Ворошилова[34].

С Рижского нефтеперегонного завода Главнефтесбыта при СНК СССР в район Сталинграда была эвакуирована центрифуга для нефтепродуктов. Волжские нефтебазы приняли 15 тыс. деревянных бочек (Саратов), 12 тыс.

От Феодосии до Новороссийска транспортировка нефтяного оборудования осуществлялась морским путём. Из Новороссийска до Сталинграда перемещение грузов выполнялось забронированными вагонами по железной дороге

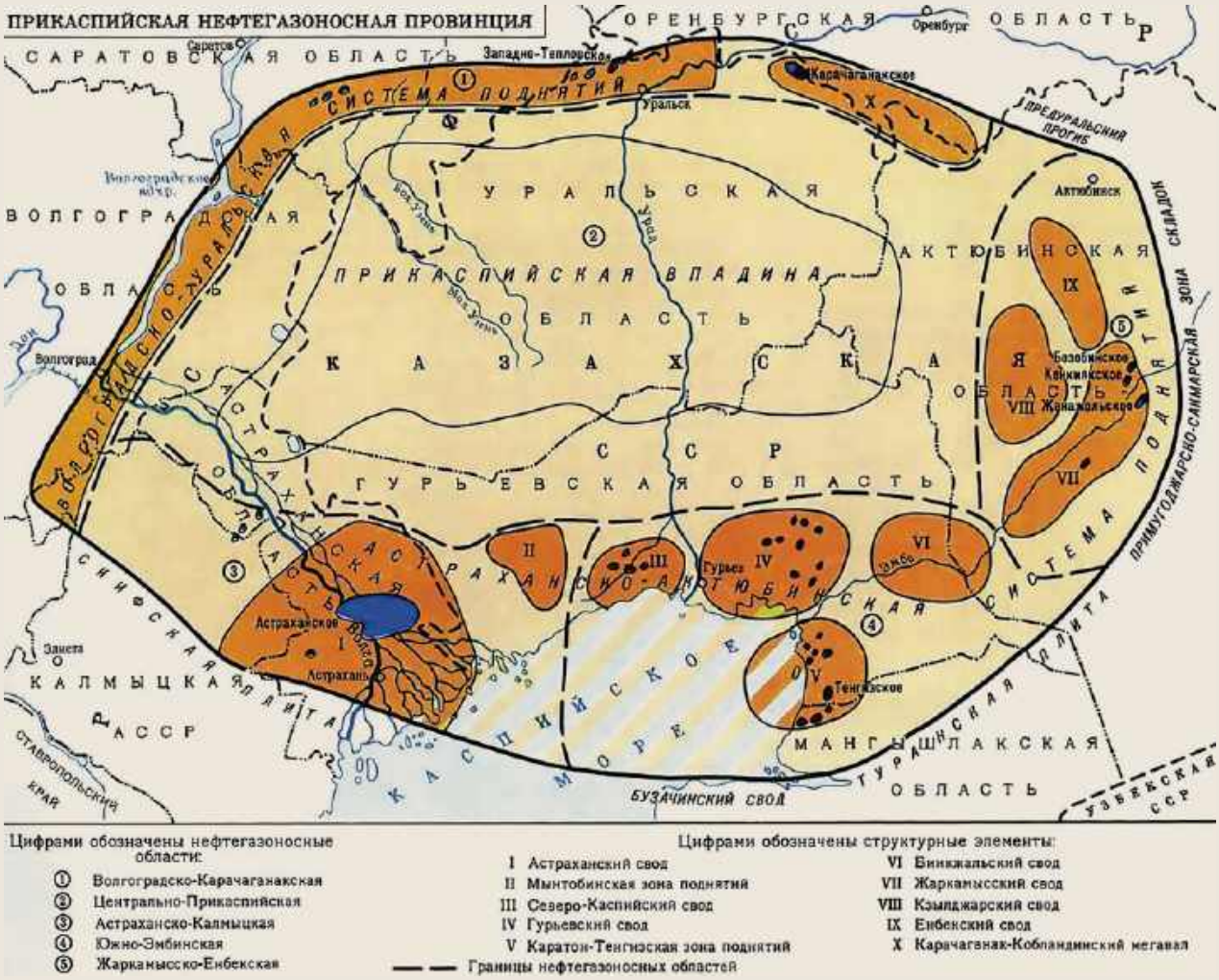
железных бочек и 25 тыс. жестяных бидонов (Сталинград) для хранения и транспортировки тёмных и светлых нефтепродуктов[35].

Следующим серьёзным этапом в эвакуации нефтяных предприятий стал вывоз заводов, оборудования, рабочих и служащих, демонтаж нефтепроводов на Кавказе — из трестов «Грознефть» и «Майкопнефть». Проанализировав соответствующее постановление ГКО от 28 октября 1941 года, принятое в условиях подхода немецких войск к Ростову-на-Дону, можно выявить тенденцию перемещения оборудования либо в наиболее удобный для транспортировки по Каспийскому морю порт Красноводск (где начиналось строительство нефтеперерабатывающего завода) на предприятия «Туркменнефти», либо в тресты и объединения Волго-Уральской нефтегазоносной провинции — «Бугурусланнефть», «Туймазанефть», «Сызраньнефть», т.к. ставка в увеличении объёмов нефтедобычи делалась на создание там альтернативной Баку нефтяной базы — «Второго Баку»[36]. Ключевым районом Прикаспийской нефтегазоносной провинции, который также принимал эвакуированные предприятия, являлась территория Казахской ССР, куда были направлены из Майкопнефтекомбината и Грознефтекомбината 5 буровых станков, 41 автомашина, 15 тракторов, 24 трактора-подъёмника. После демонтажа ГРЭС «Красная турбина» в Гурьев были переброшены турбогенератор с котлами мощностью 4000—5000 кВт и демонтированная центральная водотрубная котельная Грознефтекомбината[37].

Л.М. Каганович

Вывоз оборудования из Грозного предусматривал переброску в Гурьев 14 крекинг-установок; заводов № 2, № 4 и № 7; кок-

Прикаспийская нефтегазоносная провинция

Волгоградский завод нефтяного машиностроения им. Петрова
2015 г.

Эвакуация производственного оборудования из западных районов СССР
1942 г.

Баку — фронту

совых кубов и парафинового завода, а также отправку всех газолиновых заводов на нефтепромыслы Казахстана в срок до 1 декабря 1941 года. Кроме того, был разработан план по перемещению к данному сроку в Казахстаннефтекомбинат 18 станков глубокого бурения, авторемонтных мастерских, строительно-монтажной конторы с кадрами и всем оборудованием треста «Грознефтестрой», авторемонтного завода из Майкопнефтекомбината[38].

Согласно распоряжению заместителя председателя Совета по эвакуации М.Г. Первухина от 12 октября 1941 года Главнефтесбыту при СНК СССР было разрешено эвакуировать оборудование регенерационной установки и нефтебаз, расположенных в Ростовской области, на саратовскую нефтебазу. В сжатые сроки до 20 октября 1941 года Наркомат путей сообщения обязывался выделить Главнефтесбыту 80 вагонов для перевозки оборудования до станции Саратов Рязано-Уральской железной дороги[39].

Таким образом, вывезенное оборудование должно было способствовать усилению имевшихся мощностей по добыче и переработке нефти в районах «Второго Баку», Казахстана и Средней Азии. Для этих регионов военно-мобилизационным планом на IV квартал 1941 года был установлен объём буровых работ в размере 340 тыс. м, из которых на долю разведочного бурения должно было приходиться не менее 135 тыс. м[40]. На 1942 год объём бурения был установлен в размере 1760 тыс. м, было дано задание вывести из положения буровых в эксплуатационные 1550 скважин. Переброска на территорию Урало-Эмбинского нефтяного района Прикаспийской нефтегазоносной провинции значительного числа крекинг-установок и оборудования нефтеперерабатывающих заводов Грозного ставила целью организацию широкомасштабного производства высокооктанового авиационного топлива и

авиамасел, для чего в регионе имелось сырьё — маслянистые эмбинские нефти. В документах также подчёркивалась важность возведения из эвакуированного оборудования дополнительных установок на уже существовавших нефтеперерабатывающих заводах — Саратовском, Уфимском и др.[41]

По мере приближения линии фронта к столице эвакуация началась и из центрального региона страны. Согласно плану в район Прикаспийской нефтегазоносной провинции направлялся ряд объектов из Москвы и Московской области. Так, в район Камышина была вывезена Ленинская нефтебаза из Москвы, под Саратов — Московская контора нефтедобычи, Центральный материальный склад и ряд научно-исследовательских учреждений[42]. Нефтеёмкости и оборудование для эвакуации брались, как правило, только с крупных и перевалочных нефтебаз, но даже на них оставался запас нефтепродуктов, необходимый для нужд Наркомата обороны. Приказ Совета по эвакуации при этом гласил: «В случае отхода наших частей остающиеся нефтеёмкости подорвать...»[43].

Согласно решению Совета по эвакуации в регион Прикаспийской нефтегазоносной провинции был эвакуирован опытно-исследовательский экспериментальный завод «Химгаз» треста «Нефтезаводпроект Центра и Востока» Наркомата нефтяной промышленности СССР. Это был завод инновационных методов нефтепереработки, на котором трудились 250 человек. Для его перемещения в Саратов, где он был размещён при Саратовском крекинг-заводе, были выделены 5 вагонов для оборудования и 15 для работников и их семей[44]. Кроме того, в Саратов планировалась эвакуация конторы «Нефтекип», занимавшейся проектированием и изготовлением контрольно-измерительных приборов и лабораторного оборудования для заводов и промыслов Наркомнефти (25 человек работали в Ленинградском отделении и 70 человек — в Московском)[45]. Однако в дальнейшем план эвакуации был изменён, и предприятие было вывезено в г. Бугуруслан[46].

Н.М. Шверник

В 1942 году особенное значение для экономики приобрели «волжская и камская нефтяные базы, где хранились стратегические запасы горючего, доставленного из южных нефтяных районов...»[47]. Кроме того, остро стояла задача восполнения запасов государственного резерва, израсходованных в 1941 году. Для этой цели в апреле 1942 года по Каспийскому морю было перевезено в Астрахань 436 тыс. т нефтепродуктов[48]. Началась следующая волна эвакуации добытой нефти, готовых нефтепродуктов и объектов нефтяной промышленности с Кавказа, только теперь в географию эвакуации был включён и Бакинский нефтяной район. В общей сложности в среднеазиатский регион были перемещены около 250 промысловых и перерабатывающих предприятий нефтяной промышленности (включая Казахстаннефтекомбинат)[49]. А после перекрытия противником прямого железнодорожного сообщения с центральными регионами страны Гурьев наравне с Астраханью стал перевалочной базой для доставки бакинской нефти[50].

Осенью 1942 года специальным распоряжением ГКО было отправлено «буровое и эксплуатационное оборудование с Кавказа ("Азнефтекомбинат", "Грознефтекомбинат") в нефтяные районы Волги, Урала, Казахстана и Средней Азии. С предприятиями перемещались рабочие и служащие», в т.ч. и эвакуированные ранее в Баку из Майкопнефтекомбината[51].

Таким образом, следует констатировать, что эвакуация на предприятия Прикаспийской нефтегазоносной провинции в первом периоде Великой Отечественной войны проходила с разной степенью интенсивности. В 1941 году указанный регион, в том числе Сталинградская и Саратовская области, рассматривался как тыловая зона, значительно удалённая от линии соприкосновения, в которую направлялись нефтеперерабатывающие предприятия, нефтебазы и оборудование, научно-исследовательские и опытно-конструкторские учреждения с рабочими, инженерно-техническими и научными кадрами из Украины, Крыма, Прибалтики, Северного Кавказа и Центрального региона страны. Отдельно стоит отметить роль портов, расположенных на

В 1942 году особенное значение для экономики приобрели «волжская и камская нефтяные базы, где хранились стратегические запасы горючего, доставленного из южных нефтяных районов...»

территории провинции, — Гурьева и Астрахани как наиболее удобных транзитных пунктов для морской транспортировки оборудования и нефтепродуктов из прикаспийских нефтяных районов. Наступление немецко-фашистских формирований к Волге, начало сражений за Сталинград и Кавказ, массированные бомбардировки Саратова, во время которых был разрушен Саратовский нефтеперерабатывающий завод, исключили западную часть провинции из числа подходящих для эвакуации территорий, а последовавшее за победой советских войск под Сталинградом начало коренного перелома в войне сняло необходимость проведения новых эвакуационных мероприятий.

Как показало исследование, Прикаспийская нефтегазоносная провинция не стала ключевой территорией для перебазирования нефтяной промышленности из западных районов СССР. В числе причин следует отметить слабую разведанность нефтегазовых месторождений провинции, сосредоточенность добывающих мощностей преимущественно в Урало-Эмбинском нефтяном районе, где ещё не было развитой транспортной и социально-бытовой инфраструктуры, способной принять и разместить большое количество производств и работавших на них кадров с их семьями. Кроме того, промыслы Казахстаннефтекомбината были ценны за счёт уникальных характеристик добывавшейся нефти, а не за счёт её количества. Эти факторы, а также ставка правительства на освоение Волго-Уральской нефтегазоносной провинции («Второго Баку»), стремление к территориальной диверсификации нефтяного производства, необходимость которой стала очевидной с первых дней войны, а также превращение ряда регионов провинции к 1942 году из тыловых территорий в места ожесточённых боестолкновений предопределили второстепенную роль провинции в приёме эвакуировавшихся объектов советской нефтяной отрасли.

Тем не менее предприятия Прикаспийской провинции приняли достаточное количество организаций и специалистов-нефтяников. Отдалённость Урало-Эмбинского нефтяного района, как и предполагалось прогнозами, стала защитой для объектов нефтяной промышленности, которые не страдали от действий вражеской авиации. Это в совокупности с предпринятыми организационными мероприятиями и усилиями нефтяников позволило существенно увеличить добычу нефти в провинции и тем самым дать военной экономике редкие сорта нефти, использовавшиеся в изготовлении требовавшихся Красной армии высокооктановых нефтепродуктов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-03314 «Трансформация управленческо-экономического механизма освоения ресурсной базы Прикаспийской нефтегазоносной провинции в конце XIX в. — первой половине XX в.».

Примечания

[1] *Лисичкин С.М.* Очерки развития нефтедобывающей промышленности СССР. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 428 с.

[2] *Пробст А.Е.* Топливо и Отечественная война. М.: Госпланиздат, 1945 (Калуга: Тип. им. Воровского). 72 с.; *Грановский Е.Л.* Сырьё и топливо в Отечественной войне. М.: Госполитиздат, 1943. 64 с.; *Будков А.Д., Будков Л.А.* Нефтяная промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Недра, 1985. 248 с.; *Кантор Л.М.* Промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, 1991. 93 с.

[3] Нефтеперерабатывающая и нефтехимическая промышленность СССР к 50-летию Октября. М.: [Б.и.], 1967. 241 с.

[4] *Лапанович С.Ф.* Создание высших чрезвычайных органов по эвакуации материальных и людских ресурсов из западных регионов СССР в начальный период Великой Отечественной войны // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2014. № 1(27). С. 163—166.

[5] *Сергомасов М.Ю.* Чрезвычайные органы государственной власти в годы Великой Отечественной войны // Вестник факультета управления и права Коломенского института (филиала) ФГБОУ ВПО Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ). 2015. № 10. С. 28—35.

[6] *Савченко Д.П.* Военно-организаторская деятельность А.Н. Косыгина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 202—210; *Антипин Л.Н.* Деятельность А.Н. Косыгина в годы Великой Отечественной войны // Известия Международной академии аграрного образования. 2015. № 23. С. 172—176.

[7] *Потёмкина М.Н.* Организационный опыт эвакуации промышленных предприятий в 1941—1942 гг.: проблемы и результаты // Уральский исторический вестник. 2025. № 1(86). С. 62—70.

[8] *Полковников И.Д.* Система чрезвычайных органов власти СССР в период Великой Отечественной войны // Сборник трудов. Симферополь: КФУ имени В.И. Вернадского, 2020. С. 158—169; *Микоян А.И.* В Совете по эвакуации // Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 31—38.

[9] *Николенко А.В.* Социальная защита эвакуированного населения. 1941—1945 гг. (на материалах Архангельской обл.) // Там же. 2010. № 7. С. 35, 36.

[10] *Учватов П.С.* Деятельность Совета Народных Комиссаров Мордовской АССР по приёму и размещению эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 124—130.

[11] *Снегирёва Л.И.* Эвакуация населения и железнодорожный транспорт в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 2(155). С. 21—30.

[12] *Кошкина О.А.* Организация эвакуации населения в годы Великой Отечественной войны (на материалах Марийской АССР) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 1(40). С. 7—14.

[13] *Ермекбай Ж.А.* Из истории эвакуации гражданского населения в Казахстан в годы Великой Отечественной войны // Вестник Омского государственного университета. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 8. № 1(29). С. 16—22.

[14] *Кабирова А.Ш.* Эвакуация гражданского населения в Татарскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 2(18). С. 132—141.

[15] *Мелехова Ю.А.* Исторический опыт организации приёма и обустройства эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (на примере Алтайского края). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Барнаул, 2016. 27 с.

[16] *Рихерт С.Н.* Эвакуация детей из г. Москвы: проблемы бытовой адапта-

ции (на примере Саратовской обл.) // Достижения вузовской науки. 2016. № 23. С. 8—12.

[17] *Зыкин И.В.* Эвакуация предприятий по глубокой переработке древесины в 1941 г.: приоритеты и решения // Уральский исторический вестник. 2025. № 1(86). С. 71—79.

[18] *Белгородский В.С., Дембицкий С.Г., Гаврилов А.Ю., Околотин В.С.* Эвакуация предприятий текстильной и лёгкой промышленности во втором полугодии 1941 г. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. 2022. № 3 (53). С. 26—39.

[19] *Иголкин А.А.* Эвакуация предприятий нефтяной промышленности в период Великой Отечественной войны // Нефтяное хозяйство. 2007. № 5. С. 140—143; *Гайрабеков А.Я., Ещенко Ю.Г.* Деятельность центральных органов власти по сохранению промышленного потенциала Грозненского нефтяного района в период Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2021. № 12-1. С. 4—15.

[20] *Потёмкина М.Н.* Опыт интеграции эвакуированного промышленного оборудования в экономику Уральского тыла (осень 1941 — весна 1942 гг.) // Технологос. 2024. № 2. С. 51—59.

[21] *Королёв М.Ю.* Вывод из строя объектов нефтяной промышленности в условиях приближающегося фронта // Вестник Московского государственного университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2019. № 3. С. 123—139.

[22] *Соколов А.К.* Советское нефтяное хозяйство, 1921—1945 гг. М.: Институт российской истории РАН, 2013. 279 с.; *Иголкин А.А.* Советская нефтяная политика в 1940—1950 гг. М.: Институт российской истории, 2009. 323 с.; Нефтегазовый комплекс в годы Великой Отечественной войны: [в 4 вып.]. М.: Б.и., 1995; *Зайнетдинов Э.А.* Нефть Победы. Уфа: ЮША, 2016. 201 с.

[23] *Славкина М.В.* Влияние отечественного нефтегазового комплекса на модернизационные процессы в СССР — России: 1939—2008 гг. Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2013. 503 с.; *Ахриев А.М.* Нефтяная промышленность на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000. 135 с.; *Рассохина О.В.* Топливная промышленность Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: на материалах Куйбышевской и Саратовской обл. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2002. 195 с.

[24] Протокол заседания ГКО СССР от 3 июля 1941 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 2. Д. 1. Л. 115—116.

[25] Постановление ГКО СССР № 99сс «Об эвакуации промышленных предприятий» от 11 июля 1941 г. // Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 39.

[26] Постановление ГКО СССР № 1066с «Об образовании Комитета по разгрузке железных дорог» от 25 декабря 1941 г. // Там же. Д. 17. Л. 176.

[27] Постановление ГКО СССР № 1922 «Об образовании при Государственном Комитете Обороны Комиссии по эвакуации» от 22 июня 1942 г. // Там же. Д. 40. Л. 54.

[28] Постановление СНК СССР № 1718-786сс «О мобилизационном народно-хозяйственном плане на III квартал 1941 г.» от 30 июня 1941 г. // История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900—1963: документы и материалы. Т. 5. Ч. 1. Оборонно-промышленный комплекс СССР в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — 1945). М.: Книговек, 2020. С. 85—93.

[29] Постановление ГКО СССР № 333сс «О мероприятиях по развитию добычи и переработки нефти в восточных районах СССР и Туркмении» от 30 июля 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 5. Л. 94.

[30] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 254. Л. 9.

[31] Там же. Л. 41.

[32] Там же. Л. 25.

[33] Там же. Л. 39.

[34] Там же. Л. 38—41.

[35] Там же. Л. 1—2.

[36] *Бодрова Е.В., Калинов В.В.* Положение в нефтяной отрасли накануне Великой Отечественной войны: достижения и просчёты // Научный диалог. 2021. № 11. С. 311.

[37] Постановление ГКО СССР № 847сс «Об эвакуации Майкопнефти и Грознефти» от 28 октября 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 13. Л. 84—88.

[38] Там же. Л. 85.

[39] ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 254. Л. 18.

[40] Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии» от 16 августа 1941 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов за 50 лет в 5 т. Т. 3. 1941—1952. М.: Политиздат, 1968. С. 46.

[41] Там же.

[42] ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 254. Л. 22.

[43] Там же. Л. 20.

[44] Там же. Д. 255. Л. 70.

[45] Там же.

[46] Там же. Л. 71.

[47] *Будков А., Будков Л.* Нефтяной тыл страны в годы Великой Отечественной войны // Нефтяник. 1975. № 5. С. 3.

[48] Там же.

[49] *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1947. С. 41.

[50] Постановление ГКО СССР № 2269 «Об увеличении пропускной способности Ашхабадской, Ташкентской, Оренбургской и Туркестано-Сибирской железных дорог для обеспечения вывоза нефтепродуктов из Красноводска и Гурьева» от 7 сентября 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 55. Л. 110—115.

[51] Постановление ГКО СССР № 2325сс «О мероприятиях по всемерному форсированию увеличения добычи нефти в Казахстаннефтекомбинате, Молотовнефтекомбинате и в трестах “Бугурусланнефть”, “Сызраньнефть”, “Ишимбайнефть”, “Таймазанефть”, “Туркменнефть”, “Калининнефть”, “Ворошиловнефть”» от 22 сентября 1942 г. // Там же. Д. 57. Л. 60—105.

Yu.G. Yeshchenko

«IN THE EVENT OF A WITHDRAWAL OF OUR UNITS, BLOW UP THE REMAINING OIL TANKS...»

Evacuation of oil industry enterprises to the territory of the Caspian oil and gas province in 1941—1942

Information about author. *Yulia Yeshchenko — senior researcher at the Center for the Study of the History of the Lower Volga Region of the Soviet Period at Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Cand. Sc. (Hist.), associate professor, candidate for the degree of D. Sc. (Hist.) (city of Astrakhan. E-mail: pushistik_yuliya@mail.ru).*

Summary. *The onset of World War II posed a pressing challenge for the Soviet leadership, requiring swift relocation of numerous industrial facilities, including those in the oil sector. Oil was a vital resource for sustaining production and defense capabilities. This paper explores the relocation of these facilities to the Caspian region, encompassing the Lower Volga and western regions of Kazakhstan, during the period from 1941 to 1942. Through examination of decrees and orders issued by emergency authorities, such as the State Defense Committee and the Evacuation Council under the Council of People's Commissars of the USSR, which are preserved in the State Archives of the Russian Federation and the Russian State Archive of Socio-Political History, authors have identified the regions that were evacuated due to oil facilities, as well as the specifics of their relocation to enterprises in the Caspian oil and gas region. This data pertains to the conversion of certain regions from a rear area to a frontline during this timeframe. It is stated that the specific nature of the oil industry's development in this area and the government's focus on accelerating the development of resources in the Volga-Ural oil and gas region predetermined the secondary role of the Caspian Sea oil and gas province in receiving facilities evacuated from the country's oil industry.*

Keywords: *Great Patriotic War of 1941—1945; Caspian oil and gas province; oil industry; evacuation; emergency authorities; Glavneftesbyt; L.M. Kaganovich; N.M. Shvernik; M.I. Kormilitsyn.*

В.В. Запарий,
Д.В. Шуняков

«НЕМЕЦКАЯ РАЗВЕДКА СНАБЖАЕТ АГЕНТОВ СОВЕТСКИМИ ПОДДЕЛЬНЫМИ ОРДЕНАМИ И МЕДАЛЯМИ, УДОСТОВЕРЕНИЯМИ...»

Меры органов НКВД в борьбе с немецкими диверсантами в годы Великой Отечественной войны

Сведения об авторах. *Запарий Владимир Васильевич — профессор кафедры истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, заслуженный работник высшей школы РФ, доктор исторических наук, профессор (г. Екатеринбург. E-mail: vvzap@mail.ru);*

Шуняков Дмитрий Викторович — заместитель начальника отдела архивного хранения Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кандидат исторических наук (г. Екатеринбург. E-mail: konigsberg039@mail.ru).

Аннотация. *В статье рассмотрена малоизвестная страница Великой Отечественной войны, связанная с борьбой разведок, которая выразилась в производстве немецкими разведывательными службами советских наград для легализации немецких диверсантов, забрасывавшихся в советский тыл. Несмотря на старания германских медальеров, поддельные награды имели множество недостатков, которые позволяли отличить их от подлинных. Тем не менее это стало косвенным признанием нашими врагами важности и эффективности наградной системы в Красной армии.*

Ключевые слова: *контрразведка; Смерш; борьба с диверсиями в тылу; военная наградная система СССР; немецкие диверсанты; поддельные награды; Великая Отечественная война.*

Великая Отечественная война, 80-летие Победы в которой отмечалось в прошлом году, отличалась не только беспрецедентным масштабом вооружённого противостояния на линии боевого соприкосновения, но и размахом разведывательно-диверсионной деятельности в прифронтовых районах и глубоком тылу. Для легализации резидентуры фашистские спецслужбы, кроме всего прочего, широко применяли советские наградные знаки и документы, в т.ч. поддельные.

Основной источниковой базой статьи послужили рассекреченные материалы из фондов Центрального архива ФСБ России (ЦА ФСБ России) и опубликованные в сборниках документов[1]. Надо подчеркнуть, что в значительной степени представлены документы, раскрывающие оперативную деятельность агентов на местах. В то же время содержание личных дел задержанных диверсантов остаётся недоступным для изучения.

Материалы сборников для служебного пользования, изданных в годы Великой Отечественной войны, свидетельствуют о широком размахе фальсификации германскими спецслужбами советских наградных знаков и документов. При этом применялись поддельные или комбинированные наградные знаки. Занесение индивидуальных идентификаторов орденов и медалей в документальные источники заставляло использовать фиктивные документы даже при наличии оригинальных наград[2].

Установлено, что совершенствование наградной системы привело к резкому увеличению отличий в оформлении и идентификации орденов и медалей. Тем не менее германские спецслужбы наладили собственное изготовление поддельных советских наград[3].

Выявлялись немецкие агенты по различным отличительным признакам, среди которых важное место занимали советские награды. Для распознания подлинности награждения проверялись следующие типы источников: вещественные, письменные и изобразительные. К вещественным источникам относились наградные знаки — ордена, медали. Письменными источниками являлась документация, подтверждавшая факт награждения, — удостоверения личности начальствующего (офицерского) состава, красноармейские (краснофлотские) книжки, книжки (удостоверения) к орденам и медалям, грамоты, временные удостоверения на невручённые награды, проездные билеты к орденской книжке, купоны на материальные выплаты кавалерам наград. Сюда же относится делопроизводственная документация — выписки из приказов, справки, извещения-уведомления о награждении. Наконец, к изобразительным источникам относились публикации (вырезки) в печатных изданиях указов (приказов) о награждении, изо-, фотопортреты награждённых.

В значительной степени подделка письменных источников облегчалась состоянием делопроизводства в советских Вооружённых силах. В довоенный период у каждого ведомства, составлявшего Вооружённые силы (НКО, НКВМФ и НКВД), имелся собственный образец служебной книжки красноармейца (краснофлотца). Причём в личных документах отсутствовала фотография владельца, за исключением образца НКВМФ. Тем не менее во всех образцах обязательно имелись графы, куда вписывались полученные награды с указанием номеров и дат награждения. Изготовленные в различных типографиях книжки имели определённые отклонения от стандартного образца. Кроме того, приказом НКО СССР № 171 от 20 июня 1940 года их полагалось сдавать в штаб при убытии формирова-

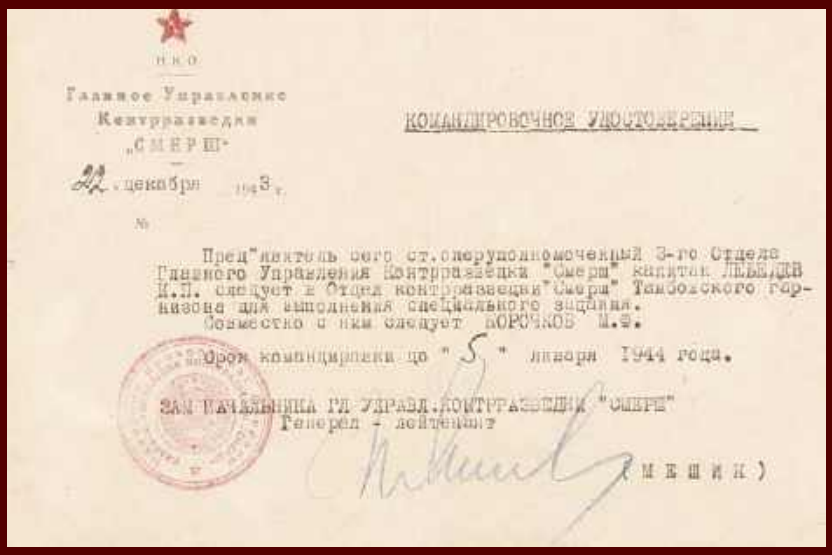
Сотрудники ОКР «Смерш» 33-й армии 1-го Белорусского фронта
Берлин, 24 мая 1945 г.

Диверсанты немецкого полка «Бранденбург 800» в советской форме
Лето 1941 г.

Допрос офицерами Смерша немецкого солдата, взятого в плен разведчиками 49-й гвардейской стрелковой дивизии
1943 г.

НКО

Главное Управление
Контрразведки
„СМЕРШ"

КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

22. декабря 1943 г.

№

Пред"явитель сего ст.оперуполномоченный 3-го Отдела Главного Управления Контрразведки "Смерш" капитан ЛЕБЕДЕВ И.П. следует в Отдел контрразведки "Смерш" Тамбовского гарнизона для выполнения специального задания.
Совместно с ним следует ЮРОЧКОВ М.Е.

Срок командировки до "5" января 1944 года.

ЗАМ НАЧАЛЬНИКА ГЛ УПРАВЛ.КОНТРРАЗВЕДКИ "СМЕРШ"
Генерал - лейтенант

(ШЕШИН)

Командировочное удостоверение сотрудника Главного управления контрразведки «Смерш» от 22 декабря 1943 г.

Подготовка группы диверсантов на базе абвера «Ладога»
1942 г.

Сотрудники отдела контрразведки «Смерш» 378-й стрелковой дивизии
Волховский фронт, июль 1943 г.

ния (военнослужащего) в район боевых действий[4].

Предвоенная нормативная база, а также обстановка начального периода войны привели к отсутствию удостоверяющих документов у многих военнослужащих. Весьма красноречив приказ НКО № 330 от 7 октября 1941 года: «Противник воспользовался этим беспорядком… немало болтающихся людей в тылах… одетых в красноармейскую форму, являются агентами… передающими сведения о наших частях, борьба с которыми невозможна по причине отсутствия документов у бойцов Красной Армии, чтобы можно было отличить своих людей от агентуры противника». Этим же приказом был установлен новый образец красноармейской книжки с фотографией владельца. Личный документ предписывалось всегда иметь при себе[5].

Несмотря на приказ, одномоментно обеспечить миллионы военнослужащих новыми документами не удалось. Ситуацию усложнял перевод военнослужащих между ведомствами с различными образцами документов. Повсеместной являлась практика выдачи документов предыдущего образца, а также оформления в произвольной форме документов, удостоверявшихся подписью должностного лица и печатью воинского формирования (учреждения).

В служебной записке № 344/м от 27 мая 1943 года нарком государственной безопасности В.Н. Меркулов докладывал И.В. Сталину об отсутствии регламентированных образцов важных документов (командировочных удостоверений, пропусков, денежных и продовольственных аттестатов, а также документов, подтверждавших факт награждения орденами и медалями), что облегчало иностранной разведке изготовление любых документов для легализации агентуры[6].

Введение в 1943 году формализованных образцов документов, а также изменение

приказом НКО СССР № 0105 от 6 февраля 1943 года[7] системы условных наименований войсковых формирований (номера полевой почты из неповторявшихся пятизначных чисел) существенно затруднили деятельность спецслужб противника. Скажем, в докладной записке начальника ГУКР «Смерш» В.С. Абакумова № 122/а от 30 мая 1943 года говорится, что у задержанного 28 мая агента № 135, он же «Григорьев»[8], изъяты фиктивные документы (в т.ч. наградные) на имя трёх офицеров, а также 50 незаполненных бланков различных документов (командировочные предписания, аттестаты и др.). Все бланки устаревших форм. Из-за чего агент не мог ими воспользоваться и испытывал затруднения[9].

В мае 1943 года был издан сборник НКГБ СССР «Материалы по распознаванию подделных документов». В нём указывалось, что подделки применяются частичные и полные. К частичной относятся подлинные документы, в которые вносятся новые данные путём подмены фотографий, подчисток текста и приписок. Самым распространённым видом является полная подделка путём копирования оригиналов с помощью фотолитографии и фоторепродукции. При этом копии отличаются от оригинала искажением букв и других типографских знаков, иным сортом бумаги, расплывчатыми печатями и т.п.[10]

Ситуация с вещественными источниками менялась по мере совершенствования советской наградной системы. В ходе первого этапа количество наград и награждений было невелико. За первые полтора года войны (до 1 января 1943 г.) было произведено лишь 427,7 тыс. награждений орденами и медалями, или 3,5 проц. от общего количества награждённых в боях с немецкими захватчиками (более 12 млн)[11]. Наличие на боевой линии и в тыловом районе военнослужащих без награда не вызывало подозрения. Количество вражеских агентов с орденами или медалями было незначительным. При этом использовались оригинальные наградные знаки, изъятые у погибших, пленных или в оставленных при отступлении Красной армии имуществе и документах.

В.С. Абакумов

В ходе второго этапа, с весны 1943 года, ситуация кардинально изменилась. Для поощрения отличившихся военнослужащих в дополнение к существовавшим на момент начала войны были учреждены 9 орденов (а с учётом степеней — фактически 18), 10 медалей (без учёта учреждённых после окончания войны), а также 22 нагрудных знака «Отличный / Отличник». Форма одежды, способ ношения орденов и медалей изменены. Учреждение новых наград и децентрализация наградного процесса привели к резкому увеличению числа отличий. В переломном 1943 году — 2,05, в 1944 — 4,3 и в 1945 ещё 5,47 млн награждений[12]. Многие были награждены многократно. Отсутствие у военнослужащего в районе боевых действий наград (за исключением новобранцев) уже выглядело необычным.

Для легализации наиболее важных агентов использовались подлинные награды. Так, у задержанного в Смоленской области 5 сентября 1944 года агента П.И. Шило, имевшего задание совершить покушение на И.В. Сталина и выдававшего себя за Героя Советского Союза майора П.И. Таврина, были изъяты подлинные медаль «Золотая Звезда» и орден Ленина казнённого в плену генерал-майора И.М. Шепетова, ордена Красного Знамени, Александра Невского, Красной Звезды и медаль «За отвагу». При этом орденские книжки

Служебное удостоверение сотрудника Смерша

Ордена Красной Звезды: подлинный (слева) и поддельный (справа)

были поддельными, равно как и сфабрикованные вырезки из газет, «подтверждавшие» награждение вышеперечисленными орденами и медалями[13].

Кроме того, заместитель начальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенант Н.Н. Селивановский ориентировкой № 45055 от 15 августа 1943 года предупреждал о том, что «немецкая разведка для легализации своей агентуры снабжает агентов советскими поддельными орденами и медалями, а также сфабрикованными временными удостоверениями»[14].

Для облегчения их распознавания была опубликована совместная брошюра НКО, НКВД и НКГБ, утверждённая народным комиссаром государственной безопасности комиссаром государственной безопасности 1 ранга В.Н. Меркуловым 24 июля 1944 года. В сборнике помещены материалы по распознаванию поддельных орденов и медалей. В отношении каждого ордена и медали параллельно дано описание подлинных и поддельных образцов, причём для облегчения распознавания подделки выделены отличительные признаки фиктивных образцов. Идентификация наград производилась следующими способами: визуальным, геометрически-весовым, лигатурой, по индивидуальному номеру и способу его нанесения[15].

Визуальный метод являлся основным в оперативной деятельности контрразведчиков. Сопоставлением идентифицируемой награды с отличительными признаками подделок, указанных в сборнике, определялась её подлинность. В этом методе сличались изображения на аверсе / реверсе, штифт, шайба штифта, наградная колодка. На поддельных орденах Ленина портрет вождя пролетариата сильно отличался от оригинала. Рисунок штамповки медалей «За отвагу», «За боевые заслуги» и «За оборону Сталинграда» имел ободок по краю аверса шире подлинного. Буквы по размеру больше, чем на оригинале. У медали «За отвагу» пушка на танке толще, обозначено отверстие в стволе. Фигура красноармейца на ордене Красной Звезды, а также медалях «За боевые заслуги» и «За оборону Сталинграда» на подделках сильно отличалась по рисунку вооружения и снаряжения от подлинного штампа[16].

Поддельные колодки орденов и медалей выполнялись иного образца и из иного материала (латунь вместо белой жести и мельхиора). Известны случаи прикрепления поддельных медалей к подлинным колодкам. Ленты наград по фактуре не соответствовали подлинным. Пошаговая резьба штифта, а также винт штифта не соответствовали образцам, изготовленным на Монетном дворе[17].

Геометрически-весовым способом сопоставлялись размер и вес объекта исследования с эталонными данными. Поддельные награды были в полтора раза легче оригинальных (в числителе вес подлинной награды в граммах, в знаменателе — поддельной): ордена Ленина — 45 / 30,5; Красной Звезды — 37,5 / 26,2—27,5; медали «За отвагу» — 29,2 / 21,5—22,3 и «За боевые заслуги» — 21,58 / 17,5. Диаметр медали «За отвагу» был меньше положенных 34 мм[18].

Лигатура — определение состава материала награды. Советские награды изготавливались из благородных металлов, поддельные — из томпака (сплава меди и цинка), были посеребрены (тонким слоем в несколько микрон) и оксидированы (тонкая оксидная плёнка, получаемая химическим путём)[19]. Сразу после изготовления изделия из серебра и томпака визуально трудно различимы. Однако со временем серебро тускнеет (из-за налёта сульфида), чего не наблюдается у изделий из томпака. Кроме того, поддельный орден Ленина изготавливался из серебра с золочением. Изображение В.И. Ленина быстро тускнело, чего не случалось у подлинника, изготовленного из платины[20].

Идентификационный номер награды обязательно вписывался в документальные источники. Путём сравнения номера ордена или медали с записями в личных документах, наградных книжках, справках, запросов органов контрразведки в штабы воинских формирований устанавливалась подлинность[21].

Проверка идентифицировавшихся наград производилась по отмеченным в сборнике признакам. Вначале внимание обращалось на визуальные признаки, а затем рассматривались и другие. При обнаружении подделки органы «Смерш» орденский знак, а также фиктивные наградные документы отправляли в отдел «Б» НКГБ СССР для окончательной экспертизы через Главное управление (отдел) контрразведки «Смерш» НКО (НКВМФ, НКВД) СССР[22].

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Вплоть до конца 1942 года ставка спецслужб Германии делалась на многочисленную, ускоренно подготовленную агентуру (так называемые однодневки). Вследствие небольшого числа награждений в советских Вооружённых силах, количество фашистских агентов, имевших награды, было ограниченным. При этом использовались оригинальные советские орденские знаки с фиктивными наградными документами.

Столкнувшись с эффективными мероприятиями советской контрразведки, а также возросшим числом награждений в составе действующей армии (флота), немецкие спецслужбы были вынуждены изменить подход. Начиная с 1943 года наблюдалась тенденция к улучшению подготовки и оснащения агентуры. Для её легализации был налажен выпуск поддельных советских наградных знаков. Изготовленные по технологиям, принятым в фашистской Германии, они по качеству уступали советским оригиналам.

Упорядочение делопроизводства, высокий уровень медальерного производства в СССР, индивидуальные идентификаторы наградных знаков и документов создали органам советской контрразведки условия для эффективного противодействия разведывательно-диверсионной деятельности противника.

Авторы не считают результаты исследования окончательными. Многочисленные документы, раскрывающие оперативную деятельность органов разведки / контрразведки, остаются недоступными в российских и иностранных архивах. Последующее открытие архивных материалов сможет пролить свет на многие лакуны «незримой» войны.

Примечания

[1] Великая Отечественная война 1941—1945 годов в 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.; Политбюро и органы государственной безопасности: сб. документов. М.: Кучково поле. 2017. 800 с.; «СМЕРШ». 1943—1946. Главные документы и оперативные материалы / Сост. В. Долматов. М.: Комсомольская правда, 2023. 368 с.; *Позднышев Е.В., Лазаренко В.Г.* СМЕРШ в документах: каталог-справочник. Киев: Издатель Позднышев, 2013. 152 с.; Русский архив. Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13(2-1). М.: ТЕРРА, 1994. 368 с.; Т. 13 (2-2). М.: ТЕРРА, 1997. 448 с.; Т. 13 (2-3). М.: ТЕРРА, 1997. 456 с.

[2] Материалы по распознаванию поддельных документов. М.: [Б/и], 1943. 108 с.; Материалы по распознаванию поддельных орденов и медалей СССР, изготовленных немецкой разведкой. М.: [Б/и], 1944. 16 с.

[3] *Шуняков Д.В.* Развитие советской наградной системы и поощрений военнослужащих в 1941—1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2018. № 4. С. 30—37.

[4] Русский архив. Т. 13(2-1). С. 149.

[5] Там же. Т. 13(2-2). С. 111, 112.

[6] Политбюро и органы государственной безопасности. С. 592—594.

[7] Русский архив. Т. 13 (2-3). С. 63, 64.

[8] **Задорожный Василий Степанович,** старший сержант, начальник радиостанции 780-го стрелкового полка 214-й стрелковой дивизии. Попал в плен 24 июля 1941 г. в районе Великих Лук.

[9] «СМЕРШ». 1943—1946. Главные документы и оперативные материалы. С. 69, 71.

[10] Материалы по распознаванию поддельных документов.

[11] *Шуняков Д.В.* Указ. соч. С. 33.

[12] Там же. С. 35.

[13] Центральный архив ФСБ России Ф. 4ос. Оп. 2. Д. 7. Л. 4858—4862.

[14] Там же. Ф. 66. Оп. 2. Д. 16. Л. 86.

[15] Материалы по распознаванию поддельных орденов и медалей СССР, изготовленных немецкой разведкой.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] Аналогичная технология применялась при изготовлении наград фашистской Германии в период Второй мировой войны.

[20] Материалы по распознаванию поддельных орденов и медалей СССР, изготовленных немецкой разведкой.

[21] Там же.

[22] Там же.

V.V. Zapariy, D.V. Shunyakov

«GERMAN INTELLIGENCE SUPPLIES ITS AGENTS WITH COUNTERFEIT SOVIET ORDERS, MEDALS AND IDENTIFICATION CARDS...»

On the NKVD's efforts to combat German sabotage during the Great Patriotic War

Information about authors. *Vladimir Zapariy — professor at the department of Russian history, the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, D. Sc. (Hist.), professor (city of Yekaterinburg. E-mail: vvzap@mail.ru);*

Dmitriy Shunyakov — deputy head of the archival storage department of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Cand. Sc. (Hist.) (city of Yekaterinburg. E-mail: konigsberg039@mail.ru).

Summary. *This paper explores a lesser-known facet of the Great Patriotic War, focusing on intelligence operations. German intelligence agencies produced Soviet medals to legitimize their saboteurs operating in the Soviet rear. Despite the efforts of the German medal makers, the fake medals had several flaws that made them easily distinguishable from the genuine ones. Nevertheless, this was still an indirect recognition by Soviet enemies of the importance and effectiveness of the Red Army's medal system.*

Keywords: *counterintelligence; SMERSH; combating sabotage in the rear; military awards system of the USSR; German saboteurs; counterfeit awards; the Great Patriotic War.*

Г.В. Баринова,
С.Н. Климов,
К.О. Константинов

«Я ПАДУ СРАЖЕННЫМ ПОД ЭТИМ ЗНАМЕНЕМ, НО НЕ ОТДАМ ЕГО НЕПРИЯТЕЛЮ»

Русско-турецкая война 1877—1878 гг.: рефлексия социальной и исторической памяти

Сведения об авторах. *Баринова Галина Викторовна — заведующая кафедрой философии, социологии и истории Российского университета транспорта, доктор философских наук, профессор (Москва. E-mail: galina1759@mail.ru);*

Климов Сергей Николаевич — профессор кафедры философии, социологии и истории Российского университета транспорта, доктор философских наук (Москва. E-mail: klisn@mai.ru);

Константинов Калин Огнянов — преподаватель-исследователь (г. Плевен. Республика Болгария. E-mail: kalin_konstantinov@abv.bg).

Аннотация. *Статья посвящена рефлексии в общественном сознании событий Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., являющейся центром исторической памяти о совместном прошлом России и Болгарии. Несмотря на то что память об этой войне и отношение к дате 3 марта — дню подписания Сан-Стефанского мирного договора 1878 года — претерпевают трансформации, болгарский народ бережно хранит память о подвиге русских солдат и офицеров. В работе перечислены некоторые памятники, установленные в честь российской победы в этой войне на территории Болгарии с активным участием России и СССР, повествующие о человеческом самопожертвовании, героях тех лет и хранящие память о важных событиях прошлого. Особое внимание уделено мемориалу памяти болгарского ополчения и русской армии, не имеющему широкой известности, открытому в 2022 году в селе Овча-Могила по инициативе небольшой группы болгар-единомышленников на собственные средства, автором которого является житель села Атанас Миндов. Делается вывод о том, что у русского и болгарского народов, связанных общей культурой и духовными ценностями, важнейшей задачей является сохранение социальной и исторической памяти, что способно обеспечить стабильное развитие общества в целом.*

Ключевые слова: *Русско-турецкая война 1877—1878 гг.; Сан-Стефанский мирный договор; Самарское знамя; социальная память; историческая память; памятники русским воинам и болгарским ополченцам; мемориал памяти в селе Овча-Могила; братья-славяне; братушки; борьба славянских народов за свободу; Балканы; М.Д. Скобелев; И.В. Гурко; М.И. Драгомиров; Н.Г. Столетов; П.П. Калитин; П. Койчев; А. Миндов; Шипка; Плевна.*

Шипка. Стена памяти
Фото Г.В. Бариновой, 2016 г.

Пролетают годы, века, меняются эпохи, политические взгляды, общественная обстановка, но в истории любого государства и памяти народной остаются знаменательные события, даты славных военных побед, героизм и мужество воинов.

148 лет минуло с момента окончания Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., одного из крупнейших событий последней четверти XIX века не только в истории России, но и в истории Балканских стран.

Истории суждено выполнять функцию социальной памяти[1], передавая общественно значимую информацию последующим поколениям, обеспечивая формирование коллективной идентичности, сохранение духовного, героического наследия общества. Именно история позволяет народам помнить о своём прошлом, понимать причины событий, избегать повторения ошибок и строить свою идентичность на основе общего опыта.

К сожалению, сегодня история стала предметом активной фальсификации, и кому-то выгодно искажать объективные исторические факты. Но остаются памятники, выражающие признательность важнейшим событиям далёкого прошлого, повествующие о человеческом самопожертвовании, рассказывающие о славных победах русской армии и героях, защищавших не только своё отечество, но и независимость единоверцев, братьев-славян на других территориях.

Хотя русская армия по окончании Крымской войны 1853—1856 гг. в результате реформ Александра II в военной сфере была лучше обучена, вооружена и укомплектована, а баланс влияния между Российской и Османской империями к 1877 году сместился в сторону России, всё же она не была готова к новым испытаниям и потерям. Поэтому очередная война для Российского государства была нежелательна.

Восточный кризис 70-х годов XIX века обострил положение на Балканском полуострове. Волну антиосманского возмущения в европейских странах вызвали нежелание турецкого султана предоставить балканским славянам автономию, кровавое подавление турецкими войсками национально-освободительных восстаний в Боснии и Герцеговине в 1875 году, особо жестокие действия при подавлении Апрельского восстания 1876 года в Болгарии, турецкие зверства и резня славянского населения. В то время российское общество охватило желание освободить братьев-славян.

Бюст Императора. Дом-музей Александра II в Плевене
Фото Г.В. Бариновой, 2024 г.

Крупнейшее восстание болгар 20 апреля 1876 года* было жестоко подавлено регулярными турецкими войсками, к которым присоединились исламские наёмники — башибузуки. После поражения плохо вооружённых и недостаточно подготовленных повстанческих формирований турецкие войска учинили в Болгарии чудовищную расправу: православные храмы превратились в места массовых казней, а колодцы, заполненные телами убитых, стали братскими могилами; десятки городов и деревень были разграблены и преданы огню; «в результате восстания, по разным данным, погибли от 15 до 30 тыс. болгар, сожжены 80 сёл, 200 сёл полностью разграблены»[2].

Героизм и самопожертвование болгар, вступивших в ожесточённое противоборство с османскими властями, не остались без внимания европейской общественности. В августе 1876 года в одной из французских парламентских газет Виктор Гюго написал: «Необходимо привлечь внимание европейских правительств к одному факту, одному совершенно небольшому факту, который правительства даже не замечают... Подвергнут истреблению целый народ. Где? в Европе... Будет ли положен конец мучению этого маленького героического народа?»[3].

Страдания, выпавшие на долю болгарского народа, не оставили равнодушными и представителей русской интеллигенции: учёных, литераторов, общественных деятелей, в числе которых были Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский, Д.И. Менделеев, И.М. Сеченов и многие другие.

* Здесь и далее даты даны по старому стилю (все события до 1 апреля 1916 г.).

Монумент Александру II («Большой» русский памятник на Шипке)
Фото Г.В. Бариновой, 2016 г.

Фрагмент монумента Александру II. Табличка с надписью
Фото Г.В. Бариновой, 2016 г.

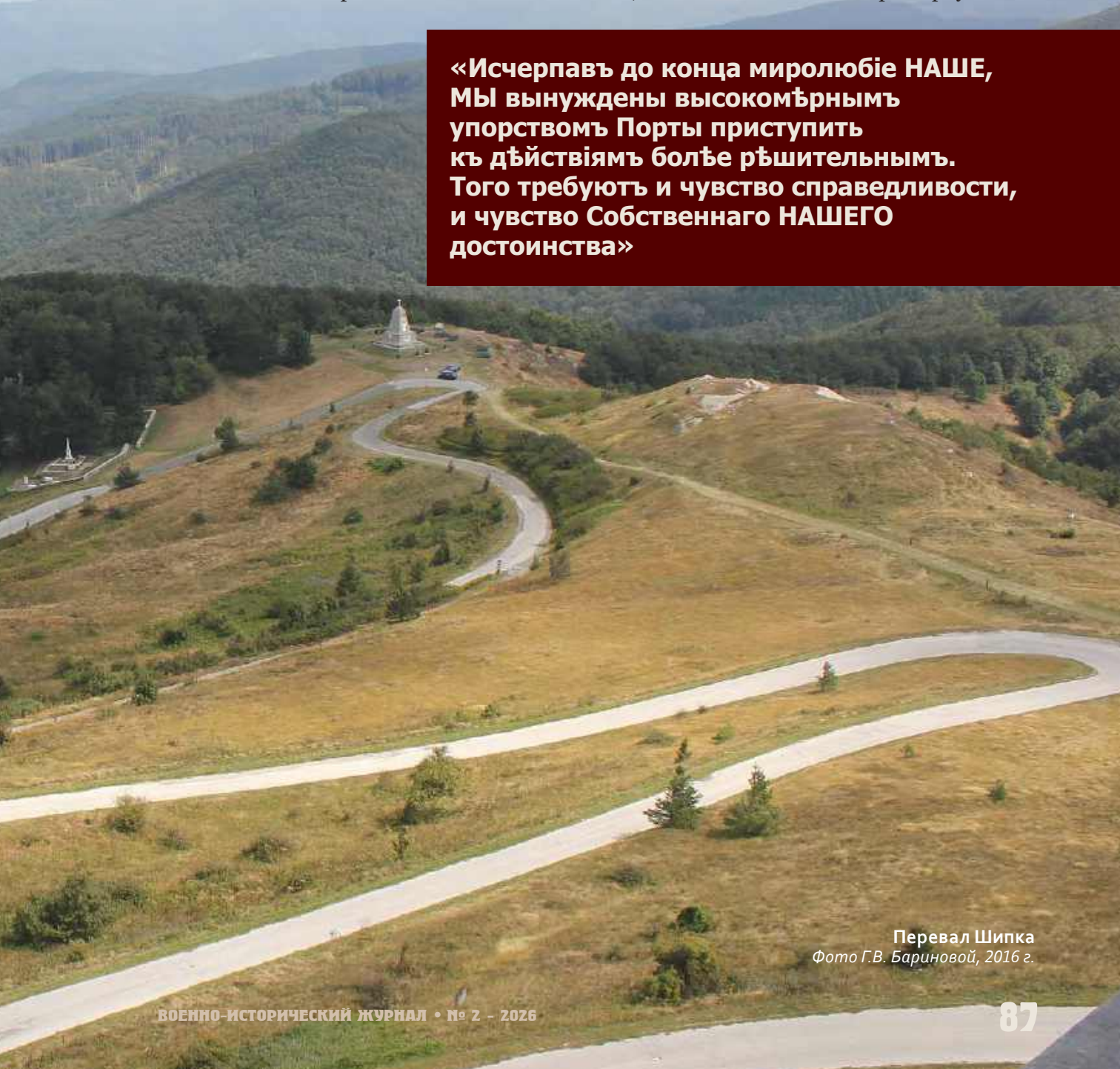

Особенно глубоко трагические события в Болгарии затронули Ивана Сергеевича Тургенева. Испытывая искреннее сочувствие к борьбе славянских народов за свою свободу, он непоколебимо верил в их грядущую победу, связывая с ней большие надежды. 21 ноября 1876 года он писал: «Болгарские безобразия оскорбили во мне гуманные чувства: они только и живут во мне – и коли этому нельзя помочь иначе как войною — ну, так война! Зарезанные болгарские жены и дети были бы не христианской веры и не нашей крови – мое негодование против турок не было бы нисколько меньше. Оставить это так, не обеспечить будущность этих несчастных людей было бы позорно — и, повторяю, едва ли возможно без войны»[4].

Обострение международных отношений, усиление национально-освободительных движений славянских народов на Балканском полуострове, массовое движение поддержки национальной борьбы, охватившее все общественные слои Российской империи, безусловно, историческое противостояние России и Турции, нарушение Турцией Аккерманской конвенции 1826 года, а также закрытие Босфора для прохода русских судов — вот совокупность основных предпосылок, которые вынудили российского императора Александр II 24 апреля 1877 года объявить войну Османской империи, подписав манифест, в котором есть такие слова: «Исчерпавъ до конца миролюбіе НАШЕ, МЫ вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуютъ и чувство справедливости, и чувство Собственнаго НАШЕГО достоинства»[5].

Разумеется, основные военные действия развернулись на

«Исчерпавъ до конца миролюбіе НАШЕ, МЫ вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуютъ и чувство справедливости, и чувство Собственнаго НАШЕГО достоинства»

Перевал Шипка
Фото Г.В. Бариновой, 2016 г.

Балканах. 27 июня 1877 года русская армия под командованием генерала М.И. Драгомирова форсировала реку Дунай, переправившись с румынского берега в районе Зимницы на болгарский берег у города Свиштов (болг. Свищов, ранее также известный как Систово). Преодолев Дунай, М.И. Драгомиров немедленно начал сражение за овладение Систовскими высотами, а к части русской армии в селе Овча-Могила, расположенном в 30 км от города Свиштов, присоединились болгарские ополченцы. В период мая — августа болгары массово стали создавать партизанские отряды для помощи россиянам в войне с османами. Объединённое русско-болгарское войско под командованием русских генералов Ф.Ф. Радецкого и Н.Г. Столетова приняло участие в боевых действиях на Шипке и, отразив ожесточённые атаки войск Сулейман-паши, одержало победу.

Наиболее известные эпизоды Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.: военная операция по форсированию Дуная под огнём врага, явившаяся ценным вкладом в развитие военного искусства не только России, но и Европы в целом; взятие крепости Плевна (Плевен), ставшее началом перелома в войне; оборона Шипки, где русские и болгарские воины показали исключительный героизм и высокий боевой дух.

В ходе Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. прославились имена многих русских солдат и офицеров. Вот некоторые из них: прапорщик Александр Соллогуб, участвовавший и в первом штурме Плевны, и в отражении наступления Осман-паши; подпоручик Александр Тюрберт, единожды выстреливший по вражескому берегу Дуная, воодушевив одним выстрелом русскую пехоту, ослабив турецкий напор; русские моряки лейтенанты Фёдор Васильевич Дубасов и Александр Павлович Шестаков, под командой которых наш десант скрытно на четырёх небольших минных катерах подошёл к турецкой флотилии и неожиданно атаковал броненосец «Хивзиль-Рахман».

Безусловно, были в русской армии и талантливые военачальники, но они, к сожалению, занимали второстепенные должности и не могли влиять на высшее командование: И.В. Гурко и М.И. Драгомиров, командовавшие дивизиями, Н.Г. Столетов — болгарским ополчением, а легендарный М.Д. Скобелев в начале войны служил вообще без должности, на положении «вольноопределяющегося генерала». Несмотря на это, самой яркой и популярной фигурой среди русских военачальников второй половины XIX века называли именно Михаила Дмитриевича Скобелева, которого за неуязвимость (всю жизнь провёл в боях, не получив ни одного ранения) И.С. Тургенев называл «наш Ахиллес»[6]. М.Д. Скобелев «главному делу своей жизни — службе Отчизне отдал себя без остатка», при жизни став настоящей легендой[7].

Герой взятия Шипкинского перевала — Иосиф Владимирович Гурко, русский генерал-фельдмаршал, в армейских кругах за силу характера и хладнокровие получил прозвища Железный Генерал и Генерал «Вперёд!»[8]. Будучи командующим Южным отрядом российских войск, Гурко 25 июня 1877 года после стремительной атаки овладел древней столицей Болгарии — Велико-Тырново. Преодолев Балканы, захватив стратегически важный Хаинкиойский перевал, его войска сразу же заняли

Памятник Свободы на перевале Шипка
Фото Г.В. Бариновой, 2016 г.

города Казанлык и Шипку[9], а несколько позже захватили и Софию. За одержанные победы командир передового отряда был удостоен чина генерала от кавалерии[10].

Михаил Иванович Драгомиров, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, вошёл в историю страны как выдающийся военный теоретик и педагог второй половины XIX века, подготовивший немало офицеров русской армии.

В 1878 году М.И. Драгомиров, возглавив Академию Генштаба, стал автором основного пособия «Учебник тактики» для обучения офицеров на протяжении более двадцати лет. В ходе своей службы он пришёл к выводу о том, что основной единицей в военном деле является человек, и, развивая эту мысль, утверждал: «В критические минуты войны, когда именно и решается “победа” или “поражение”, значение нравственной энергии рельефно выдвигается на первое место. Таким образом, в военном деле, скорее волевом, чем умовом, на первом месте стоит человек с его нравственной энергией»[11].

Демонстрируя храбрость и самоотверженность, бок о бок с русскими войсками, особенно при обороне Шипкинского перевала, сражались болгарские ополченцы. Начальником Болгарского ополчения, которое ещё предстояло сформировать, в октябре 1876 года был назначен русский генерал-майор Николай Григорьевич Столетов. К маю 1877 года он, успешно выполнив задачу, создал шесть дружин общей численностью 5000 человек и прибыл на театр военных действий на Балканы.

«В военном деле, скорее волевом, чем умовом, на первом месте стоит человек с его нравственной энергией»

В формировании болгарских дружин Н.Г. Столетову помогали болгары: Иван Степанович Иванов, кишинёвский уездный исправник, возглавлявший комиссию по приёму добровольцев, считавший главным критерием отбора не возраст бойца, а желание освободить Болгарию; Панайот Иванов Хитов, один из активных организаторов национально-освободительного движения в Болгарии против турецкого господства, позднее командовавший отрядом из 1300 болгарских добровольцев, и другие.

По численности и структуре сформированное Болгарское ополчение соответствовало приблизительно пехотной дивизии, состоявшей из бригад и дружин, командный состав которой насчитывал 136 офицеров русской армии, в том числе болгар. Среди них: подполковник Константин Кесяков, капитан Райчо Николов, поручики Пётр Алексиев, Петко Стоянов, Константин Шиваров, Атанас Узунов, Димитр Филов, Данаил Николаев, Стефан Любомски, подпоручики Стефан Кисов, Аврам Гуджев и др. Среди дружинных врачей также были болгары: Константин Бо-

Панорама «Плевенская эпопея 1877 года»
Фото Г.В. Бариновой, 2024 г.

нев, Сава Мирков, Константин Везенков, Андрей Богданов, Иван Панов, Яков Петкович[12].

Отдельно необходимо упомянуть героя Болгарского ополчения подполковника Павла Петровича Калитина. В 1876 году монахинями Самарского Иверского монастыря для участников Апрельского восстания было вышито знамя: трёхцветное полотнище — белого, алого и синего цветов, с чёрным крестом посредине, в центре которого изображён образ Иверской Божией Матери, а с другой стороны знамени — изображение святых Кирилла и Мефодия, болгарских и славянских просветителей. Болгарский подполковник С.И. Кисов в своих воспоминаниях так описывает знамя: «На алената лента — шить съ позлатена скоба, украсено съ сребърно, позлатено съ емайль, попие съ старо русски стиль; на скобата надпись: “Болгарскому народу, городъ Самара, 1876 год”»[13]. 29 апреля 1877 года на заседании Самарской городской думы было принято решение подарить это знамя болгарским дружинам. В начале мая в болгарском лагере в Плоешти самарский городской голова Е.Т. Кожевников и статский советник, член городской думы П.В. Алабин вручили знамя болгарской дружине, которой предстояло «сражаться за освобождение своего народа»[14].

Знамя встало в строй 3-й дружины Болгарского ополчения под командованием подполковника П.П. Калитина, который произнёс пророческие слова: «Я паду сраженным под этим знаменем, но не отдам его неприятелю»[15]. Подполковник Калитин геройски погиб в бою под Стара-Загорой со знаменем в руках. Вокруг тела командира «и знамени произошла жестокая свалка, в которой ополченцам удалось отбить знамя, зажатое в мертвой руке Калитина»[16].

Среди защитников знамени были Фома Тимофеев, Никола Корчев, Павел Малкия, Л. Минков, Попов, Радев, Мицов, Донев, Никола Крыстев, Николай Караев-Дудар (осетин) и др. Ополченец Филиппов в своих воспоминаниях пишет, что ополченцы «сражались за знамя как львы». Если бы полученное от русского народа самарское знамя попало в руки врага, то «это было бы позором для всей Болгарии»[17]. Подарок самарцев — боевое знамя, прошедшее славный путь от Стара-Загоры, Шипки до Шейново, пробитое пулями и пропитанное кровью болгарских и русских солдат, с перебитым древком стало святыней болгарского народа.

Ополченцы «сражались за знамя как львы». Если бы полученное от русского народа самарское знамя попало в руки врага, то «это было бы позором для всей Болгарии»

Таким образом, Болгарское ополчение сыграло важную роль в Русско-турецкой войне, став символом единства русского и болгарского народов в борьбе против османского владычества.

Освобождение Болгарии от засилья янычар — важная веха в истории, связывающей Болгарию и Россию. Мужество и героизм русских солдат и болгарских ополченцев — это общее историческое наследие, объединяющее славянские народы. Болгарский народ благодарен русскому за освобождение страны от турецкого владычества, которое длилось более пяти веков. С тех давних времён слово «братушки» — так болгары называли русских — до сих пор употребляется в болгарском языке как синоним «русский», «россиянин». Знаменитый болгарский писатель и поэт Иван Вазов в благодарность русскому народу написал стихотворение, которое так и называется — «Здравствуйте, братушки!»[18].

19 февраля (3 марта по н. ст.) 1878 года в местечке Сан-Стефано был подписан мирный договор между Российской и Османской империями, завершивший Русско-турецкую войну 1877—1878 гг., итоги которой имели особое значение для болгарского народа, впервые получившего права автономии. Ежегодно 3 марта Болгария отмечает национальный праздник — День освобождения от османского ига и воскрешения болгарского государства. Однако особо отметим, что с 2014 года российские дипломаты в Болгарии не получают приглашений на официальные церемонии по случаю праздника, а в выступлениях представителей власти на тему восстановления болгарской государственности Россия вовсе не упоминается. Не упоминается и самопожертвование 66 130 русских солдат, оставшихся лежать в болгарской земле, реже вспоминают русских добровольцев, таких как знаменитый хирург Николай Пирогов и баронесса Юлия Вревская, распродавшая своё имущество, чтобы сформировать отряд врачей и медсестёр для фронта.

Но не должно быть переписанной истории. Памятники и забота о них на протяжении 148 лет красноречиво говорят о признательности и поклонении болгарского народа подвигу сражавшихся.

В настоящее время в Болгарии многие улицы, города и сёла названы в честь русских общественных деятелей и полководцев, погибших в Русско-турецкую войну 1877—1878 гг.

Доказательством являются названия 26 городов и сёл по всей Болгарии в честь русских военных: Тотлебен, Граф Игнатьево, Суворово, Александрово, Аксаково, Калитиново, Гурково; улиц в честь генерала И.В. Гурко в 43 населённых пунктах; 6 населённых пунктов Скобелево, причём имя русского полководца носят ещё 45 улиц и проспектов в разных городах и сёлах Болгарии; в Софии есть бульвары Царя-Освободителя и генерала Эдуарда Ивановича Тотлебена, улицы графа Игнатьева, подполковника Калитина и т.д. Также имеется множество братских могил, мемориальных досок и, по разным данным, более 450 памятников, установленных в честь русских и болгарских воинов — участников войны России с Турцией.

Д. Николов выделяет две группы болгарских военных памятников, установленных в период становления Болгарского государства. Первая такая группа была воздвигнута в основном по инициативе российского правительства в память о павших в период Русско-турецкой войны офицерах и рядовых русской армии[19]. Строительство первого типа памятников было завершено в 1879 году. Согласно отчёту, составленному специальной комиссией, установили 432 памятника, из них 346 — на болгарской территории.

Вторая группа памятников — «императорские» — создавалась только после личного одобрения Александра II: «Местата за тях трябва да отговарят на няколко изисквания: да са на самата бойна линия или близо до нея; да имат добър обзор и да са близо до населени места»[20] («Места для них должны были отвечать нескольким требованиям: находиться на самом поле битвы или близко к нему; иметь хороший обзор и находиться недалеко от населённых пунктов»). Всего возвели 11 таких памятников.

По мнению Д. Николова, в настоящее время болгарские военные памятники, построенные в 1885—2023 гг., рассматриваются как символ не только национального признания воинам русской армии, но и всеобщего национального признания павшим болгарским солдатам и офицерам.

Первый памятник, воздвигнутый в 1882 году на средства русского народа в Софии, называется «Русский памятник». Он находится на пути, по которому Осман-паша бежал из Софии. На мраморной плите выбита надпись: «Въ царствованіи Александра II Императора Всероссійскаго волею и любовью его освобождена Болгарія 19 февраля 1878 г.»[21].

В 1883—1884 гг. в Софии был поставлен Докторский памятник, посвящённый подвигу врачей, фармацевтов, сестёр милосердия, санитаров, кото-

Часовня-мавзолей «Святой Георгий Победоносец». Плевен
Фото Г.В. Бариновой, 2024 г.

рые оказались жертвами той войны[22].

Самым величественным стал памятник Царю-Освободителю в Софии как выражение благодарности болгарского народа русскому в лице императора Александра II; установлен в 1903 году[23].

Самый мощный монумент — Памятник Свободы, более известный как Памятник на Шипке, официальное открытие которого состоялось в 1934 году в присутствии царя Болгарии Бориса III.

В 1903—1907 гг. по проекту молодого талантливого болгарского архитектора Пенчо Койчева в память о русских и румынских воинах, павших в битве под Плевеном, в этом городе была возведена в неовизантийском стиле часовня-мавзолей Св. Георгия Победоносца, где в саркофагах покоятся останки погибших воинов. На гранитных плитах, размещённых по углам сводов 24-метрового купола, начертаны места боёв, а с северной и южной сторон на мемориальных досках — названия русских и румынских полков с перечислением имён офицеров, расположенных по рангу, и указанием числа погибших под Плевной солдат. С русской стороны было «220 офицеров и 9503 солдата, а с румынской — 39 офицеров и 1999 рядовых»[24].

Примечательно, что трудом, воображением и талантом архитектора Пенчо Койчева были созданы не только замечательные архитектурные произведения, общественные здания, которые до сих пор являются уникальными историческими памятниками. В 1952 году он написал монографию «О монументальных памятниках Русско-турецкой войны 1877—1878 годов»[25] объёмом 170 страниц (с визуальными приложениями). Здесь дано «описание 344 памятников, мемориальных мест и музейных объектов, связанных с вышеупомянутой войной»[26]. К сожалению, Комитет по науке, искусству и культуре Болгарии, куда была отправлена рукопись, в то время отказал в публикации. Однако, несмотря на то что с момента написания монографии прошло более 70 лет, содержание её до сих пор актуально и играет важную роль в сохранении культурной и исторической памяти народа.

В день 100-летия с момента освобождения Плевны (1977) на месте значимого сражения начал свою работу необычный музей-панорама «Плевенская эпопея 1877». В г. Стара-Загора 30 июля 1977 года был открыт мемориал в честь самарского знамени, а к 130-летию освобождения страны (2008) в городе Плевен установили памятник генералу М.Д. Скобелеву.

Справедливости ради нужно сказать, что за памятниками и кладбищами русских воинов ухаживают, сохраняют их, открывают новые мемориалы, передают из уст в уста историю подвигов своим детям простые болгары: пенсионеры, инженеры, врачи, педагоги, бизнесмены, т.е. люди из совершенно разных слоёв общества. Они сохраняют артефакты, следовательно — объективную историю.

Вышеперечисленные памятники известны и болгарскому народу, и туристам. Но есть и те, что установлены в послед-

Монумент памяти в с. Овча-Могила
Фото Г.В. Бариновой, К.О. Константинова, 2024—2025 гг.

ние годы на местах сражений по инициативе небольших групп болгар-единомышленников на спонсорские и собственные средства. Они не имеют широкой известности. Один из таких мемориалов и явился поводом для написания данной статьи.

28 октября 2022 года на главной площади села Овча-Могила муниципалитета Свиштов был официально открыт и освящён Мемориал памяти Болгарского ополчения и русской армии. Его автор — Атанас Миндов (1932—2024), житель села Овча-Могила, создатель многих памятников в Болгарии, долгие годы преподававший в Великотырновском университете. Этот памятник — последняя работа Атанаса Миндова (его не стало 15 мая 2024 г.).

Среди спонсоров проекта — председатель сельскохозяйственной кооперации «Бъдеще 93» Андрей Андреев, бизнесмен Димитр Сабков (Димитър Събков), полковник Христо Милев (областной координатор национального союза «Безопастност и охрана» г. Плевен и почётный председатель содружества «Генерал Иван Винаров за град Плевен»), хаджи Иван Лучев.

На бетонном подиуме расположена композиция из трёх тел. Одно — центральное — высотой 4 м. В его верхней части указаны годы войны «1877—1878», ниже — барельеф с изображением болгарского ополченца и русского солдата, ещё ниже — скрещённые сабли, надписи «Освобождение» и «Победа» и рельефное изображение болгарского ордена «За храброст» («За отвагу»). В шестигранном объёме корпуса установлена табличка с надписью «Вечная память!».

Слева и справа от центрального тела расположены два железобетонных пилона высотой по 2,7 м каждый. На одной панели, посвящённой Болгарскому ополчению, на двух досках перечислены имена 26 ополченцев, из которых 24 бойца являлись жителями этого села. Между досками изображён лев — символ Болгарии, а ниже — таблички с названиями населённых пунктов: Овча-Могила, где находится памятник, и г. Бяла, область Русе, где во время Русско-турецкой войны располагался один из штабов русской армии.

«4 июля 1877 года первым вестником свободы стал разведывательный казачий эскадрон XIII корпуса, тепло встреченный населением»

Другая панель, состоящая из пяти элементов, посвящена русской армии. На одном элементе — короткий рассказ о встрече казачьего разведывательного эскадрона с населением села: «4 юли 1877 г. първи вестител на свободата е разузнавателен казашеи ескадрон от състава на XIII-ти корпус посрещнат радушно от насчелението» («4 июля 1877 года первым вестником свободы стал разведывательный казачий эскадрон XIII корпуса, тепло встреченный населением»).

На другом элементе представлены воинские части, которые прошли через село Овча-Могила. На доске перечислен состав XIII армейского корпуса, упоминаются 137-й Нежинский, 138-й Болховский, 139-й Моршанский, 140-й Зарайский пехотные полки и 35-я артиллерийская бригада, которые принимали участие в боях на территории Восточной Болгарии. На этой доске также указаны имя императора Александра II и 14-я пехотная дивизия под командованием генерала М.И. Драгомирова, входившая в состав VIII армейского корпуса, который принял участие в боевых действиях при Стара Загоре и Шипке. Между двумя элементами — герб России, а ниже — доски с названиями мест важнейших сражений: «Плевен» и «Шипка».

Этот памятник, освящённый митрополитом Великотырновским Григорием, официально был открыт мэром муниципалитета Генчо Генчевым. Гостями мероприятия стали руководитель политического управления начальника кабинета министра обороны, губернаторы областей Велико Тырново, Бургас, Плевен и Ловеч, ректор Национального университета имени Васила Левского, представители местных и национальных органов власти, учреждений и неправительственных организаций страны[27].

Однако здесь не было ни одного представителя России, да и акцент был сделан только на героической гибели 24 добровольцев села Овча-Могила, участвовавших в боевых действиях на Шипке, тогда как о русской армии и бесстрашии её воинов даже не упоминалось.

Так случилось, что 29 апреля 2024 года, спустя два года после официального открытия памятника, двое из авторов данной статьи (преподаватели Российского университета транспорта) стали первыми русскими, посетившими село Овча-Могила. Нас встретила небольшая делегация общественной организации «Сдружение генерал Иван Винаров». Более того, присутствовал и автор памятника Атанас Миндов. С большим воодушевлением и искренностью представлял этот монумент и рассказывал об истории его создания историк Калин Константинов.

Посещая Болгарию, бывая в разных городах, сёлах, изучая

Бюст-памятник генералу М.Д. Скобелеву. Плевен, Скобелев парк-музей
Фото Г.В. Бариновой, 2024 г.

исторические достопримечательности, порой чувствуешь бóльшую гордость за свой народ, чем в некоторых российских городах, т.к. именно здесь начинаешь осознавать, насколько важную роль играют названия городских объектов. Сердце трогает то, что имена достойных русских людей, прославивших наше Отечество, представлены в полной мере в Болгарии. Парадокс, но это действительно так. Улицы, проспекты, бульвары носят имена русских писателей, композиторов и полководцев: Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Мусоргского, Скобелева, Тотлебена и т.д. Этот список можно продолжать и продолжать...

Российский народ искренне благодарен гражданам Болгарии, которые чтут память русских воинов, павших за свободу этой страны. Вместе с тем в последние годы нагнетание Европой антироссийской, русофобской истерии имеет целью разорвать русско-болгарские связи, контакты и отношения. Официальный представитель МИД России М.В. Захарова на брифинге 27 февраля 2025 года отметила, что в Болгарии слышны предложения даже о запрете ежегодных торжественных мероприятий на Шипке и о переносе национального праздника на другую дату[28].

Так, в болгарской газете «24 часа» от 2 марта 2022 года представлены два противоположных мнения о Дне освобождения от османского ига[29]. Профессор социологии Георги Фотев выступает против празднования 3 марта как национального праздника, считая его вредным и разрушительным для национальной идентичности, полагая, что «освобождение Болгарии» — это миф, причём очень опасный. Праздник надо бойкотировать или перенести на другую дату, считает он. Второе мнение в статье высказала Искра Баева — одна из самых популярных и уважаемых в Болгарии историков, доктор истории, почётный профессор Софийского университета имени Св. Климента Охридского. Искра Баева признаёт 3 марта как национальный праздник, день почитания жертв на пути к государственности. Она делает акцент на том, что «нельзя перечеркнуть освободительную роль русской армии в XIX веке для болгар». Профессор считает, что эмоции не должны заменять историю, которую нужно уважать, поскольку она несёт знание не только о прошлом, но и о настоящем.

Между тем следует подчеркнуть, что, несмотря на политические взгляды и меняющуюся геополитику, лишь незначительное число представителей современной Болгарии осмеливаются оспаривать исторические постулаты относительно её освобождения и роли, которую сыграл при этом народ России. В Болгарии до сих пор помнят и чтут тех героев Русско-турецкой войны, что пролили свою кровь за освобождение страны от османского ига и навсегда остались в болгарской земле.

В формировании настоящего и будущего, а также в процессе самоидентификации новых поколений, социальных групп и народов ключевую роль играет социальная память как существенный элемент культуры, который обусловливает единство и устойчивое развитие общества.

Хочется надеяться, что у русского и болгарского народов, связанных общими традиционными ценностями, богатейшим культурным и духовным наследием, хватит мудрости, мужества и сил принять уроки собственной истории, помнить своих предков, которые не жалели жизней, защищая не только свои веру, род, Отечество, но и цивилизацию в целом, общую для двух народов.

Примечания

[1] Двумя взаимодополняющими и взаимообогащающими аспектами коллективной памяти являются социальная и историческая память. Социальная память — это память о событиях, обычаях, традициях и нормах, непосредственно влияющих на жизнь людей, определяющих их поведение и взаимодействие друг с другом; устно передаваясь от поколения к поколению, она формирует общие представления, социальную идентичность и поддерживает преемственность поколений. Историческая память представляет собой более формализованный и структурированный вид памяти. Историческая память, опираясь на письменные источники, исторические исследования,

установленные памятники и другие способы фиксации и интерпретации прошлого, формирует национальное сознание. То есть эта память не всегда связана с личным опытом, это память о событиях, произошедших в прошлом и имеющих значение для всего общества или государства.

[2] *Дубовик О.А.* Апрельское восстание 1876 в Болгарии // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». URL: https://bigenc.ru/c/aprel-skoe-vosstanie-1876-v-bolgarii-c2d718.

[3] *Кустов М.* На Шипке всё спокойно... 2007. 12 апреля // Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы «Столетие». URL: https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/na_shipke_vse_spokono.htm.

[4] *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Письма в 18 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); [редкол.: М.П. Алексеев (гл. ред.) и др.] М.: Наука, 2012. Т. 15. Кн. 1: Письма, 1876. С. 212. URL: https://russian-literature.org/object/10336582.

[5] Полный сборникъ оффиціальныхъ телеграммъ Восточной войны 1877 г. Первый выпускъ. Съ 11 Апреля по 15 Декабря 1877 г., включительно. СПб.: Изданіе типографіи Шредера, 1877. С. 1—2. Историческая библіотека русской цивилизаціи «Русскій порталъ». URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1877_04_12_01.

[6] *Троицкий Н.А.* Россия в XIX веке: курс лекций. Ч. 13: Русско-турецкая война 1877—1878 гг. Ч. 2: Война. 2007. 13 октября // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: https://scepsis.net/library/id_1514.html.

[7] М.Д. Скобелев — 170 лет Белому генералу. 2013. 30 сентября // МЕДИАРЯЗАНЬ. Информационное агентство. URL: https: //mediaryazan.ru.

[8] *Сухарников Е.С.* Краткий курс истории. Генерал «Вперёд!» // Российское военно-историческое общество. История. РФ. URL: https://histrf.ru/read/articles/kratkii-kurs-istorii-gienieral-vpieriod.

[9] *Гвоздев М.Г.* Иосиф Владимирович Гурко. Военный и государственный деятель. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов [Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского], 2009. С. 14.

[10] Там же. С. 16.

[11] Стратегия духа: Основы воспитания войск по взглядам А.В. Суворова и М.И. Драгомирова. М.: Русский путь, 2000 (Российский военный сборник). С. 16.

[12] Българското опълчение въ освободителната русско турска война 1877—1878. Въспоменания на запасния подполковникъ С.И. Кисовъ. София: Придврна Печатница Бр. Прошекови, 1902. С. 43—46.

[13] Там же. С. 50.

[14] *Генов Ц.* Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и подвиг освободителей / Пер. Кирилла Герасимова. София: София Пресс, 1979 // Сайт «Милитера» («Военная литература»). URL: https://militera.lib.ru/h/genov/01.html.

[15] Там же.

[16] *Радев Н.* Защитата на Шипка на 9, 10, 11 август 1877 год. и историята на първата българска военна святиня Самарското знаме. София: Издава Петъръ Ив. Григорчевъ опълченецъ, 1902. С. 112 .

[17] См.: *Генов Ц.* Указ. соч.

[18] *Вазов И.* Здравствуйте, братушки! // Портал Стихи.ру. Под эгидой Российского союза писателей. URL: https://stihi.ru/2020/03/03/28%C2%A0.

[19] *Николов Д.* Военните паметници като символ на местната памет и националната признателност // От регионалното към националното — минало, настояще, бъдеще. Сборник с доклади от научна конференция 16—17 ноември 2023 г. / Съст. и отговорен ред.: д-р Димитър Петров (РИМ — Плевен). Т. 3. Плевен: МЕДИАТЕХ — ПЛЕВЕ, 2024. С. 416.

[20] Там же. С. 418.

[21] *Вуков Н.И.* Следите на героичното време: места на памет, свързани с националноосвободителните борби (1867—1878) / Николай Иванов Вуков, Григор Харалампиев Григоров, Светла Иляева Казаларска, Валентин Красимиров Воскресенски, Николай Иванов Ненов, Ренета Петрова Рошкева, Владислав Димов Атанасов, Искрен Валентинов Великов. София: ИК «Гутенберг», 2024. С. 545.

[22] Там же. С. 539.

[23] Там же. С. 543.

[24] *Петров К.* Плевенски истории. 2018. 14 октября // Фонд «Съвременна плевенска медия». Проект «Историята на Плевен оживява». URL: https://plevenstories.wordpress.com

[25] *Бонева В.* Локална памет и национална събитийост: етюд върху непу блику ваната книга на архитект Пенчо Койчев за руските паметници от освободителната война (1952 г.) // От регионалното към националното — минало, настояще, бъдеще... С. 250.

[26] Там же.

[27] В село Овча могила беше открит и осветен «Паметник на 24 опълченци, загинали в Руско-турската война 1877—1878 г. от с. Овча могила». 2022. 28 октомври // Община Свищов [официальный сайт]. URL: https://www.svishtov.bg/v-selo-ovcha-mogila-beshe-otkrit-i-osveten-pametnik-na-24-opalchentsi-zaginali-v-rusko-turskata-voyna-1877-1878-g-ot-s-o.

[28] Национальный праздник Республики Болгария — день освобождения страны от османского ига — неразрывно связан с Россией. 2025. 24 февраля // Журнал «Консул». URL: http://www.magazineconsul.ru/news/2025/02/24/naczionalnyij-prazdnik-respubliki-bolgarii-%E2%80%93-den-osvobozhdeniya-stranyi-ot-osmanskogo-iga-%E2%80%93-nerazryivno-svyazan-s-rossiej/.

[29] Проф. Георги Фотев: Бойкот на 3 март! Проф. Искра Баева: Това е наш ден. 2022. 02 марта // 24 часа. Медийна група България. URL: https://www.24chasa.bg/mneniya/article/11006780.

G.V. Barinova, S.N. Klimov, K.O. Konstantinov

«I WILL FALL UNDER THIS BANNER SLAIN, BUT I WILL NOT SURRENDER TO THE ENEMY»

The Russo-Turkish war of 1877—1878: a reflection on social and historical memory

Information about authors. *Galina Barinova — head of the department of philosophy, sociology and history, the Russian University of Transport, D. Sc. (Phil.), professor (Moscow. E-mail: galina1759@mail.ru);*

Sergey Klimov — professor at the department of philosophy, sociology and history, the Russian University of Transport, D. Sc. (Phil.) (Moscow. E-mail: klisn@mai.ru);

Kalin Konstantinov — lecturer-researcher (city of Pleven, Republic of Bulgaria. E-mail: kalin_konstantinov@abv.bg).

Summary. *This paper delves into the public's understanding of the Russo-Turkish War of 1877—1878, which remains a pivotal part of the shared historical legacy between Russia and Bulgaria. While the perception of this conflict and attitudes towards March 3, the day the Treaty of San Stefano was signed, have evolved, the Bulgarian people continue to honor the bravery displayed by Russian soldiers and officers. The paper highlights several monuments erected in Bulgaria to commemorate Russia's triumph in the war, with active involvement from both Russia and the Soviet Union. These memorials serve as a testament to the sacrifices made and the heroes of that time, preserving the memory of significant events from the past. A special focus is on a memorial dedicated to the Bulgarian militia and the Russian army, a monument unveiled in 2022 in the village of Ovcha-Mogila, thanks to the efforts of a group of Bulgarians with similar interests. The monument was designed by Atanas Mindov, a local resident. The significance of this memorial lies in the fact that for the Russian and Bulgarian people, united by a common cultural and spiritual heritage, preserving social and historical memory is a crucial task that can contribute to the sustainable development of society as a whole.*

Keywords: *Russo-Turkish war of 1877—1878; Treaty of San Stefano; Samara banner; social memory; historical memory; monuments to Russian soldiers and Bulgarian militia; memorial in the village of Ovcha-Mogila; Slavic brothers; bratushki; the struggle of the Slavic peoples for freedom; Balkans; M.D. Skobelev; J.V. Gurko; M.I. Dragomirov; N.G. Stoletov; P.P. Kalitin; Pavel Koychev; Atanas Mindov; Shipka; Plevna.*

В.В. Бахтин,
А.А. Припадчев

«ПУСТЬ СОТНИ И СОТНИ ТЫСЯЧ ЛЮДЕЙ ПРОЙДУТ ЗДЕСЬ, ВОЛНУЯСЬ, ГОРДЯСЬ, УЧАСЬ И ГОТОВЯ СЕБЯ К НОВЫМ БОЯМ И ТРУДАМ»

Сохранение военно-мемориального наследия подвига защитников и жителей Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: от выставки к музею (1942—1945 гг.)

Сведения об авторах. *Бахтин Виктор Викторович – доцент кафедры педагогики и гуманитарных дисциплин Воронежского государственного медицинского университета имени Н.Н. Бурденко, кандидат исторических наук (г. Воронеж. E-mail: bakhtin2009@yandex.ru);*

Припадчев Андрей Александрович – доцент кафедры истории, философии и социально-политических дисциплин Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I, кандидат исторических наук (г. Воронеж. E-mail: senior.pripadcheff@yandex.ru).

Аннотация. *Целью статьи является установление степени влияния выставки «Героическая оборона Ленинграда» на патриотические настроения населения СССР. Рассматриваются проект выставки, её открытие, функционирование и историко-культурное значение. Исследование основано на документальных материалах Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга и на материалах периодической печати военного времени: центральных газет («Правда», «Известия» и др.), красноармейских («Ленинский путь», «На страже Родины» и др.), областных («Ленинградская правда»). Авторами делается вывод, что выставка «Героическая оборона Ленинграда» сыграла определяющую роль в укреплении патриотизма, активной гражданской позиции советских людей. Она нашла международный отклик и отражение в мировых средствах массовой информации. Значительную роль в популяризации выставки на международной арене сыграл английский писатель Джон Б. Пристли, посетивший её в октябре 1945 года.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; военно-мемориальное наследие; выставка «Героическая оборона Ленинграда»; Джон Б. Пристли; музей; патриотизм.*

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. — это ключевой период в истории России. Поддержание исторической памяти о Великой Победе советского народа — субстанциональная задача современного российского общества в целом и исторической науки в частности. Усилия коллективного Запада по пересмотру итогов Великой Отечественной войны направлены на обесценивание исторических заслуг СССР в разгроме нацистской Германии и милитаристской Японии. Антироссийские силы искажают историческую правду с целью уменьшения влияния нашего государства на международные геополитические события и создания напряжённости в её внутренней политической ситуации.

В августе 1945 года Ленинград посетил генерал армии США Д. Эйзенхауэр. Одной из его задач в ходе этой поездки было знакомство с событиями, происходившими в городе. Будущий президент США был поражён мужеством ленинградцев. В книге отзывов музея «Оборона Ленинграда» он записал, что музей «является наиболее замечательной военной выставкой из всех виденных мною. Героическая оборона города заслуживает увековечивания в нашей памяти в вещественном выражении — настоящий музей достойно осуществляет это»[1].

Важная роль в сохранении исторической памяти принадлежит музеям. С первых дней войны музейные сотрудники приступили к формированию военно-мемориального наследия Великой Отечественной. 15 июля 1941 года музейно-краеведческий отдел Народного комиссариата просвещения РСФСР обратился ко всем подведомственным

музеям с призывом «Об организации выставок на тему о героическом прошлом нашего великого народа»[2]. В нём подчёркивались значимость сохранения существовавших музейных ценностей и необходимость сбора материалов для создания новых выставок, посвящённых массовому героизму советского народа в борьбе с агрессором. Следует отметить, что содержание понятия «военно-мемориальное наследие» не считается конкретным в научной среде. Оно является малоизученным с теоретической, исторической и практической точек зрения и нуждается в концептуализации и глубоком научном исследовании[3].

Сохранение военно-мемориального наследия имеет глубокие исторические корни в нашей стране. Одной из первых и самых распространённых форм увековечения памяти о военных событиях в России было строительство храмов и монастырей (например, Софийский собор возведён на месте разгрома печенегов войском Ярослава Мудрого в XI в.[4], на Куликовом поле построен храм преподобного Сергия Радонежского в XX в.[5]). В XVIII веке сформировалась практика установки памятных мемориалов на местах сражений. На месте Полтавской битвы первый памятник был сооружён в 1778 году[6]. В 1839 году по указу императора Николая I был открыт памятник защитникам Отечества на Бородинском поле[7]. В начале XX века с размахом отметили два военных юбилея: двухсотлетие Полтавской битвы и столетие Отечественной войны 1812 года[8]. В честь этих событий воздвигались памятники ратной славы.

В годы Первой мировой войны 1914—1918 гг. проводилась активная работа по сохранению памяти о военных событиях. На воинских захоронениях создавались памятные знаки и мемориалы[9]. Получило широкое распространение проведение патриотических выставок[10]. В 1915 году в Петрограде была открыта выставка «Война и наши трофеи», вызвавшая подъём патриотических настроений в российском обществе[11]. Успех выставки привёл к идее создания постоянного музея, который был открыт в начале 1916 года.

Следовательно, можно утверждать, что сохранение военно-мемориального наследия в России имело богатые исторические традиции и накопленный опыт был востребован в новых исторических реалиях Великой Отечественной войны. Увековечение памяти о героическом подвиге советского народа стало одной из основ государственной политики и ключевым элементом идеологической работы[12].

В 1942 году в блокадном Ленинграде партийное руководство решило открыть патриотическую выставку о героической обороне города. В письме председателя комиссии Президиума АН СССР по делам ленинградских учреждений И.Ю. Крачковского[13] секретарю Ленинградского горкома ВКП(б) Я.Ф. Капустину[14] от 26 марта 1942 года отмечалось, что оставшиеся в Ленинграде институты Академии наук СССР фактически представляют собой единственные научные цен-

Прорыв блокады
Художники Вл.А. Серов, И.А. Серебряный, А.А. Казанцев, 1943 г.
Виртуальный Русский музей

У входа на выставку «Героическая оборона Ленинграда» в Соляном городке
9 мая 1944 г.
На страже Родины. 2024. 6 мая

Герой Социалистического Труда машинист В.И. Виноградов (слева) и начальник поезда «Красная стрела» Герой Социалистического Труда М.Г. Кардаш
Фото В.И. Капустина, 1 августа 1946 г.
ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1АР-7. Ед.хр.11846.

Осмотр посетителями выставки «Героическая оборона Ленинграда» орудия батареи старшего лейтенанта В.Ф. Амеличева
Фото Г.И. Чертова, 14 ноября 1944 г.
ЦГАКФФД СПб

тры в СССР, которые сохранили достаточное количество кадров для ведения научной работы. В четырёх институтах — Институте истории, Институте истории материальной культуры имени Н.Я. Марра, Институте востоковедения и Институте литературы — удалось сохранить значительное число высококвалифицированных историков. И.Ю. Крачковский был убеждён, что их можно привлечь к работе по предварительному сбору и систематизации материалов, связанных с историей Ленинграда в период Великой Отечественной войны[15].

Музейные работники создали несколько экспозиций: «Великая Отечественная война советского народа», «Артиллерийская выставка», «Действия партизан в Ленинградской области»[16]. Они вызвали большой общественный интерес и поддержку со стороны партийных и военных органов.

4 декабря 1943 года военный совет Ленинградского фронта принял решение о создании выставки «Героическая оборона Ленинграда», опираясь на уже имевшиеся в городе три военные экспозиции. Комплектование выставки проходило под контролем со стороны Ленинградского городского комитета ВКП(б) и политического управления Ленинградского фронта[17].

На протяжении трёх месяцев велась тщательная работа по сбору и доставке военных трофеев в Ленинград. Собирались различные реликвии, которые имели отношение к подвигам героев сражений, разнообразные материалы, отражавшие героическую борьбу ленинградцев. К разработке экспозиции выставки были приглашены ведущие художники, скульпторы, фотографы и макетировщики[18]. В результате была собрана внушительная коллекция предметов, что дало возможность организовать масштабную выставку. На ней были представлены более 10 тыс. различных экспонатов и

документов помимо огромного количества фотографий. Только крупных экспонатов, таких как самолёты, танки, орудия и миномёты, насчитывалось 169 единиц, в то время как мелкого оружия было 4444 экземпляра. Кроме того, собраны более 4000 изделий промышленности, 839 различных документов, 160 картин, портретов, панно и скульптур, среди которых 11 живописных панорам[19].

Организатором выставки «Героическая оборона Ленинграда» стал историк, научный сотрудник Государственного Эрмитажа, участник обороны Ленинграда Л.Л. Раков[20]. Дизайн разработал главный художник Н.М. Суетин[21], который получил известность благодаря оформлению советских павильонов на международных выставках в Париже и Нью-Йорке[22].

Проект выставки предусматривал 11 тематических разделов: I. Вводный раздел; II. Начало Великой Отечественной войны Советского Союза и перестройка работы на военный лад; III. Борьба на дальних подступах к городу; IV. Отражение вражеского штурма города; V. Ленинград в первый период блокады; VI. Оборона Ленинграда в период голодной блокады; VII. Ликвидация последствий голодной зимы и усиление оборонной мощи Ленинграда; VIII. Осенне-зимнее наступление Красной армии и прорыв блокады Ленинграда; IX. Год перелома в ходе Отечественной войны; X. Партизанское движение в Ленинградской области; XI. Вперёд за изгнание врага из родной земли. Смерть немецким захватчикам[23].

Торжественное открытие выставки состоялось 30 апреля 1944 года[24]. Л.Л. Раков подчёркивал, что её открытие в короткий срок стало возможно только потому, что создателям выставки помогал весь город: промышленные предприятия, научные учреждения и воинские части. «Благодаря постоянному вниманию и поддержке со стороны Военного совета фронта и Городского комитета партии удалось преодолеть все трудности и создать выставку, достойную исторической эпопеи обороны Ленинграда»[25].

На церемонии открытия выставки присутствовали: председатель исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся П.С. Попков[26], секретарь горкома ВКП(б) А.И. Маханов, секретарь обкома ВКП(б) Г.Х. Бумагин, а также представители командования Ленинградского фронта и Краснознамённого Балтийского флота. П.С. Попков отметил, что выставка иллюстрировала борьбу ленинградцев против немецко-фашистских оккупантов с первых дней Великой Отечественной войны и до полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады. По его мнению, она представляла собой музей, демонстрировавший героическую борьбу жителей города Ленина, бойцов Ленинградского фронта и моряков Краснознамённого Балтийского флота[27].

В 1945 году был издан подробный очерк-путеводитель по выставке «Героическая оборона Ленинграда», благодаря которому мы можем составить представление о содержании её 26 залов[28].

В первый день выставку посетили партийные и хозяйственные руководители города, комсомольские активисты, а также передовики производства, военнослужащие[29]. На следующий день газета Ленинградского военного округа «На страже Родины» посвятила выставке целую полосу, где были размещены фотографии и отзывы авторитетных посетителей. В частности, Герой Социалистического Труда М.Г. Кардаш[30] высказал своё мнение: «Выставка “Героическая оборона Ленинграда” — триумф города-героя. Она ярко и красочно рассказывает о самоотверженной борьбе воинов труда и воинов фронта, сплочённых партией большевиков в единую боевую семью»[31]. Особое его внимание привлекли экспозиция, посвящённая Дороге жизни, и экспонаты, относившиеся к деятельности железных дорог: «Мне как железнодорожнику много раз приходилось быть начальником поезда, который переправлялся через этот мост, находившийся почти всегда под огнём врага. Я долго стоял у макета этого моста. И снова вспомнились героические дни, когда люди города Ленина действовали, точно бойцы на передовых позициях»[32].

«Кисти партизанских художников запечатлели злодеяния немецких оккупантов на ленинградской земле. Пылают мирные деревни… Немцы убивают, вешают…»

Авторство второй публикации — «В партизанских залах» принадлежало Герою Советского Союза И.И. Сергунину[33]. В период с 1943 по 1944 год Иван Иванович являлся комиссаром 5-й Ленинградской партизанской бригады. Он делился с читателями своими впечатлениями от посещения выставки: «Уже при входе в залы партизанского отдела выставки “Героическая оборона Ленинграда” видишь знакомые, самим пережитые картины»[34]. У участника партизанского движения особые эмоции вызвали факты геноцида советского народа нацистами и их пособниками. И.И. Сергунин описывал свои переживания от увиденного: «Кисти партизанских художников запечатлели злодеяния немецких оккупантов на ленинградской земле. Пылают мирные деревни… Немцы убивают, вешают…»[35].

В одном из залов партизанского павильона был воссоздан лесной лагерь, в другом — показаны боевые операции партизан 5-й (командир — К.Д. Корицкий[36]) и 6-й (командир — В.П. Объедков[37]) бригад. И.И. Сергунин выделял особые экспонаты: витрину с вещами немецкого генерала Ричарда Вирту и подпольную газету с заметкой разведчика 67-го отряда 4-й Ленинградской партизанской бригады Л.А. Голикова[38] «Как мы убивали немецкого генерала»[39]. В заключение автор заметки резюмировал: «Уходя с выставки, ленинградец узнает, как партизаны помогали освобождать великий город от блокады. Он узнает многое о нашей партизанской жизни и запомнит итоги нашей борьбы»[40].

Третья публикация — майора К. Аренина «Один из 10 000. История экспоната»[41] — посвящена истории обезвреживания одной из бомб, представленных на выставке. Рассказав об этом, автор отметил: «На стенде около бомбы можно увидеть и портрет скромного советского офицера А. Ханукаева, горного инженера по специальности, обезвредившего в Ленинграде 230 неразорвавшихся фашистских бомб и крупных артснарядов»[42].

Среди первых посетителей был военный корреспондент газеты «Правда» В.В. Вишневский[43], который опубликовал обширную статью «Рассказ о героической эпопее»[44]. Он подчёркивал, что выставка «Героическая оборона Ленинграда» — это итог долгой борьбы города. Автор выразил уверенность, что она станет одной из достопримечательностей города: «Большая, незабываемая выставка. Пусть сотни и сотни тысяч людей пройдут здесь, волнуясь, гордясь, учась и готовя себя к новым боям и трудам»[45].

Выставка вызвала огромный интерес у жителей и гостей города. В течение месяца её посетили 100 тыс. человек[46]. Экспозиция выставки постоянно расширялась и пополнялась. В ноябре 1944 года открылся новый отдел, посвящённый боевым действиям инженерных войск Ленинградского фронта[47]. В декабре того же года дирекция выставки приобрела 120 работ художника гвардии лейтенанта С.И. Левенкова[48]. В их числе были серия портретов защитников города, зарисовки с натуры отдельных эпизодов боя, батальные картины[49].

Выставку посещали и зарубежные гости. В частности, сенаторы от Республиканской партии США Фрэнсис Болтон и Карл Мундт[50], а также делегация американских профессиональных союзов во главе с Джеймсоном Кэри[51]. Гости из США выезжали и в г. Пушкин, где они увидели разрушения, причинённые дворцово-парковому ансамблю «Царское Село» немецко-фашистскими захватчиками[52].

Все они высказали положительные отзывы о выставке. Сенатор Карл Мундт заявил журналистам: «Будучи проездом в Берлине, мы встретились с генералом Д. Эйзенхауэром, и он сказал, чтобы мы в Ленинграде обязательно посетили выставку, посвящённую обороне города. Мы были на этой выставке и очень взволнованы виденным»[53]. Делегация Конгресса производственных профсоюзов США посетила выставку 16 октября 1945 года. Вице-председатель конгресса, председатель ЦК союза рабочих горнорудной промышленности

Пушкин. Дворец. Главная лестница после разрушения
Художник М.П. Бобышов, 1945 г.
Виртуальный Русский музей

Р. Робинсон в своём выступлении сказал: «На выставке, посвящённой героической обороне Ленинграда, мы видели много ярких документов, свидетельствующих о великих заслугах ленинградцев... Обо всём виденном и слышанном мы расскажем нашим соотечественникам. Мы обещаем, что у себя в Америке приложим усилия к тому, чтобы наша дружба была длительной и прочной!»[54]. Вице-президент Конгресса производственных профсоюзов США, председатель ЦК союза моряков Д. Кэррен в книге посетителей написал: «Героическая борьба ленинградцев навсегда записана в историю как пример, вдохновляющий весь мир и доказывающий, что свободный народ никогда не может быть побеждён»[55].

Посетил выставку и английский писатель Джон Бойнтон Пристли[56]. В 1945 году его вместе с супругой пригласили в СССР в качестве гостей Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (сокращённо — ВОКС). 10 сентября 1945 года на Центральном аэродроме Москвы их встречали заместитель председателя правления ВОКС А.В. Караганов, член правления ВОКС Л.Д. Кислова и другие официальные лица[57]. Для гостей был организован торжественный приём, на котором присутствовали известные деятели науки и культуры, в т.ч. писатели М.А. Шолохов, Н.С. Тихонов, С.Я. Маршак. За полтора месяца своего пребывания в СССР писатель посетил Москву[58], Киев[59], Тбилиси[60], Ереван[61], Сухуми[62], Сталинград[63] и Ленинград[64].

Джон Б. Пристли после посещения выставки «Героическая оборона Ленинграда» был поражён масштабом трагедии и одновременно восхищён героизмом ленинградцев в годы блокады: «Я счастлив, что нахожусь в вашей стране. Я говорю со всей искренностью, что такой молодёжи, как советская, нет во всём мире, что советская страна лучшая страна для молодёжи. Я непременно ещё раз буду вашим

И.И. Сергунин

гостем. Рад и горжусь дружбой с вами»[65]. Завершая своё пребывание в СССР, английский писатель заявил, что «лучшая политика сегодняшнего дня — это политика наибольшего сближения, постройка новых мостов между нашими странами»[66].

Впечатления, полученные в Ленинграде осенью 1945 года, нашли отражение в очерке Дж.Б. Пристли «Ленинград», вошедшем в сборник путевых заметок 1946 года «Поездка в Россию»[67] (работа была переиздана в 1988 г. под названием «Заметки на полях»)[68]. Писатель уделяет теме блокады Ленинграда особое место. Полученная на выставке наглядная информация дала основание для оценки значимости подвига ленинградцев в военное время. Он писал: «Двести пятьдесят тысяч человек отдали свои жизни ради спасения Ленинграда. Вдумайтесь в это как следует. Самая жестокая в мире дисциплина не может заставить людей приносить такие жертвы: полумертвых от голода носить боеприпасы рабочим, ставшим солдатами; не щадя сил, делать всё возможное и невозможное во имя победы; бежать из плена и целые годы сражаться в тылу врага — на это идут добровольно»[69]. В 1946 году масштаб жертв блокады признавался в количестве 250 тыс. человек, к сожалению, в настоящее время число погибших увеличилось. Согласно имеющимся в нашем распоряжении данным, общее количество жертв блокады Ленинграда, не включая число эвакуированных в промежуток между летом 1942 и январём 1944 года, составило не менее 1 093 842 человек[70].

Вызывают интерес рассуждения Джона Б. Пристли о силе духа русских: «Блокада Ленинграда продолжалась девятьсот дней. Да, русские суровы, и, конечно, их правительство было беспощадно к изменникам и трусам. Но страх не может заставить человека проявлять преданность и героизм. Он должен всей душой верить в то, что он защищает. Ошибка Гитлера заключалась в том, что он считал, будто советский режим навязан русским силой, и они не станут его защищать. Есть люди, которые до сих пор это повторяют. Им надо приехать на несколько дней в Ленинград, посмотреть и послушать»[71]. Вероятно, последняя мысль писателя имеет прямое отношение к посещённой им выставке «Героическая оборона Ленинграда».

Выставка имела большой успех, в т.ч. и международный,

«Героическая борьба ленинградцев навсегда записана в историю как пример, вдохновляющий весь мир и доказывающий, что свободный народ никогда не может быть побеждён»

что, безусловно, привело к вопросу о преобразовании её в музей. 9 марта 1944 года, т.е. ещё до открытия, секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) по пропаганде А.И. Маханов заявил, что выставку из-за её уникальных экспонатов (ценные документальные материалы, реликвии, вещественные экспонаты промышленности, макеты и трофейное оружие) целесообразно преобразовать в музей с тем же названием[72].

Распоряжением Совета народных комиссаров РСФСР от 5 октября 1945 года Комитету по делам культурно-просветительских учреждений при Совнаркоме РСФСР и Ленинградскому горисполкому было дано разрешение преобразовать постоянную выставку «Героическая оборона Ленинграда» в музей «Оборона Ленинграда». Директору выставки Л.Л. Ракову предложили подготовить проект штатного расписания нового музея и представить в Комитет по делам культурно-просветительских учреждений при Совнаркоме РСФСР[73]. В короткий срок проект был сделан и направлен в Государственную штатную комиссию при Совнаркоме СССР, который одобрил его. Распоряжением Совнаркома СССР № 16685-р от 21 ноября 1945 года музей был утверждён[74].

К сожалению, созданный музей просуществует всего несколько лет. В 1953 году он будет закрыт, а его собрание расформировано[75].

Таким образом, выставка «Героическая оборона Ленинграда» была значимым общественно-политическим событием Великой Отечественной войны. Высокий идеологический уровень содержания экспозиции способствовал укреплению патриотических настроений ленинградцев и всех советских граждан, вдохновлял весь мир на борьбу против фашизма.

Примечания

[1] *Первушина Е.В.* Музеи Петербурга: большие и маленькие. М.: Центрполиграф; СПб: МИМ-Дельта, 2010. С. 207.

[2] Ко всем работникам музеев Наркомпроса РСФСР. М.: Б.и., 1941. 18 с.

[3] *Рубин В.А., Спиридонова Е.В., Шуб М.Л.* Сущностные параметры военно-мемориального наследия как феномена культуры // Культура и искусство. 2020. № 9. С. 62.

[4] *Целик Т.В.* Монументальное искусство и архитектура как фактор исторической памяти и цивилизационного единства // Денацификация: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Донецк: Донецкий национальный ун-т, 2024. С. 221—236.

[5] *Сухоруков Ю.Н.* Храм Преподобного Сергия Радонежского — первая базилика России: прошлое и настоящее // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. 2006. № 3. С. 135—147.

[6] *Павловский И.Ф.* Полтавская битва и ее памятники. Полтава: Тип. Губ. правл., 1895. С. 58.

[7] *Глухарев И.Н.* Памятник славы русским воинам, ознаменовавшим себя на Бородинском поле 26 августа 1812 года, или Признательность императора Николая Павловича к павшим за веру и отечество. М.: Тип. Александра Семена, 1853. С. 61; *Стребкова Л.И.* Увековечение памяти о событиях русской военной истории в русских памятниках XVIII—XIX вв.: сравнительный анализ // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2023. № 4. С. 474—490.

[8] *Павленко В.В.* Торжества в России, посвящённые 200-летию Полтавской битвы // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. № 6(86). С. 225—234; *он же.* Столетний юбилей Отечественной войны 1812 г.: год спустя // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. № 17(139). С. 142—153.

[9] *Кудрец А.С.* Пантеоны забытой войны. Создание воинских мемориалов в 1915—1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2018. № 10. С. 77.

[10] *Алленова В.А.* Деятельность Воронежской УАК по собиранию документальных и вещественных памятников Первой мировой войны // Восьмые Всероссийские краеведческие чтения, Москва — Подольск, 16—17 мая 2014 г. М.; Подольск: Краеведение, 2016. С. 717—729; *Кудрец А.С.* Мемориализация Первой мировой войны: от коллекции к музею // Вестник СПбГИК. 2024. № 2(59). С. 87—92.

[11] Война и наши трофеи. Первое правительство Свободной России и Выставка войны. Петроград: Общество попечения о бесприютных детях, 1917. 72 с.

[12] *Акуленко И.В.* Увековечение воинского подвига в СССР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. № 4. С. 424—531; *Чернышова Д.С.* Увековечивание памяти о советских лётчиках как элемент мемориализации Великой Отечественной войны // Вестник национального исследовательского института культурного наследия. 2025. № 2(6). С. 141—156.

[13] **Крачковский Игнатий Юлианович** (1883—1951 гг.) —председатель комиссии Президиума Академии наук СССР (1941—1942 гг.).

[14] **Капустин Яков Фёдорович** (1904—1950 гг.) — советский партийный и государственный деятель, секретарь Ленинградского городского комитета ВКП(б) (1940—1945 гг.).

[15] О необходимости организации общегородской комиссии по сбору материалов по истории обороны Ленинграда: письмо председателя комиссии Президиума АН СССР по ленинградским учреждениям И.Ю. Крачковского секретарю Ленинградского горкома ВКП(б) Я.Ф. Капустину от 26 марта 1942 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 5967. Л. 31, 31 об.

[16] *Лазарев Н.* Как создавалась выставка // На страже Родины. 1944. 30 апреля.

[17] Там же.

[18] Открытие выставки «Героическая оборона Ленинграда» // Известия. 1944. 1 мая.

[19] *Лазарев Н.* Указ. соч.

[20] **Раков Лев Львович** (1904—1970 гг.) — советский военный историк, музейный работник, писатель и мемуарист.

[21] **Суетин Николай Михайлович** (1897—1954 гг.) — российский и советский художник, работавший в области дизайна, графики и живописи.

[22] *Виноградов Н.* На выставке «Героическая оборона Ленинграда» // Ленинский путь. 1944. 24 мая.

[23] Проект выставки «Героическая оборона Ленинград». 1944 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 10. Д. 468. Л. 22—24.

[24] Открытие выставки «Героическая оборона Ленинграда» // Известия. 1944. 1 мая.

[25] *Раков Л.* Выставка «Героическая оборона Ленинграда» // Ленинградская правда. 1944. 30 апреля.

[26] **Попков Пётр Сергеевич** (1903—1950 гг.) — советский партийный деятель. С 1940 по 1946 г. занимал пост председателя исполнительного комитета Ленинградского городского совета (Ленгорисполкома).

[27] Открытие выставки «Героическая оборона Ленинграда» // На страже Родины. 1944. 1 мая.

[28] *Шевердалкин П.Р., Эдельштейн З.А., Раков Л.Л.* Выставка «Героическая оборона Ленинграда»: очерк-путеводитель. Л.; М.: Искусство, 1945. С. 5—128.

[29] Открытие выставки «Героическая оборона Ленинграда» // Известия. 1944. 1 мая.

[30] **Кардаш Михаил Георгиевич** (1888—1951 гг.) — главный кондуктор

48-й паровозной колонны особого резерва Народного комиссариата путей сообщения СССР Октябрьской железной дороги. Герой Социалистического Труда (звание присвоено 5 ноября 1943 г.).

[31] *Кардаш М.* Триумф города-героя // На страже Родины. 1944. 30 апреля.

[32] Там же.

[33] **Сергунин Иван Иванович** (1916—1998 гг.) — участник партизанского движения на территории Ленинградской обл. во время Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза (звание присвоено 2 апреля 1944 г.).

[34] *Сергунин И.* В партизанских залах // На страже Родины. 1944. 30 апреля.

[35] Там же.

[36] **Карицкий Константин Дионисьевич** (1913—2002 гг.) — участник партизанского движения на территории Ленинградской обл. во время Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза (звание присвоено 2 апреля 1944 г.).

[37] **Объедков Виктор Павлович** (1912—1990 гг.) — участник партизанского движения на территории Ленинградской обл. во время Великой Отечественной войны, командир 6-й партизанской бригады Ленинградского штаба партизанского движения.

[38] **Голиков Леонид Александрович** (1926—1943 гг.) — пионер-герой, участник партизанского движения на территории Ленинградской обл. во время Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза (звание присвоено 2 апреля 1944 г.).

[39] *Сергунин И.* Указ. соч.

[40] Там же.

[41] *Аренин К.* Один из 10 000. История экспоната // На страже Родины. 30 апреля 1944.

[42] Там же.

[43] **Вишневский Всеволод Витальевич** (1900—1951 гг.) —советский писатель, драматург и киносценарист, военный корреспондент.

[44] *Вишневский В.* Рассказ о героической эпопее // Правда. 1944. 1 мая.

[45] Там же.

[46] Вечер строителей выставки // Вечерняя Москва. 1944. 19 июня.

[47] *Ярцев В.* Открытие зала инженерных войск // На страже Родины. 1944. 12 ноября.

[48] **Левенков Семён Игнатьевич** (1913—1970 гг.) — советский художник, участник Великой Отечественной войны.

[49] На выставке «Героическая оборона Ленинграда» // Вечерняя Москва. 1944. 1 ноября.

[50] Приезд в Ленинград членов конгресса США // Труд. 1945. 7 сентября.

[51] Приезд в Ленинград членов Конгресса США // Известия. 1945. 7 сентября.

[52] Отъезд из Ленинграда членов конгресса США // Ленинградская правда. 1945 г. 8 сентября.

[53] Отъезд из Ленинграда членов конгресса США // Комсомольская правда. 1945. 9 сентября.

[54] Пребывание делегации Конгресса производственных профсоюзов США в Ленинграде // Красная звезда. 1945. 17 октября.

[55] Там же.

[56] **Пристли Джон Бойнтон** (1894—1984 гг.) — английский романист, эссеист, драматург и театральный режиссёр.

[57] Приезд Дж. Пристли // Известия. 1945. 11 сентября; В ВОКСе. Приём в честь Джона Б. Пристли // Труд. 1945. 15 сентября.

[58] Джон Пристли смотрит свою пьесу // Комсомольская правда. 1945. 14 сентября; К пребыванию в Москве известного английского писателя Джона Б. Пристли // Вечерняя Москва. 1945. 15 сентября.

[59] Пребывание Дж. Пристли в Киеве // Труд. 1945. 27 сентября.

[60] Доклад Пристли о советском театре // Правда. 1945. 13 декабря.

[61] К пребыванию Д. Пристли в Армении // Известия. 1945. 14 октября.

[62] Джон Б. Пристли в Сухуми // Советская Абхазия. 1945. 14 октября; Пребывание Джона Б. Пристли в Абхазии // Советская Абхазия. 1945. 19 октября.

[63] *Пристли Дж.Б.* Заметки на полях: худож. публицистика. М.: Прогресс, 1988. С. 245—250.

[64] К пребыванию Дж. Пристли в Ленинграде // Правда. 1945. 25 октября.

[65] Там же.

[66] Пребывание Джона Б. Пристли в Ленинграде // Ленинградская правда. 1945. 24 октября.

[67] *Чернова Ю.В., Беляков Д.А.* «Поездка в Россию» Дж.Б. Пристли: имагологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 11. С. 3372—3375.

[68] *Пристли Дж. Б.* Указ. соч. С. 250—254.

[69] Там же. С. 251.

[70] *Глезеров С.* Статистика блокады. Эксперты представили новые данные о количестве жертв // Санкт-Петербургские ведомости. 2022. 12 октября; *Кикнадзе В.Г., Романько О.В., Саенко А.С. [и др.]* Геноцид народов России. Преступления против советского мирного населения и военнопленных в годы Великой Отечественной войны: монография / Под науч. ред. В.Г. Кикнадзе. М.: Прометей, 2024. С. 92.

[71] *Пристли Дж. Б.* Указ. соч. С. 251.

[72] О преобразовании выставки «Героическая оборона Ленинграда» в музей «Героическая оборона Ленинграда»: справка секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) по пропаганде А.И. Маханова секретарям Ленинградского горкома ВКП(б) от 9 марта 1944 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 10. Д. 468. Л. 38.

[73] О преобразовании выставки «Героическая оборона Ленинграда» в музей «Оборона Ленинграда» республиканского значения: распоряжение Совнаркома РСФСР от 5 октября 1945 г. № 2522-р // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. Р-277. Оп. 1. Д. 1. Л. 10—11.

[74] Об отнесении музея Обороны Ленинграда к музеям 2-й категории республиканского значения: распоряжение Совнаркома СССР от 21 ноября 1945 г. № 16685-р // Там же. Л. 18.

[75] Музей Ленинградской Победы / Под ред. Ю.Л. Буяновой. СПб.: Гос. мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, 2019. 288 с.

V.V. Bakhtin, A.A. Pripadchev

«LET HUNDREDS AND THOUSANDS OF PEOPLE PASS THROUGH HERE, FEELING EXCITED, PROUD, AND LEARNING AS THEY PREPARE THEMSELVES FOR NEW CHALLENGES AND ENDEAVORS»

Preservation of the military memorial legacy of the heroes and residents of Leningrad during the Great Patriotic war: from exhibition to museum (1942—1945)

Information about authors. *Viktor Bakhtin — assistant professor at the department of pedagogy and humanities, the Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko, Cand. Sc. (Hist.) (city of Voronezh. E-mail: bakhtin2009@yandex.ru);*

Andrey Pripadchev — assistant professor at the department of history, philosophy and socio-political disciplines, the Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I, Cand. Sc. (Hist.) (city of Voronezh. E-mail: senior.pripadcheff@yandex.ru).

Summary. *The purpose of this paper is to explore the influence of the Heroic Defense of Leningrad exhibition on the sense of national pride in the Soviet Union during the war years. The exhibition's creation, launch, and operation, as well as its historical and cultural importance, is analyzed. The research is based on archival documents from the Central State Archive of Historical and Political Documents in St. Petersburg, as well as wartime newspapers such as Pravda, Izvestia, Leninskiy Put', and Na Strazhe Rodiny. The authors assert that the Heroic Defense of Leningrad exhibition was instrumental in cultivating a sense of national pride and civic participation among the Soviet populace. The exhibition had a profound international impact and was extensively covered by the global media. John B. Priestley, an English writer who visited the exhibition in October 1945, was a key figure in promoting it internationally.*

Keywords: *Great Patriotic war; military memorial heritage; The Heroic Defense of Leningrad exhibition; John B. Priestley; museum; patriotism.*

Т.В. Калинкина

«ЗАПАХ ГОРЕЛЫХ ЛЮДЕЙ Я ВЕК НЕ ЗАБУДУ...»

Свидетельства партизан и мирных жителей о зверствах фашистов на территории Брянщины в 1941—1943 гг.

Сведения об авторе. *Калинкина Татьяна Владимировна — ведущий научный сотрудник отдела истории Брянского государственного краеведческого музея (г. Брянск. E-mail: refere18@rambler.ru).*

Аннотация. *В статье исследуются масштабы злодеяний, совершённых немецко-фашистскими захватчиками на территории Брянского края в период оккупации 1941—1943 гг. На основе анализа архивных документов, свидетельств очевидцев, в том числе протоколов допросов партизан и воспоминаний мирных жителей, реконструируется картина нацистского оккупационного режима и карательной политики. Особое внимание уделяется фактам систематического уничтожения мирного населения. Целью исследования является увековечение памяти жертв геноцида, совершённого нацистами на Брянской земле. Впервые в научный оборот вводятся документы, выявленные автором в Российском государственном военном архиве в 2023 году, а также воспоминания очевидцев, хранящиеся в фондах Брянского краеведческого музея. Результаты исследования позволяют всесторонне оценить трагические последствия оккупации и подчёркивают важность сохранения исторической памяти о жертвах нацизма.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; Брянская область; нацистская оккупация; геноцид; военные преступления; партизанское движение; антипартизанские операции; мирное население.*

В период с октября 1941 по октябрь 1943 года территория современной Брянской области, входившая тогда в состав Орловской, оказалась под оккупацией немецко-фашистских захватчиков. На Брянщине нацисты установили жестокий режим террора и насилия, вошедший в историю под названием «новый порядок»[1]. Этот «новый порядок» отличался беспрецедентной жестокостью: массовые расстрелы, пытки и преследования мирного населения и военнопленных — геноцид советского народа нацистами и их пособниками — стали повседневной практикой. Свидетельства очевидцев раскрывают чудовищный масштаб злодеяний, совершённых оккупантами.

Уже с первых дней оккупации фашистский режим проявил свою звериную сущность. Одним из самых трагических примеров геноцида советского народа стало уничтожение жителей деревни Хацунь Карачевского района в октябре 1941 года. Военнослужащие вермахта зверски расстреляли более 300 человек, включая 60 детей в возрасте от 2 до 10 лет[2]. Хацунь стала первым населённым пунктом Брянщины, полностью уничтоженным вместе со своими жителями, и символом бесчеловечности нацистской оккупации.

Подробные показания о бесчеловечной жестокости немецко-фашистских захватчиков по отношению к жителям Брянской области оставил комиссар Рогнединской партизанской бригады Григорий Васильевич Мальцев[3]. Его свидетельства легли в основу одного из первых документов Брянской областной плановой комиссии, зафиксировавшего факты, произошедшие в Жуковском районе. Согласно им были уничтожены более 3000 и угнаны в Германию свыше 5000 мирных жителей[4].

Жуковский район стал ареной массовых расправ. В июне 1942 года карателями были сожжены деревни Николаевка, Соково, Попово-Ольхино, Александровка, Котлово и др. При этом были расстреляны 200 мирных жителей — женщины, старики и дети[5]. В мае того же года в колхозах «Трудовик» Семёновского сельсовета и «Соревнование труда» Вороновского сельсовета произошли чудовищные трагедии: 51 человек был заживо сожжён в землянках, а 24 человека расстреляны и, по словам Мальцева, «закопаны в землю живыми»[6]. В июле 1942 года в д. Приютино немецкая охранная часть численностью до батальона расстреляла и повесила четырёх мирных жителей. Весь скот был угнан, а деревня, состоявшая из 38 домов, была полностью сожжена[7]. В апреле 1943 года в колхозе «Ким» были зверски замучены 6 подростков 15—16 лет[8].

Особую циничность оккупанты проявляли, используя мирное население для разминирования полей и железных

дорог. Женщины и дети становились живым щитом, погибая при взрывах[9]. Эти действия, как отмечал Мальцев, были направлены на уничтожение мирного населения, оказывавшего поддержку партизанам[10].

Во время отступления в августе—сентябре 1943 года немцы устроили облавы и угнали около 3000 человек в немецкое рабство[11]. Отход захватчиков сопровождался грабежами, сожжениями деревень и расстрелами, в результате которых, по данным Мальцева, погибли 1300 человек[12].

О сожжениях деревень в Новозыбковском районе с подробным перечислением сообщает командир Новозыбковского партизанского отряда (п/о) имени Жукова партизанской бригады (п/б) имени Д.М. Пожарского Иван Сергеевич Ковалёв. По его словам, были полностью сожжены деревни: Синий Колодезь — 12 дворов, Внуковичи — 200 дворов, Старый Вышков — 100 дворов, Катичи — 192 двора, посёлки Гигант — 25 дворов, Красное Знамя — 18 дворов, Расадник (возможно, Рассадники) — 17 дворов, Ехимовка — 25 дворов[13]. Уцелевшее население согнали в лагерь в Новозыбкове, где, по свидетельству Ковалёва, люди подвергались пыткам и голоду[14].

Особую жестокость оккупанты проявляли к партизанам и тем, кто оказывал им поддержку. Ковалёв упоминал о публичных казнях и зверских расправах. Так, в селе Катичи был схвачен и растерзан партизан Степан Украинцев, а в Новозыбкове повесили молодого человека за то, что «донёс партизанам о высадке парашютного десанта в Новозыбкове»[15].

Репрессии обрушились и на семьи партизан. И.С. Ковалёв сообщал о гибели своей сестры — Ковалёвой Елизаветы Сергеевны[16] и бабушки — Мойсеенко Марии Тимофеевны[17]. Особенно трагичной была участь рода Зайцевых в селе Внуковичи, где, по словам Ковалёва, были расстреляны 11 семейств общей численностью 30 человек, включая стариков, женщин и детей, лишь за то, что «два сына Зайцевых воевали в партизанском отряде»[18].

Г.В. Мальцев
Фонды Брянского государственного краеведческого музея. БОМ 1964

Показания Ивана Сергеевича Зайцева, командира разведдиверсионной группы п/о имени Жукова, подтверждают и дополняют информацию, предоставленную И.С. Ковалёвым. Зайцев рассказывает о расстреле всего его рода, включая женщин и детей, в отместку за его участие и участие его брата в партизанском движении[19].

Более развёрнутые воспоминания И.С. Зайцева сохранились в фондах Брянского государственного краеведческого музея. Он рассказывает о трагических событиях 13 мая 1942 года, когда новозыбковское гестапо окружило его родное село Внуковичи и арестовало 23 родственника, включая жену, детей, мать и «двух братьев-связных Григория и Демьяна и их семьи. Семью брата Кузьмы, который был начальником штаба партизанского отряда им. Ворошилова, семьи братьев Василия и Михаила, которые находились в Советской Армии, сестру и других тоже арестовали. До 28 мая 1942 года они находились в Новозыбковской тюрьме, где подвергались пыткам. Из тюрьмы для якобы главного допроса их вывезли в г. Клинцы, а затем в лесу всех зверски расстреляли»[20].

В акте Брянской областной комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков по Новозыбковскому району сказано, что эти события происходили в июне 1942 года. 11 июня в с. Внуковичи приехал отряд полиции, в т.ч. 3 офицера гестапо, и арестовал 24 человека. Продержав 4 дня, немцы расстреляли их в лесу[21].

Отец Ивана Зайцева, также партизан, погиб от пыток в гомельском лагере[22]. Зайцев сообщает и о других злодеяниях, в результате которых погибли 200 мирных жителей из деревень Внуковичи, Старая Рудня, Шеломы[23].

Многочисленные свидетельства подтверждают систематический террор, устроенный немецкими оккупантами на Брянской земле. В деревне Колпа за сочувствие партизанам были сожжены дома и расстреляны жители[24]. При ликвидации Дятьковского партизанского края немцы сжигали деревни и устраивали массовые расстрелы, проявляя особую жестокость к мирным жителям, включая детей и инвалидов[25]. В июне 1942 года в д. Василек 747-й полк 707-й охранной дивизии сбрасывал тела расстрелянных в противотанковый ров, а в Бытоши проводились публичные казни[26]. В ходе антипартизанских операций десятки деревень были стёрты с лица земли, а в деревнях Александровка и Николаевка Жуковского района живых детей бросали в колодцы[27].

Начальник разведки Ивотского п/о Иван Михайлович Туляков рассказывал о тяжёлой блокаде партизанских отрядов в брянских лесах, длившейся с 24 мая по 12 июня 1943 года. По его словам, блокада нанесла серьёзный урон партизанскому

Зверства немецко-фашистских захватчиков
Художник В.В. Федотов, 1950-е гг.
Фонды Брянского государственного краеведческого музея. БОМ 19730.

Возвращение на пепелище. 1943 г.
Художник В.В. Федотов, 1950-е гг.
Фонды Брянского государственного краеведческого музея. БОМ 19731.

Мемориал погибшим мирным жителям
д. Матрёновка Жуковского района Брянской обл.

отряду, сократив его численность с 160 до 80 человек[28]. В бою погибли командир отряда Семён Акимович Смолькин, комиссар бригады Алексей Сильвановский[29] и начальник штаба бригады Алексеев[30]. Отступая в 1943 году, оккупанты применяли тактику выжженной земли, уничтожая скот и посевы, лишая население последних ресурсов[31].

В допросах партизан мы находим наименования немецких воинских частей, повинных в совершённых на территории Брянского края преступлениях. Кроме упомянутого выше 747-го полка 707-й охранной дивизии это 292-я пехотная дивизия (командир — генерал-лейтенант Курт Бадински (24 августа — 1 сентября 1942 г.), генерал-лейтенант Вольфганг фон Клюге (1 сентября 1942 г. — 20 июля 1943 г.), 507-й и 508-й пехотные полки и резервный батальон 292-й дивизии численностью 15 тыс. солдат, 5-я горная и 6-я пехотная дивизии[32].

Свидетельства жителей Жуковского и Дятьковского районов Брянской области также раскрывают ужасающую картину нацистского террора. Весной 1942 года в деревню Вышковичи Жуковского района ворвался немецкий карательный отряд. Фашисты расстреляли 73 человека и предали огню дома жителей[33]. Этот эпизод демонстрирует жестокую практику карательных операций, направленных против мирного населения.

О другом трагическом событии, которое произошло в этой же деревне, рассказывает М.Е. Казаченкова. Она описывает, как немецкие солдаты согнали более 500 жителей в один дом, а затем под конвоем погнали их пешком 7 км до деревни Тананыко (Никольская Слобода), избивая отстававших и пытавшихся бежать. После этого немцы начали искать и расстреливать оставшихся в лесу жителей[34]. Этот рассказ свидетельствует о планомерной политике устрашения и

геноцида, проводившейся оккупантами.

Показания Н.Ф. Немцева, жителя сожжённой деревни Фошня Жуковского района, раскрывают страшную картину зверств, которые творили немецкие каратели в 1942 году. В феврале Фошня стала местом казни жителей соседних деревень — Вилеи, Нового Лавшино, Ковали, которые также были сожжены. Захваченных людей свозили в Фошню, где их расстреливали и вешали[35].

В июне 1942 года карательные акции возобновились с новой силой. Огнём были уничтожены деревня Косилово и населённые пункты Саковского и Любогощенского сельсоветов — всего девять деревень. В Косилово людей сжигали заживо, а пятерых повесили в отместку за ранение двух немецких солдат в результате взрыва мины. Фошня также подверглась повторному разорению: были разрушены все землянки, в которых укрывались жители[36].

Оставшиеся в живых жители Фошни, спасаясь от преследований, ушли в леса, где скрывались около полутора месяцев. Немцы, стремясь возобновить сельскохозяйственные работы, прибегли к лживой пропаганде. Через радио они призывали людей вернуться из леса, обещая безопасность. Поверив обещаниям, сначала женщины, а затем и старики, в т.ч. и Н.Ф. Немцев, вернулись в деревню.

Однако после уборки урожая в октябре 1942 года немецкие оккупанты показали своё истинное лицо: они конфисковали урожай, жителей насильно эвакуировали в посёлок Жуковка, где их расселили по домам и ежедневно под конвоем отправляли на принудительные работы. Молодёжь была отобрана и угнана в Германию на каторжные работы[37].

Свидетельства Н.Ф. Немцева ярко иллюстрируют жестокость и бесчеловечность немецких оккупантов на территории Брянщины в 1942 году. Карательные акции, уничтожение деревень, массовые убийства, принудительный труд и угон молодёжи в Германию — всё это звенья одной цепи преступлений против мирного населения. Лживая пропаганда и обещания безопасности лишь усиливали трагизм ситуации, заманивая людей в ловушку эксплуатации и насилия.

И.С. Зайцев
Фонды Брянского государственного краеведческого музея. БОМ 6403/44

Трагические страницы истории Жуковского района навсегда связаны с уничтожением деревни Матрёновки — места, ставшего жертвой карательной операции, направленной против мирных жителей, которых оккупанты подозревали в связях с партизанами. Документальные свидетельства раскрывают чудовищные масштабы этой трагедии.

Согласно акту Брянской областной плановой комиссии в Матрёновке были расстреляны 112 человек[38]. Однако эта цифра не отражает всей полноты картины. В сообщении председателя Жуковского райисполкома приводятся уже другие данные — 243 расстрелянных жителя и полное уничтожение 115 дворов[39].

Во время первой расправы каратели сожгли Матрёновку и расстреляли часть жителей. Оставшиеся в живых, лишённые крова и имущества, ютились в землянках, пытаясь пережить весь этот ужас[40].

Самый страшный день в истории Матрёновки — 20 мая 1943 года. Утром деревню плотно окружили, установив пулемётные засады, чтобы исключить любую помощь со стороны партизан. В 5 ч утра началась кровавая расправа. Группы солдат методично «обрабатывали» землянки, убивая перепуганных людей выстрелами, штыками и ножами. Раненых добивали из автоматов, а затем в землянки бросали гранаты. Эта варварская расправа продолжалась несколько часов. Молодых и здоровых жителей угнали в немецкую неволю. Лишь 12 человек — раненых и избитых — чудом выжили в этом кошмаре.

Ценным источником информации о трагедии Матрёновки являются воспоминания очевидцев, в частности рукопись участника партизанского движения Сергея Егоровича Трофимова, хранящаяся в фондах Брянского краеведческого музея. Он рассказывает, что 30 уроженцев деревни, включая его самого, сражались в партизанских отрядах[41].

Трофимов вспоминает, как в июне 1942 года немцы сожгли деревню, выгнав жителей в соседнее Хотмирово и убив по дороге двух женщин. Несмотря на это, люди вернулись в родные места, отстраивали дома и рыли землянки. Однако в апреле 1943 года карательная операция повторилась и жителей снова угнали, убив по дороге мать Трофимова и других женщин.

Вернувшись в Матрёновку 22 мая 1943 года в составе разведывательной группы, Трофимов описывает увиденное: «Запах горелых людей я век не забуду... Народ как был в землянках побит, землянки разрушены, люди тлеют как тряпка, дым бело-жёлтый, запах невы-

носимый. И мы стали заливать водой и закапывать, те, которые убегали, лежали на огородах, так и пришлось нам их хоронить там, где застала их смерть. В погребах до 30 человек было, и также мы их позасыпали»[42].

Трагедия Матрёновки — не единичный случай. Она вписывается в контекст масштабных антипартизанских операций, проводившихся немецкими оккупационными властями на территории Брянской области и других регионов СССР. Летом 1942 года была развёрнута операция «Птичье пение» (нем. Vögelsang), целью которой были ликвидация Дятьковского партизанского края и уничтожение партизанских отрядов[43].

Численное превосходство противника вынудило партизанские отряды отступить в лесные массивы других районов[44]. Неудачные попытки прочёсывания лесов, сопровождавшиеся ощутимыми потерями со стороны оккупантов, привели к изменению тактики. Немецкие войска перешли к систематическому уничтожению инфраструктуры, поддерживавшей партизанское движение. Заняв населённые пункты, они осуществляли тотальное уничтожение жилого фонда и имущества, разрушали хозяйственные постройки, взрывали укрытия и колодцы. Параллельно проводились изъятие скота и насильственная депортация местного населения, которое привлекалось к принудительным работам, включая оборонительное строительство и разминирование. Значительная часть гражданских лиц была угнана на территорию Германии[45].

Примером зверств, совершавшихся в рамках антипартизанских операций, является уничтожение деревни Ивоток Дятьковского района в июне 1942 года, где были заживо сожжены и расстреляны 75 женщин, стариков и детей, 6 человек были повешены[46].

Для борьбы с партизанами на оккупированных территориях

И.С. Ковалев

создавались карательные органы, такие как «Корюк» в Дятьково, занимавшиеся не только профашистской пропагандой, но и жестокими репрессиями: арестами и массовыми расстрелами мирных жителей. Трагическим примером стали расстрел 21 мирного жителя в 1943 году по подозрению в связях с партизанами и публичная казнь через повешение трёх мужчин зимой 1942/43 года[47].

Массовые расправы над населением Дятьково приобрели чудовищный размах в июне 1942 года. Всех мужчин согнали в парк, а затем отправили в концлагерь в Жиздринский район. Перед отправкой около больницы были расстреляны около 30 человек[48]. Ответственность за эти злодеяния несут 747-й полк 707-й охранной дивизии, а также 5-я танковая дивизия и её части — 13-й и 14-й пехотные полки, 31-й танковый полк, 89-й сапёрный батальон, 116-й артиллерийский полк[49].

В период оккупации с 1941 по 1943 год регион понёс невосполнимые потери: около 170 тыс. жителей пали на полях сражений и в партизанских отрядах. Особенно трагична судьба мирного населения — более 74 тыс. человек были подвергнуты жестоким пыткам, расстрелам, сожжены заживо или утоплены, среди них 4500 детей. Более 153 тыс. жителей были угнаны на принудительные работы в Германию[50]. Захватчики проводили карательные операции и применяли тактику выжженной земли, уничтожив полностью или частично более 1000 населённых пунктов Брянщины. Некоторые из них, такие как Хацунь, Манешино, Семенцы, Упрусы, Марьевка, Парасочки, Белёво и Матрёновка, были целенаправленно уничтожены вместе со всеми жителями, став символами бесчеловечной жестокости оккупантов[51]. Общее количество жертв этих злодеяний составило, по сводной справке 1972 года, 12 174 человека[52]. Разорение, голод и тысячи загубленных жизней стали трагическим итогом оккупации.

С целью юридической фиксации масштаба трагедии и восстановления исторической справедливости в июле 2022 года в Брянске по инициативе прокуратуры состоялся знаковый судебный процесс о признании действий немецко-фашистских захватчиков на Брянщине геноцидом. В ходе разбирательства были тщательно изучены многочисленные документальные свидетельства, архивные материалы и показания очевидцев, что позволило всесторонне оценить преступления, совершённые против мирного населения края в период 1941—1943 гг.[53], жертвами которых стали более 278 тыс. жителей области[54].

Признание судом этих действий геноцидом имеет глубокий символический смысл. Это не только восстановление исторической справедливости и увековечение памяти жертв нацизма, особенно актуальное в свете вступившего в силу с 1 января 2026 года закона об увековечении памяти жертв геноцида, но и важный шаг в противодействии попыткам пересмотра итогов Второй мировой войны и героизации

нацистских преступников. Данный процесс подчёркивает необходимость сохранения исторической правды о трагедии войны и её последствиях для будущих поколений, а также служит предостережением против любых проявлений идеологии ненависти и насилия. Изучение этих трагических событий имеет огромное значение для сохранения исторической памяти и воспитания патриотизма у подрастающего поколения.

Примечания

[1] *Шанцева Е.Н., Дзюбан В.В., Трифанков Ю.Т.* Брянщина в период оккупации 1941—1943 гг.: генезис партизанского движения и коллаборационизма: [монография]. Брянск, 2010.

[2] См. подробнее: *Луговой А.Ю.* Трагедия д. Хацунь в воспоминаниях партизанки Л.Т. Зуевой (Моторновой) // Геноцид советского народа. План рейха. Жестокие уроки истории: сборник докладов и статей Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. А.В. Ерёмина. Брянск, 2022. С. 330—336.

[3] См. подробнее: *Гаврютина Н.Л.* Мальцев Григорий Васильевич // История партизанского движения на Брянщине в годы Великой Отечественной войны (1941—1943): энциклопедический словарь / Гл. ред. В.П. Алексеев. Брянск, 2023. С. 207.

[4] Государственный архив Брянской области (ГА БО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 54. Ч. 2. Л. 204, 204 об.

[5] Сожжённые деревни России 1941—1944: документы и материалы / Сост. Н.В. Кириллова, В.Д. Селеменева и др. М.: Историческая память, 2017. С. 32.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 31, 32.

[8] Там же. С. 32.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] ГА БО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 54. Ч. 2. Л. 204, 204 об.

[12] Сожжённые деревни России... С. 32.

[13] Там же. С. 33.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Елизавета Ковалёва — связная в партизанском отряде имени Жукова. 12 февраля 1943 г. расстреляна за связь с партизанами.

[17] Сожжённые деревни России... С. 33.

[18] Там же.

[19] Там же. С. 27.

[20] Воспоминания И.С. Зайцева, разведчика партизанского отряда имени Ворошилова. 1960-е гг. // Фонды ГБУК «БГКМ»: БОМ 6246/11.

[21] ГА БО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 54. Ч. 1. Л. 5, 7.

[22] Сожжённые деревни России... С. 27.

[23] Там же.

[24] Центр документации новейшей истории Брянской области. Ф. П-1668. Оп. 1. Д. 3. Л. 34—35.

[25] Сожжённые деревни России... С. 20.

[26] Там же. С. 21.

[27] Там же. С. 19.

[28] Там же. С. 41.

[29] См. подробнее: *Лучин П.А.* Непокорённая земля. Брянск, 2014.

[30] Сожжённые деревни России... С. 41.

[31] Там же.

[32] Там же. С. 19, 33.

[33] Там же. С. 15.

[34] Там же. С. 38.

[35] Там же. С. 35.

[36] Там же. С. 36.

[37] ГА БО. Ф. 2821. Оп. 1. Д. 1. Л. 131.

[38] Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 54. Ч. 2. Л. 204.

[39] Там же. Оп. 7. Д. 85. Л. 38.

[40] Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Брянская область: сборник документов / Сост. А.И. Шендрик и др. М.: Связь эпох, 2020. С. 33.

[41] Воспоминания участника партизанского отряда Жуковского района С.Е. Трофимова // Фонды ГБУК «БГКМ»: БОМ 6828/49. С. 20.

[42] Там же. С. 21.

[43] *Абовян Е.Н.* Активизация партизанского движения на территории Брянского региона в период с мая 1942 г. по февраль 1943 г. // Вестник КГУ имени Н.А. Некрасова. 2015. № 6. С. 38; История партизанского движения на Брянщине... С. 260—264.

[44] *Кузовков В.М.* Дятьковский партизанский край в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского ун-та МВД России. 2011. № 4. С. 243.

[45] *Абовян Е.Н.* Указ. соч. С. 38.

[46] Там же. С. 30; Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 451п. Оп. 4. Д. 49. Л. 63 об.

[47] РГВА. Ф. 451п. Оп. 4. Д. 49. Л. 63 об.

[48] Там же. Л. 64.

[49] Там же. Л. 58.

[50] *Войтович А.П.* Роль прокуратуры в установлении факта геноцида в отношении мирного населения Брянской области // Геноцид советского народа. План рейха. Жестокие уроки истории: сборник докладов и статей Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. А.В. Ерёмина. Брянск, 2022. С. 21.

[51] *Павлей Р.Л.* Антипартизанские операции на территории Брянщины: террор против мирного населения // Там же. С. 398.

[52] ГА БО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 85. Л. 32.

[53] *Войтович А.П.* Указ. соч. С. 22.

[54] *Кикнадзе В.Г., Романько О.В., Саенко А.С. [и др.]* Геноцид народов России. Преступления против советского мирного населения и военнопленных в годы Великой Отечественной войны: монография / Под науч. ред. В.Г. Кикнадзе. М.: Прометей, 2024. С 89, 90.

T.V. Kalinkina

«NEVER WILL I FORGET THE SMELL OF BURNING PEOPLE...»

Testimonies from partisans and civilians about the atrocities committed by the Nazis in the Bryansk region during 1941—1943

Information about author. *Tatyana Kalinkina — leading researcher of the history department, the Bryansk State Museum of Local History (city of Bryansk. E-mail: refere18@rambler.ru).*

Summary. *This paper explores the scale of the atrocities perpetrated by the Nazi invaders during their occupation of the Bryansk region from 1941 to 1943. It reconstructs the Nazi occupation regime using archival documents, eyewitness accounts, and partisan interrogation records. The focus is on the systematic extermination of civilians and the punitive measures implemented by the occupying forces. The goal of this research is to honor the victims of genocide in the Bryansk region and to ensure their memory is preserved. For the first time, the author introduces into scholarly discussion documents discovered in the Russian State Military Archives in 2023, as well as eyewitness accounts kept in the Bryansk Museum of Local History. These findings offer a comprehensive understanding of the devastating effects of the occupation and emphasize the importance of preserving the historical memory of those who endured under Nazism.*

Keywords: *Great Patriotic War; Bryansk region; Nazi occupation; genocide; war crimes; partisan movement; anti-partisan operations; civilians.*

И.П. Каменецкий

«МНОГОЧИСЛЕННОЕ ТУРСКОЕ ВОЙСКО ПОБИЛИ И ЧИГИРИНСКИЕ ГОРЫ ВЗЯЛИ»

Государева служба генерала и воеводы Матвея Кровкова

Сведения об авторе. *Каменецкий Иван Павлович — старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, кандидат исторических наук (г. Новосибирск. E-mail: kameneckiiiwan@mail.ru).*

Аннотация. *В статье рассмотрена военная и административная деятельность одного из первых русских генералов, героя Чигирина, воеводы Матвея Осиповича Кровкова. На основе анализа опубликованных источников и литературы выяснены его социальное происхождение, этапы служебной карьеры, участие в подавлении народных движений и борьбе с внешними врагами. Показано, что М. Кровков благодаря своим управленческим навыкам прошёл непростой путь от провинциального дворянина до генерала и окольничего. Под его руководством были одержаны победы в сражениях с Турцией, в битвах за Малороссию и в подавлении народных движений. В то же время Кровков показал себя не только опытным и бесстрашным военачальником, но и корыстолюбивым администратором в отношении своих подчинённых, за что был отстранён от командования полком и отправлен воеводой в Якутск. На новом посту проявил себя как энергичный успешный управитель и рачительный хозяин, немало сделавший для укрепления обороны и развития края. Сделан вывод, что фигура Кровкова является во многом типичной для представителей высшего командного состава допетровской России, которые, используя своё служебное положение, нередко обогащались за счёт рядового состава.*

Ключевые слова: *генерал М.О. Кровков; Второй выборный солдатский полк; Черкасский поход; «Татарское побоище»; борьба с разинцами; оборона Чигирина; злоупотребление властью; воеводство в Якутске.*

Проблематика зарождения и становления первых регулярных частей русской армии с новой военной структурой и командным составом в правление первых Романовых уже отражена в отечественной историографии, наиболее полно и глубоко — в трудах А.В. Малова и С.Т. Минакова[1]. Однако исследователи военной истории допетровской России недостаточно внимания уделяли выяснению биографий представителей высшего командного состава — генералов и полковников, сводя их службу преимущественно к участию в сражениях. Историки (за исключением С.Т. Минакова) подробно не рассматривали вопросы, связанные с изучением социального происхождения, служебной карьеры этих людей, их административно-хозяйственной деятельности и других важных составляющих. Но именно эта информация позволяет воссоздать более целостное представление об их облике и роли в процессе строительства вооружённых сил России накануне петровских преобразований.

Сведение воедино и анализ разрозненных и отрывочных данных о воинском пути и служебной деятельности одной из важных, но малоизвестных фигур русских военачальников в переходный период — генерала и воеводы Матвея Осиповича Кровкова позволяют частично устранить данный пробел.

Матвей Осипович Кровков происходил из старинного, но незнатного дворянского рода. По данным С.Б. Веселовского, представители этой династии (очевидно, братья Решет Осипов и Третьяк Осипов Кравковы (Кровковы)) были муромскими дворянами, оба погибли в ходе завоевания Казани Иваном Грозным[2].

Отец будущего генерала — Осип Сумин сын Кравков, отмеченный в Боярской книге 1639 года как московский дворянин, завершил свою жизнь старцем Муромского Спасского Преображенского монастыря[3].

Один из представителей этого рода, муромский сын боярский Иван Сумин сын Кровков (Кравков), получил известность при подавлении

восстания И.И. Болотникова. По сведениям «Карамзинского хронографа» и записи в Разрядных книгах, в октябре 1607 года И. Кровков предложил план взятия Тулы путём затопления её водами р. Упы. Сооружённая по его проекту плотина затопила Тулу (включая и каменный кремль), что явилось одной из причин капитуляции повстанцев[4]. Всё это подтверждает справедливость критики А.В. Малова в адрес исследователей, указывающих на иноземное, датское, происхождение Матвея Кровкова.

М. Кровков впервые упоминается по Жилецкому списку в 1647 году. Он начал военную службу с 12-летнего возраста, отмечает С.Т. Минаков, в 37 лет был пожалован в полковники и назначен командиром Второго Московского выборного полка солдатского строя. Учитывая, что этот чин и назначение Кровков получил в 1661 году, датой его рождения можно считать 1624 год[5].

О начале службы будущего генерала известно немного. 30 августа 1648 года согласно «Записной книге Московского стола» вместе с пятью другими жильцами М. Кровков был пожалован в дворцовый чин — стряпчие с указанием находиться «в рейтарской службе»[6].

Сохранились отдельные сведения о дальнейшем продвижении его по служебной лестнице. 17 марта 1653 года М. Кровков упоминается уже как стрелецкий голова, получивший царский наказ о приборе ратных людей в Коломне и Переяславле-Рязанском для несения с ними последующей службы в Астрахани и на Тереке, на которой оставался до 1657 года.

С апреля 1657 по сентябрь 1658 года Кровков «сидел» городовым головой в небольшой крепости Кокшайске, являвшейся центром Марийского края[7]. Он, очевидно, проявил себя как опытный управитель, и его административные способности и организаторские умения заметило правительство. 29 декабря 1661 года М. Кровков был пожалован царём Алексеем Михайловичем из майоров в полковники и вскоре назначен командиром Второго Московского выборного солдатского полка вместо полковника Я.М. Колюбакина, погибшего в сражении с литовцами 8 октября 1661 года на Кушликовых горах[8]. Назначение на эту должность считалось ответственным и престижным. Второй выборный полк состоял из обученных «новому строю» московских и других пехотинцев, насчитывал на первых порах до 1000 ратных людей и являлся одной из элитных боевых частей русской армии.

Наряду с полковым знаменем и новым жалованьем Кровков получил от боярина С.Л. Стрешнева, ведавшего

Солдат второй шквадроны второй тысячи Первого выборного полка после возвращения из литовского похода 1658—1659 гг. в киндячном лимонного цвета зипуне

Художник О. Фёдоров

Малов А. Государев выборный полк Аггея Шепелева. Первое солдатское служилое платье // Цейхгауз. 2002. № 20. С. 10.

Разрядным приказом, «Печатную книгу ратного ополчения». Книга являлась переводом с голландского воинского пехотного устава — «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», что может свидетельствовать о знакомстве Кровкова с западноевропейской «воинской наукой»[9].

В своей челобитной на имя царя в 1690 году Кровков сообщил о трудностях несения башкирской службы, где он «голод терпел и мертвую кобылятину и из под лыж подволоку и барабанные кожи и с ног поршни розваривал ел»

В.И. Буганов, на наш взгляд, ошибочно утверждал, что выборные солдатские полки нового строя «постоянно находились в столице» и несли преимущественно придворную службу в Москве[10]. Между тем в 1660—1670-х годах выборный полк Кровкова с самого начала совершал дальние походы, активно участвовал в боевых действиях и выполнял различные функции. Летом 1662 года он был направлен на усмирение масштабного восстания башкир, разрушивших до основания г. Кунгур и ряд русских поселений[11]. 12 сентября 1662 года полк Кровкова с двумя приказами московских стрельцов выступил из Москвы в Мензелинский городок. В походе на башкир принял участие сын Кровкова Фёдор по поданному им челобитью[12]. В пути следования полк пополнился ратными людьми из Перми и Вятки.

В башкирской земле, разорённой восставшими, полк Кровкова находился до 1665 года. Его участие в боях с повстанцами источниками не отмечено: скорее всего, он выполнял в большей мере не карательные, а охранительно-полицейские функции. В своей челобитной на имя царя в 1690 году Кровков сообщил о трудностях несения башкирской службы, где он «голод терпел и мертвую кобылятину и из под лыж подволоку и барабанные кожи и с ног поршни розваривал ел»[13]. За службу в этом походе ратным людям была объявлена похвала государя.

Летом 1666 года Кровков получил новое назначение — полк был направлен для «разбора» стоявших за Тулой, на р. Упе, восставших казаков Василия Уса. Следовало разыскать среди них беглых крестьян, холопов и служилых людей и вернуть их в прежнее состояние. В связи с уходом казаков В. Уса на Дон выполнить эту задачу удалось лишь частично. В августе Кровков вернулся в столицу лишь с 14 колодниками, находившимися у казаков В. Уса беглыми служилыми людьми и холопами[14].

Наряду с выполнением поставленных административ-

Выезд царя Алексея Михайловича на смотр войск в 1664 году
Художник Н.Е. Сверчков, 1864 г.
Музей Московского Кремля

но-полицейских задач полк Кровкова был задействован и в придворных представительных мероприятиях. 24 октября 1667 года его солдаты участвовали в парадно-дворцовых церемониалах при приёме польских послов в Московском Кремле. Полк также привлекли к торжественным мероприятиям по случаю праздника Богоявления; его воины в лазоревых кафтанах и зелёных шапках, с пиками несли караульную службу вокруг Царь-колокола в Кремле 6 января 1668 года[15].

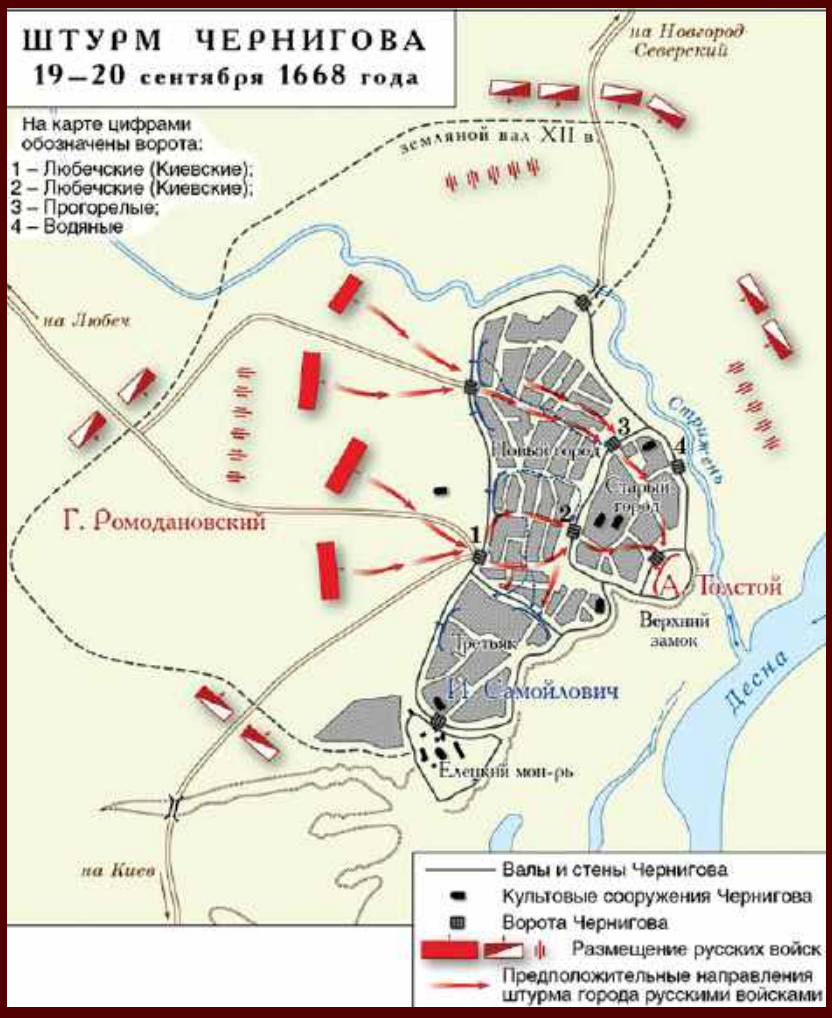
В феврале 1668 года в связи с антирусским мятежом гетмана Правобережной Украины Ивана Брюховецкого и последующей войной за освобождение Левобережной Украины от притязаний крымского хана и турецкого султана Кровков получил новый приказ. Его выборный полк был послан на службу в пограничную крепость Севск, где влился в состав Большого полка боярина Г. Куракина[16]. 3—6 июня 1668 года полк Кровкова участвовал в начавшемся под Севском большом сражении — «Татарском побоище». В ходе него было разбито крупное крымско-ногайское и казацкое войско хана Адиль Гирея. За одержанную победу Куракин получил от царя награду — 200 рублей. Видимо, не были обойдены вниманием и полковые командиры, в числе которых и полковник Кровков[17].

После отражения нашествия крымцев полк Кровкова прибыл в Путивль, где был включён в армию князя Г.Г. Ромодановского, с которой принял участие в наступательной операции вглубь Украины — Черкасском (Черниговском) походе. Целью операции стало освобождение ряда городов (где ранее находились русские гарнизоны) от мятежных черкасов. В начале сентября 1668 года полк Кровкова в составе войска Ромодановского ходил в поход под Нежин и Чернигов, где были разгромлены казачьи войска украинского гетмана И. Брюховецкого. Совместно с Первым Московским выборным полком под командованием Венедикта Змеева войско Кровкова участвовало в успешном штурме Чернигова, захваченного изменниками, «воровскими» черкасами под руководством будущего гетмана Левобережной Украины Демьяна Многогрешного. Но с приходом под Чернигов превосходящих сил Крымской орды и запорожских казаков под началом Григория Дорошенко (брата гетмана) русские полки вынуждены были оставить Чернигов и отступить к Путивлю.

Отход русского войска обеспечивали солдаты полка Кровкова, которые, по его словам, «с крымскими людьми с калгою-салтаном и с изменники черкасы бились и шли отводом <...> шесть дней и бились беспрестанно, и пришли в Путивль»[18]. В тяжёлых аръергардных боях почти весь командный состав полка получил раны, что свидетельствует о степени ожесточённости борьбы[19].

Благодаря умелым манёврам Кровкова и боевой выучке пехотинцев полку удалось сорвать планы врага, несмотря

Штурм Чернигова 1668 г.

Князь Ю.Н. Барятинский разбивает скопища Стеньки Разина под Симбирском в 1670 г.

Род князей Барятинских: исторический очерк. СПб.: Типо-литография Р. Голике, 1898.

на его значительное превосходство и стремление к окружению и разгрому русской армии. «Превосходство русской пехоты в воинском искусстве и стойкости над войском Дорошенко и крымскими татарами проявилось в этом походе в полную силу», — справедливо отмечает военный исследователь И.Б. Бабулин[20].

После проведения в марте 1669 года Глуховской рады, приведшей к замирению сторон, и избрания гетманом лояльного к России Д. Многогрешного полк Кровкова был отправлен в Москву. Но мирная, спокойная жизнь в столице длилась недолго. 2 июня 1670 года государевым указом полк Кровкова численностью 1354 человека вместе с другими выборными солдатскими полками был послан на борьбу с повстанческими отрядами С. Разина. Уже в тот день Кровков получил для 600 солдат двух шквадрон (воинских подразделений) кормовое жалованье на июнь и вперёд «для танбовской службы», а также подъёмные — по 2 рубля на солдата[21].

В начале июля полк Кровкова выступил в составе армии воеводы князя П.С. Урусова на Нижний Новгород, где планировался поход на ранее заготовленных стругах по Волге в «низовые города». В сентябре — начале октября 1670 года полк принял участие в боях с повстанцами по пути к Симбирску и за сам город[22].

После разгрома разинцев под Симбирском Кровкова направили в Казань, где он получил приказ главного воеводы Ю. Долгорукова отправиться в поход в Тетюшевский уезд — там действовали разрозненные группы повстанцев. Кровкову предписывалось приводить к шерти (присяге на верность русскому царю) местных чуваш и черемис и проводить следствие с судом и расправой в отношении «пущих воров и завотчиков и воровских начальников» вос-

стания, «чинить промысел» над действующими отрядами повстанцев[23].

В начале ноября 1670 года ратных людей Кровкова направили в г. Тетюши на подавление восставших крестьян. Бой под этим городом носил, очевидно, локальный характер. Так, за ранение в нём лишь поручику полка Р. Биреева велено было увеличить поместный оклад и выдать 5 рублей[24].

После похода в Тетюшевский уезд Кровков был возвращён в Казань, а оттуда послан в Цивильский уезд. По прибытии он предпринял действия по поиску и разгрому «воровских людей» под Алатырем и по сыску восставших участников, рассеянных в разных чувашских волостях[25].

После выполнения полком поставленных задач его отозвали в Москву. За заслуги в подавлении разинского движения в январе 1672 года полковники М. Кровков и А. Шепелев получили по бархату (многоцветной шёлковой ткани)[26].

Полку Кровкова довелось также активно участвовать в Русско-турецкой войне 1676—1681 гг. В её начальный период он с частью солдат выполнял приказ по заготовке судового леса и строительству стругов в муромских и мордовских лесах[27]. Затем полк был направлен непосредственно на театр военных действий, где Кровков стал вторым военачальником после главного воеводы — князя Г.Г. Ромодановского.

Летом 1676 года Кровков возглавил гарнизон Чигиринской крепости, вскоре осаждённой большим крымско-турецким войском. Осада крепости длилась с октября 1676 по апрель 1677 года. Будучи оторванным от основных сил русской армии, не получив должного подкрепления и боеприпасов, гарнизон оказался в трудной ситуации[28]. В письме к своему родственнику и покровителю, боярину князю П.И. Хованскому комендант крепости просил использовать его связи и влияние в правительстве, чтобы помочь ему в ратных делах осаждённых. Комендант писал о тяжёлом положении в крепости, об отсутствии хлеба и денег, о нехватке лошадей, отчего «начальные люди и урядники и солдаты наги и боси, и голодны; а под пушки и под казною лошади пристали, волочем на себе»[29].

Но, несмотря на все трудности и лишения, защитники крепости не только сумели выстоять, но и нанесли поражение большому турецко-татарскому войску.

3 августа 1678 года полк Кровкова с подошедшим на помощь выборным пехотным полком Аггея Шепелева и стрельцами принял участие в крупном сражении у господствовавших над крепостью Чигиринских гор. Состоявший на русской службе шотландский генерал П. Гордон, критически относившийся к военным успехам русских, вынужден был признать как умелое руководство войсками и личную храбрость командиров, так и боевую выучку и отвагу русских выборных полков: «В чрезвычайно трудных условиях, под ужасающим огнем неприятеля солдаты карабкались на горы <...>. Несколько атак было отбито, но русские не отступили. Генералы Шепелев и Кровков вышли перед строем и сами повели солдат в бой, надев шляпы на шпаги. Ретраншементы и батареи янычар были взяты штурмом, русские были уже в турецком лагере, однако ожесточенное сражение продолжалось...»[30].

Сам Кровков в своей сказке (отчёте), поданной в январе 1692 года, так описывал ход сражения: «Во 186-м [1678] году был с тем же боярином [Г.Г. Ромодановским] под Чигирином же. И как везир турской со многими войски на Чигиринских горах построил всякие крепости и наряд поставил, чтоб ратных людей на Чигиринские горы не пустить, и он (Кровков. — **Прим. авт.**) посылан на Чигиринские горы для очищения гор и подъемов, и турского везиря и пушки и турской обоз збили и поставили свои обозы и многочисленное турское войско побили и Чигиринские горы взяли. И на тех Чигиринских горах полку иво полковника сына ево Семена ранили»[31]. В том сражении Кровков был ранен.

По возвращении в столицу Кровков не был обойдён наградами. За успешную оборону крепости и победу над турками у Чигиринских гор он (вместе с А. Шепелевым) был удостоен звания генерал-поручика, а затем, к концу 1678 года, произведён в полные генералы и пожалован в окольничие. Как и других отличившихся генералов (В. Змеева и А. Шепелева), Кровкова было предписано именовать в официальных документах полным отчеством, т.е. Матвеем Осиповичем Кровковым[32].

Кроме того, князю Ю. Долгорукому царским указом от 22 декабря 1678 года относительно Кровкова было велено «за службу и за рану 186 и 187 году [1678 и 1679 гг.], что он был под Чигирином и ранен, и за службу ж, что выборные солдатские полки всякому строю и ополчению научил»,

Под сильным давлением мятежных челобитчиков генерал был арестован, заключён в тюрьму и поставлен на «правеж» (принуждение к оплате долгов путём наказания батогами)

учинить придачу (прибавку) к жалованью — 43 рубля в год[33].

Увы, герой Чигирина допускал злоупотребления своим служебным положением. 29 апреля 1682 года московские солдаты и стрельцы подали челобитную на него и других полковых командиров (11 человек), обвиняя их «в насильствах и в налогах, и во всяких разореньях». Под сильным давлением мятежных челобитчиков генерал был арестован, заключён в тюрьму и поставлен на «правеж» (принуждение к оплате долгов путём наказания батогами) с целью взыскания с него денежных сумм в пользу пострадавших от его произвола солдат и стрельцов[34].

Находясь в тюрьме, в июне 1682 года Кровков обратился за помощью к боярину князю П.И. Хованскому. В письме он сообщил о «правеже» с него огромной суммы «9990 рублев 23 алтына 2 денги» и что он вынужден был продать и заложить «в малых денгах» «свои деревнишки и животишка, и посуду всякую, и лошади, и ружье» и уплатить «6597 руб. 16 алтын 4 денги». Кровков просил, чтобы Пётр обратился к своему отцу, князю Ивану Андреевичу Хованскому, с ходатайством, «чтобы в деле моем пожаловали, дали споможения». Взамен обещал отдать ему в залог муромские деревни или подмосковный, либо московский двор. Кроме того, Кровков из-за боязни за судьбу зятя, Фёдора Софонова, просил походатайствовать, чтобы его не выбирали в полуполковники к восставшим стрельцам[35].

Жена генерала Кровкова Агафья Григорьевна тоже обратилась за помощью к родственнице и близкой подруге боярыне П.А. Хованской. Её муж, князь П.И. Хованский, был старшим сыном руководителя Хованщины боярина И.А. Хованского, при попустительстве которого бунтовали стрельцы и солдаты. Учитывая, что в частной переписке XVII века обращение женщин к властям по вопросам политического характера было нечастым явлением, приводим его почти полностью. По словам жены, «на Матвея Осиповича посяг Веденихт Андреевич Змеев: дело приказано было ему, и они солдаты погрозили ему Вяткою, написали на него челобитную в двадцати тысячах, и он, их побоявся, и над Матвеем Осиповичем так учинил, выдал им его головою <...>. Пожалуй, матушка, умились, дайте живым быть. А как Матвея Осиповича на правежи били, изволь спросить Федора, сами своими руками <...>. Изволь, свет моя, письмо прочетчи, изодрать»[36]. Однако в это время сам П. Хованский из-за отца находился в опале и не мог оказать никакого влияния на смягчение царского приговора.

По требованию стрельцов генерал Кровков был отстранён от командования полком и отправлен в отставку. Его земельные пожалования были конфискованы в уплату долга, а сам он с семьёй вскоре был послан на воеводство в далёкий Якутск. Назначение на новую должность было, очевидно, связано с его повинной челобитной, с учётом его административного опыта и бывших ратных заслуг.

Преодолев огромное расстояние, 16 мая 1684 года семейство Кровковых прибыло в Якутск, являвшийся самым большим, удалённым и малонаселённым разрядным центром на северо-востоке Сибири. К началу XVIII века в Якутском уезде насчитывалось 36 волостей, 29 постоянно функционировавших острогов (самыми крупными были Анадырский, Зашиверский, Охотский, Удский), острожков и ясачных зимовий и 11 — временно действовавших[37].

В самом Якутске в 1681 году проживали 566 служилых людей, 21 подъячий и приказной, 9 представителей духовенства, 106 пашенных крестьян, всего свыше 800 человек[38].

Бывший генерал принял дела у своего предшественника воеводы И.Б. Приклонского и пробыл в этой должности до июля 1687 года[39]. Несмотря на сравнительно короткий период пребывания на воеводстве, отставной генерал сделал немало. Он вновь показал себя хорошим организатором, умелым и рачительным администратором, заботившимся о получении государевой прибыли.

Результаты его другой хозяйственной деятельности были изложены в челобитной на имя царя в 1687 году. Одной из значимых заслуг Кровкова на воеводском посту стало завершение строительства нового Якутского острога. К его приезду были возведены лишь деревянные крепостные стены с восемью башнями, покрытые тёсом, площадью 3600 квадратных саженей, но остальные строения, за исключением приказной избы, не были перенесены на другое место. Новый воевода предпринял энергичные меры не только по укреплению и обустройству «нового города», но и по значительному его расширению, переселению жителей. Преодолевая сопротивление служилых и «градцких людей», он первым делом добился переноса соборной церкви из старого острога в «новый город», воеводского и аманатского дворов, казённых амбаров для хлебных, соляных и судовых запасов, порохового погреба. Для защиты населения «от приходу воинских людей и осадного времени» воевода предложил перенести под стены города весь посад, таможенную избу, гостиный двор и дворы служилых и «жилецких» людей. При этом он требовал строиться по определённому плану: селиться «слободами» и «учинить проезжие улицы»[40]. Для обеспечения жителей водой в

случае осады города по распоряжению воеводы был вырыт колодец глубиной в восемь печатных сажен.

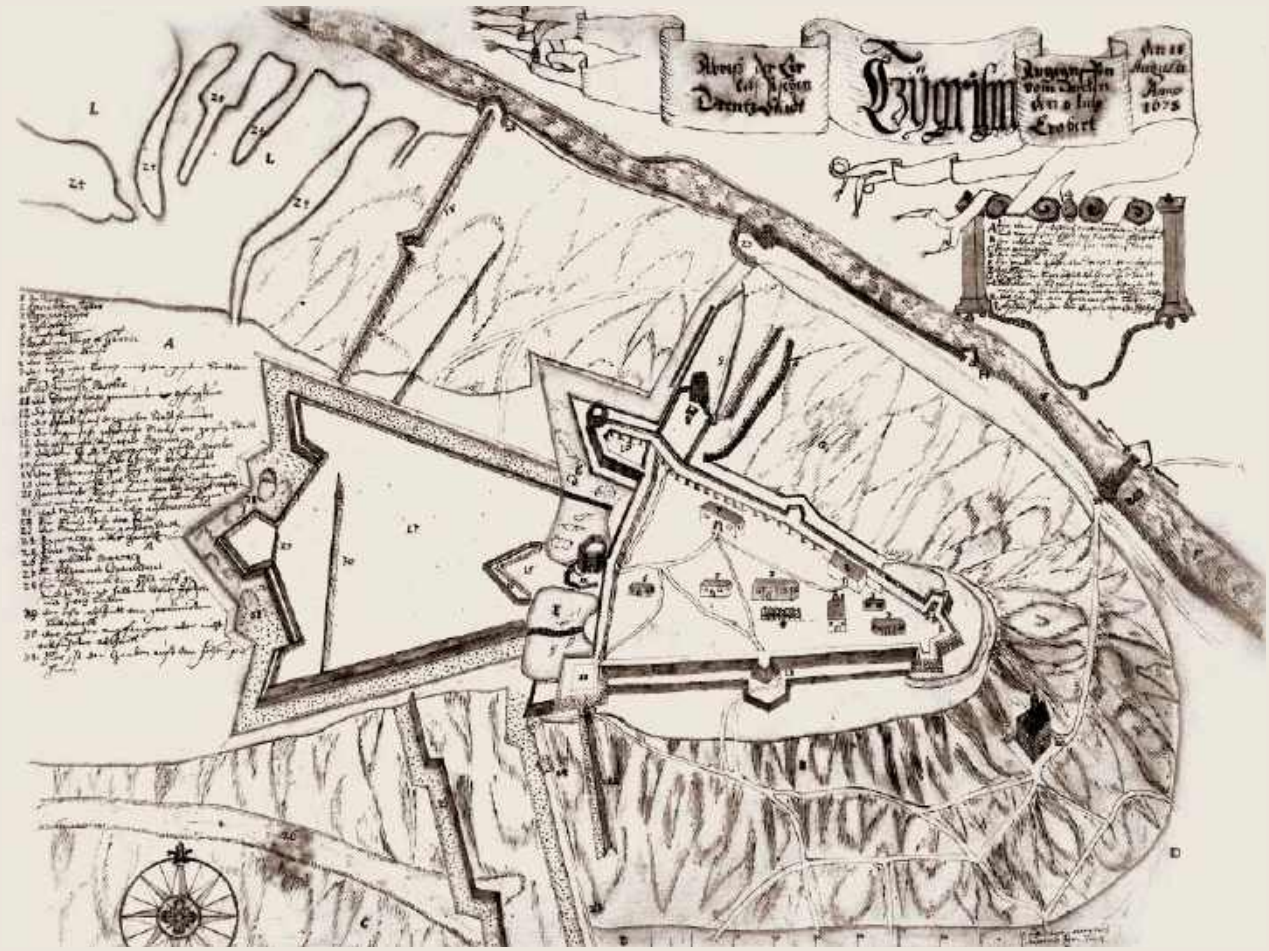
Все эти меры в немалой степени были связаны с осадой Албазина и Селенгинска многочисленным маньчжурским и монгольским войском. Получив от воеводы Алексея Толбузина известие о падении первой Албазинской крепости летом 1685 года, Кровков предпринял новые шаги по укреплению Якутска[41].

Другим достижением воеводы стало увеличение поступлений в казну ясачного сбора. В приведённой выше челобитной отмечалось, что Кровков, будучи на «государевой службе на Лене», собрал ясака «соболиной и лисичной казны и кости моржевого зуба в прошлых во 192 [1684] году мая 16 по оценке торговых людей на 29 900 руб. 3 алтына 2 денги, в 193 [1685] — 46 810 руб., 13 алтын 2 денги, в 194 [1686] — 45 912 руб., 195 [1687] — 35 701 руб. 14 алтын с денгой»[42].

В 1683—1684 гг. Кровков также заключил выгодный для казны подряд с крупным предпринимателем Сибири, входившим в состав гостиной сотни, — Иваном Ушаковым на поставку в Якутск более дешёвого хлеба. Если раньше доставка 6000 пудов из Енисейска в Якутск обходилась казне примерно в 2000 руб., то Ушаков предложил уплатить ему «по 5 алтын, 2 денги за пуд», что обходилось казне вдвое дешевле (960 руб.). В дальнейшем поставки муки братья Ушаковы осуществляли ежегодно[43].

Воевода широко использовал и откупные операции, приносившие казне немалый доход. Так, Кровков дал на откуп «в Ыльгинской и Бирюльской и в Орленской и Тугульской волостях и на усть Витима и Пеледуя рек квасные и бани на откуп, и с них взято в казну на 192—196 [1684—1688] гг.

Получив от воеводы Алексея Толбузина известие о падении первой Албазинской крепости летом 1685 года, Кровков предпринял новые шаги по укреплению Якутска

План крепости Чигирин 1678 г.

Гордон Патрик. Дневник 1677—1678 / пер., вступ. ст., примеч. Д.Г. Федосова. М.: Наука, 2005.

177 руб. 10 алтын., а в Якутске и на Чечуйском волоке — на 42 руб. 19 алтын 4 денги». В Якутске содержание городской бани и квасной избы отдали на три года торговому человеку Аникию Осколкову[44].

С деятельностью М.О. Кровкова было связано и начало разработок в Сибири месторождений железной руды. В пяти верстах от Якутска, на Нижнем лугу, нашли залежи железной руды, из которой подрядчики-казаки Иван Хлепутин и Пётр Борисов для нужд городового и острожного строения выплавили 47 пудов железа[45].

Подводя итог своего «сидения» в Якутске, воевода не без гордости заявлял, что «причинил великим государям» прибыли на сумму «164 749 руб. 26 алтын и 4 денги»[46].

Однако, показав себя рачительным и успешным управителем громадного края, Кровков не упускал возможности поправить свои пошатнувшиеся финансовые дела за счёт незаконных источников обогащения. В «Обозрении столбцов и книг Сибирского приказа...» приведены материалы сысков о злоупотреблениях якутских воевод: Матвея Кровкова, Петра Зиновьева, князя Ивана Гагарина, Михаила и Андрея Арсеньевых. Указанные воеводы получали большие доходы от продажи должностей ясачных сборщиков в якутских острожках и зимовьях. К примеру, в 1696 году с охотского приказчика взяли 200 рублей, в 1695—1697 гг. с удского — 608, в 1695—1697 гг. с майского — 130 и т.д.[47]

В ходе проведённых сысков было установлено, что якутские воеводы облагали служилых людей при сборе ясака налогом в соответствии с занимаемой должностью и доходностью того или иного зимовья. Доходы со сборщиков ясака при Кровкове и Зиновьеве составляли тысячи рублей[48].

Другим источником незаконных доходов являлся вывоз из Сибири больших партий пушнины с целью перепродажи её в Москве и других городах Центральной России.

Неслучайно возвращавшегося в Москву воеводу Кровкова таможенные головы в Сибири проверяли 11 раз, а когда он подъезжал к Верхотурью, таможенный голова И. Соколов выслал ему навстречу целовальников и служилых людей за 60 вёрст. Его «поезд» вели под караулом до самого города, где подвергли тщательному осмотру. При этом был вскрыт даже гроб с телом жены, конфискованы запрещённая к вывозу пушнина и другие «заповедные» товары[49].

В ответ на действия таможенников Кровков в 1690 году подал челобитную о возвращении ему «животов», отобранных у него на Верхотурской заставе и «отписанных на государя». Служил 50 лет, писал он, со своим полком сражался с немцами, поляками, крымскими татарами, турками, ходил войной на калмыков, башкир, бился, не щадя себя, с бунтом «вора» Стеньки Разина «и с иными многими иноземцы», на многих боях «избит весь и коньми растоптан и изувечен», «всякую нужду и голод терпел и мертвую кобылятину ел» и «за многие службы и за раны и за кровь детишек своих» для «окупления долгов и выкупу деревнишек» государи пожаловали его новым служебным назначением — якутским воеводой[50].

Нет сведений о том, как Сибирский приказ прореагировал на эту челобитную. Видимо, в просьбе было отказано. Как известно, правительство Петра I жёстко пресекало должностные преступления администраторов-казнокрадов. В 1696—1702 гг. был проведён сыск в отношении думного дьяка Д.Л. Полянского, выявивший большие злоупотребления в воеводско-приказной системе управления Сибири. В материалах сыска в числе наиболее крупных «коррупционеров» был назван и бывший генерал якутский воевода Матвей Кровков[51].

Таким образом, М.О. Кровков, проявив себя опытным и бесстрашным военачальником на полях сражений, в то же время оказался в числе корыстолюбивых администраторов, которые, используя своё служебное положение, нередко обогащались за счёт подчинённых. Наличие организованной коррупции и казнокрадства в армии и гражданской сфере в значительной мере побудило правительство Петра I в начале XVIII века к радикальному реформированию и модернизации аппарата государственной власти на всех уровнях.

Примечания

[1] *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656—1671 гг. М.: Древлехранилище, 2006; *Минаков С.Т.* XVII век. Первый русский генерал Венедикт Змеев. Орел: ОГУ, 2011.

[2] *Веселовский С.Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. С. 163.

[3] Боярская книга 1639 года / [Отв. ред. В.И. Буганов; предисл. Н.М. Рогожин; вступ. ст. М.П. Лукичёв; подгот. текста В.А. Кадик и др.]. М.: Изд. центр Ин-та рос. истории РАН, 1999. С. 183.

[4] *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова. 1606—1607. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1951. С. 451, 459, 461; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601—1608: сб. документов / Отв. ред. Н.М. Рогожин. М.: Наука, 2003. Док. 15. С. 48, 367.

[5] *Минаков С.Т.* Указ. соч. С. 7, 122.

[6] Русская историческая библиотека. Т. 10: Записные книги Московского стола 1636—1663 г. СПб.: Тип. Ф.Г. Елковского и Ко, 1886. С. 484.

[7] *Малов А.В.* Московские выборные полки… С. 114.
[8] Там же. С. 113, 480.
[9] *Минаков С.Т.* Указ. соч. С. 104.
[10] *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII века / [АН СССР. Ин-т истории СССР]. М.: Наука, 1969. С. 78.
[11] *Преображенский А.А.* Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 64.
[12] *Малов А.В.* Московские выборные полки… С. 220, 521, 522.
[13] *Оглоблин Н.Н. О*бозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768). Ч. 3. М.: Универ. тип., 1900. С. 91.
[14] *Малов А.В.* Московские выборные полки… С. 523—525; *Никитин Н.И.* Разинское движение: взгляд из XXI века. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2017. С. 14.
[15] *Малов А.В.* Московские выборные полки… С. 400, 507.
[16] *Бабулин И.Б.* Война за возвращение Украины. 1668—1669. М.: Русские витязи, 2021. С. 86.
[17] *Малов А.В.* Московские выборные полки… С. 337; *Бабулин И.Б.* Указ. соч. С. 113—132.
[18] *Бабулин И.Б.* Указ. соч. С. 159.
[19] *Малов А.В.* Московские выборные полки… С. 508.
[20] *Бабулин И.Б.* Указ. соч. С. 161.
[21] *Малов А.В.* Московские выборные полки… С. 190, 529.
[22] Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. документов. Т. 2: Август 1670 — январь 1671. Ч. 1: Массовое народное восстание в Поволжье и смежных областях. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. Док. 118. С. 139.
[23] *Малов А.В.* Московские выборные полки… С. 547.
[24] Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. документов. Т. 3: Подавление восстания, казнь С. Разина и позднейшие отголоски движения (с января 1671 г.). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. Док. 6. С. 9.
[25] Там же. Док. 397. С. 514—519.
[26] *Малов А.В.* Московские выборные полки… С. 418.
[27] Там же. С. 114.
[28] *Он же.* Московские выборные полки солдатского строя в борьбе за Чигирин в 1677—1678 годах // Гордон Патрик. Дневник 1677—1678 / Пер., вступ. ст., примеч. Д.Г. Федосова. М.: Наука, 2005. С. 193, 194.
[29] *Новохатко О.В.* Россия. Частная переписка XVII века. М.: Памятники исторической мысли, 2018. С. 581.
[30] Цит. по: *Минаков С.Т.* Указ. соч. С. 47, 48.
[31] Цит. по: *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в борьбе за Чигирин в 1677—1678 годах… С. 197, 198.
[32] *Минаков С.Т.* Указ. соч. С. 49.
[33] Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (ДАИ). Т. 9: [1676—1682 / Ред.: Н.В. Калачев, А.И. Тимофеев]. СПб.: Тип. 2-го отделения собств. Е.И.В. канцелярии, 1875. Док. 50. С. 123, 124.
[34] Восстание в Москве 1682 года: сб. документов / АН СССР, Ин-т истории СССР [сост. канд. ист. наук Н.Г. Савич]; отв. ред. д-р ист. наук. В.И. Буганов. М.: Наука, 1976. Док. 1. С. 12—14.
[35] Там же. С. 47, 48, 293. Воевода и боярин Пётр Иванович Хованский был младшим сыном боярина князя Ивана Андреевича Хованского, казнённого вместе со своим старшим сыном Андреем Ивановичем Хованским в 1682 г. Прасковья Андреевна Хованская была женой П.И. Хованского. См.: *Новохатко О.В.* Указ. соч. С. 581, 642.
[36] *Новохатко О.В.* Указ. соч. С. 238, 239.
[37] *Сафронов Ф.Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М.: Наука, 1978. С. 22.
[38] Якутия в XVII веке. (Очерки): сб. / Акад. наук СССР. Якут. филиал. Ин-т языка, литературы и истории; под ред. С.В. Бахрушина и С.А. Токарева; [Предисл. проф. С.А. Токарева]. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1953. С. 404.
[39] *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Развивающее обучение, 1998. С. 183. В.В. Ушницкий ошибочно считает, что М. Кровков находился на воеводстве в Якутске 13 лет. См.: *Ушницкий В.В.* Генерал Матвей Кровков на службе в Якутском воеводстве // Якутский архив. 2008. №. 2. С. 60.
[40] Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: сб. документов / Под общ. ред. Я.П. Алкора, Б.Д. Грекова; вступ. ст. И.М. Троцкого. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. С. 89; *Сафронов Ф.Г.* Город Якутск в XVII — начале XIX века. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1957. С. 38, 39. Крепостные стены и башни Якутского острога сохранялись до 1920 г.
[41] Албазинское воеводство: сб. документов / Сост. В.И. Трухин, В.В. Крюков. 2-е изд., испр. и доп. Хабаровск: [Б.и.], 2019. Док. 90. С. 318—323.
[42] Колониальная политика Московского государства… С. 89.
[43] Там же; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII (Енисейский край). М.: Наука. 1969. С. 262, 263.
[44] Колониальная политика Московского государства… С. 89.
[45] ДАИ. Т. 10: (1882—1685) / (Под ред.А. Тимофеева). СПб: Тип. Э. Праца, 1867. С. 317; *Курлаев Е.А., Манькова И.Л.* Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке у истоков российской промышленной политики. М.: Древлехранилище, 2005. С. 54.
[46] Колониальная политика Московского государства… С. 89, 90.
[47] *Оглоблин Н.Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа… Ч. 3. С. 189, 190, 332, 333.
[48] *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. С. 135.
[49] *Вершинин Е.В.* Указ. соч. С. 101.
[50] Там же. С. 53, 54.
[51] *Зольникова Н.Д.* Сыск Д.Л. Полянского и «письма» Избранта Идеса // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма: сб. науч. тр. / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии, Сиб. отд-ние Археогр. комис.; отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1989. С. 186—188.

I.P. Kamenetskiy

«WE DEFEATED A LARGE TURKISH ARMY AND TOOK THE CHIGIRIN MOUNTAINS»

The Sovereign's service of General and Voivode Matvey Krovkov

Information about author. *Ivan Kamenetskiy — senior researcher at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Cand. Sc. (Hist.) (city of Novosibirsk. E-mail: kameneckiiiwan@mail.ru).*

Summary. *This paper explores the military and administrative career of Matvey Osipovich Krovkov, one of the pioneering Russian generals and a key figure in the Chigirin campaign. Through a thorough examination of published sources and scholarly literature, this paper sheds light on Krovkov's background, career milestones, and his role in suppressing popular uprisings and fighting foreign adversaries. The paper reveals that Krovkov's managerial abilities propelled him from a provincial nobleman to a general and courtier. Under his command, victories were achieved in battles against the Ottoman Empire, in battles for Little Russia, and in quelling popular rebellions. At the same time, Krovkov demonstrated not only his expertise and bravery as a military commander, but also his self-serving nature as an administrator. Consequently, he was relieved of his command and assigned to Yakutsk as a voivode. In this new role, he proved to be an energetic and successful administrator, as well as a frugal manager. He made significant contributions to the region's defense and development. It is evident that Krovkov's personality was representative of many high-ranking officials in pre-Petrine Russia. These officials frequently exploited their positions to enrich themselves at the expense of the rank and file soldiers.*

Keywords: *general M.O. Krovkov; Second Elective Soldiers' Regiment; Cherkasy Campaign; Tatar Massacre; fight against Razin's men; defense of Chigirin; abuse of power; voivodeship in Yakutsk.*

ФЕВРАЛЬ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

2 февраля — День воинской славы России. День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве (1943 г.).

4 февраля 1881 года, 145 лет назад, родился К.Е. Ворошилов, государственный и военный деятель, Маршал Советского Союза (1935), дважды Герой Советского Союза (1956, 1968), Герой Социалистического Труда (1960).

8 февраля — День военного топографа.

8 февраля — Международный день юного героя-антифашиста.

А.Х. Бабаджанян

13 февраля 1896 года, 130 лет назад, родился В.Г. Власов, учёный-кораблестроитель, инженер-контр-адмирал (1940), профессор (1935), доктор технических наук (1957), автор трудов по вопросам непотопляемости кораблей, создатель метода восстановления остойчивости повреждённого корабля. Умер 10 июля 1959 года.

15 февраля — Памятная дата России. День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества.

15 февраля 1906 года, 120 лет назад, родился М.М. Джалиль, татарский поэт, Герой Советского Союза (1956, посмертно), автор лирических стихотворений, поэм, либретто опер. За цикл стихов «Моабитская тетрадь» в 1957 году был посмертно удостоен Ленинской премии. Политрук, сотрудник редакции газеты «Отвага» 2-й ударной армии Волховского фронта. В 1942 году был ранен, взят в плен. Казнён в фашистской тюрьме Плётцензее в Берлине 25 августа 1944 года.

18 февраля 1906 года, 120 лет назад, родился Амазасп Хачатурович Бабаджанян, главный маршал бронетанковых войск (1975), Герой Советского Союза (1944). В Красной армии — с 1925 года. Участник Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. Во время Великой Отечественной войны командовал полком, бригадой, корпусом. После войны — армией, войсками Одесского военного округа. С мая 1969 года — начальник танковых войск Советской армии. Умер 1 ноября 1977 года.

21 февраля 1916 года, 110 лет назад, началась Верденская наступательная операция германских войск (закончилась 18 декабря). Замысел операции заключался в том, чтобы прорвать французскую оборону на узком участке, овладеть Верденом и создать угрозу Парижу. Однако поставленные задачи германскому командованию выполнить не удалось, операция приняла характер борьбы на истощение. В операции участвовали со стороны Германии 50, Франции — 69 дивизий; Германия потеряла 600 тыс., Франция — 358 тыс. человек. В ходе операции были испытаны новые средства борьбы (Германией — огнемёты, Францией — лёгкие пулемёты) и способы ведения боевых действий. Обе стороны массированно применяли скорострельную и дальнобойную (в том числе тяжёлую) артиллерию, миномёты, химические средства, широко использовали авиацию для решения не только разведывательных, но и боевых задач. Поддержка атаки пехоты осуществлялась подвижным заградительным огнём. Впервые был опробован групповой боевой порядок. Определились огромная роль оперативного и тактического тыла в питании войск, значение хороших дорог и автотранспорта в решении оперативно-тактических задач. Опыт построения обороны, основанной на сочетании полевых и долговременных укреплений, использовался в последующем для строительства пограничных укреплённых линий.

23 февраля — День воинской славы России. День защитника Отечества.

26 февраля 1966 года, 60 лет назад, в СССР была запущена первая твёрдотопливная межконтинентальная баллистическая ракета РТ-2.

27 февраля 1986 года, 40 лет назад, в СССР состоялся первый запуск модернизированного космического аппарата «Космос-1735» в интересах морской радиотехнической разведки.

Публикация Н.Л. Крыловой